А. М. РЕННИКОВЪ.

МИНУВШІЕ ДНИ

А. М. РЕННИКОВЪ.

МИНУВШІЕ ДНИ

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Нѣкоторые изъ друзей настойчиво совѣтуютъ мнѣ написать мемуары. Мотивируютъ они эти совѣты тѣмъ, что на своемъ вѣку не мало встрѣчалъ я интересныхъ людей, много пережилъ всевозможныхъ событій.

А помимо того, по ихъ мнѣнію, я уже вполнѣ созрѣлъ для занятій воспоминаніями. Печень у меня не въ порядкѣ; подагра иногда даетъ о себѣ знать; а склерозъ нерѣдко показываетъ, что достаточно умудренъ я жизненнымъ опытомъ.

Словомъ, друзья полагаютъ, что мнѣ уже пора не жить, а вспоминать о жизни.

Сначала я, было, заколебался. А въ самомъ дѣлѣ, не приняться-ли за это занятіе? Каждому человѣку лестно во всеуслышаніе разсказать о своемъ дѣтствѣ, отрочествѣ, зрѣлыхъ годахъ; указать, какимъ вдумчивымъ, впечатлительнымъ ребенкомъ онъ былъ, поражая своимъ умомъ окружающихъ и приводя въ умиленіе безпристрастныхъ родителей; какимъ замѣчательнымъ юношей оказался впослѣдствіи, какой проницательностью обладалъ въ зрѣломъ возрастѣ, предвидя грядущія событія, о которыхъ никто другой не догадывался.

Итакъ, мнѣ показалось сначала, что согласить-

ся слѣдуетъ. Но, передъ тѣмъ какъ взяться за дѣло, вздумалъ я ознакомиться: какъ писали у насъ, въ эмиграціи, свои воспоминанія опытные мемуаристы? И тутъ-то начались сомнѣнія.

Вѣдь, увы! Былъ я въ Россіи совершенно скромнымъ, зауряднымъ человѣкомъ, отъ котораго ничто не зависѣло. Начальникомъ штаба ни въ какой арміи не состоялъ. Министерствомъ не управлялъ, даже почтой и телеграфомъ. Императорскими театрами не завѣдывалъ. На россійскіе финансы вліянія не оказывалъ. При Дворѣ роли никакой не игралъ. Особеннымъ богатствомъ не обладалъ, чтобы проигрывать милліоны въ Монте Карло или метать бисеръ передъ парижскими дамами полусвѣта.

И, наконецъ, академикомъ по отдѣлу изящной словесности не былъ, чтобы презирать всѣхъ писателей, кромѣ себя.

Въ общемъ, основаній для писанія мемуаровъ у меня было мало. А тутъ еще услышалъ я какъ-то разсказъ объ одномъ жуткомъ случаѣ, происшедшемъ въ Парижѣ.

Одна русская дама была большой любительницей чтенія. Читала она все, что подворачивалось подъ руку. И попался ей однажды томъ чьихъ то воспоминаній. Книга была растрепанная, безъ переплета; въ началѣ не хватало обложки и нѣсколькихъ первыхъ страницъ.

Прочла дама весь томъ; возможно, что не очень внимательно; возможно даже — не всѣ главы. И съ

радостью замѣтила, что неизвѣстный мемуаристъ-авторъ среди всѣхъ государственныхъ дѣятелей старой Россіи высоко расцѣниваетъ только одного: какъ разъ ея знакомаго эмигранта, котораго она часто встрѣчала въ церкви.

Принесла дама книгу въ церковь и послѣ литургіи подошла къ этому маститому государственному дѣятелю.

— Вотъ, посмотрите, какъ много хорошаго о васъ здѣсь пишутъ, — радостно сказала она.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. Только васъ и хвалятъ. Остальныхъ всѣхъ бранятъ.

— Интересно!

Дѣятель взялъ въ руки книгу, перелисталъ.

— Судя по изложенію, — любезно продолжала дама, — если бы не вы, Россія погибла бы значительно раньше. Можетъ быть, хотите, я подарю вамъ этотъ томъ?

— О, нѣтъ, — мрачно отвѣчалъ тотъ. — У меня самого осталось много авторскихъ экземпляровъ.

Вотъ, во избѣжаніе положенія, подобному этому, а также въ силу указанныхъ раньше причинъ, я и рѣшилъ не писать мемуаровъ. А вмѣсто воспоминаній большого калибра думаю ограничиться краткими очерками съ изложеніемъ кое-какихъ эпизодовъ изъ своей жизни въ старой Россіи.

И читателямъ будетъ легче. И мнѣ самому тоже.

ПЕРЕДЪ ПИРОМЪ БОГОВЪ.

Когда мы, свидѣтели нашей дореволюціонной эпохи, вспоминаемъ пережитыя нами событія, у всѣхъ у насъ возникаетъ одинаковое странное чувство: будто было это не въ какіе-то прошлые годы, а въ прошломъ существованіи, до появленія на свѣтъ.

Точно и государство было другое. И народъ. И даже другая планета.

Прежде... въ былыя времена... Сидѣлъ какой-нибудь изъ нашихъ предковъ въ своей усадьбѣ подъ липой, пилъ чай съ малиновымъ вареньемъ, разсказывалъ внукамъ о всякихъ событіяхъ, о дѣдѣ и бабкѣ, о турецкой кампаніи, о севастопольской оборонѣ—и все было правдоподобно, все казалось реальнымъ.

И бабушка когда-то ходила здѣсь, по этимъ самымъ аллеямъ; и покойный дѣдушка жилъ въ этихъ комнатахъ, въ правомъ крылѣ дома. И отъ турецкой кампаніи остались реликвіи, которыя находятся въ кабинетѣ Ивана Петровича. И если прабабка Екатерина Сергѣевна отъ несчастной любви бросилась въ прудъ, то этотъ прудъ — тутъ же, подъ бокомъ, въ концѣ сада, на границѣ съ березовой рощей.

Прошлое съ настоящимъ было тогда прочно связано и пространствомъ, и временемъ, и землей, и водой, и людьми, и липами, и соловьями.

А теперь — что такое наши воспоминанія? Даже о крупныхъ событіяхъ? Вдали отъ родной почвы — простая отвлеченность. Смутный экранъ. Даже чтобы вспомнить о дѣдушкѣ, нужно вспомнить объ усадьбѣ; а чтобы вспомнить объ усадьбѣ, нужно вспомнить о липахъ, о прудѣ, о соловьяхъ, о березахъ. Даже — о землѣ подъ ногами надо вспомнить. И о небѣ надъ головой.

Вокругъ насъ, эмигрантовъ, сейчасъ — ничего реально ощутимаго, чтобы зацѣпиться за прошлое. Повсюду — чужое. Свое — одна только память. И потому кажется, что все бывшее давно — нѣчто потустороннее. Какое-то "гдѣ-то", "когда-то".

. . . .

Въ своемъ "Цицеронѣ" Тютчевъ писалъ:

"Счастливъ, кто посѣтилъ сей міръ
Въ его минуты роковыя:
Его призвали всеблагіе
Какъ собесѣдника на пиръ."

Эти слова поэта, относившіяся къ языческому міру, какъ нельзя больше подходятъ къ намъ, старымъ русскимъ интеллигентамъ, мало думавшимъ о христіанскомъ Богѣ до крушенія Россіи.

По какимъ-то соображеніямъ — изъ любви ли

къ намъ, или, наоборотъ, чтобы сдѣлать намъ гадость, но упомянутые боги Цицерона почему-то избрали въ собесѣдники именно насъ. Такихъ роковыхъ минутъ и такого шумнаго продолжительнаго пира далеко не испытывали на своемъ вѣку наши отцы и дѣды. Русско-японская война, первая революція, первая міровая война, вторая революція, бѣлая борьба, эвакуація, блужданія по чужимъ странамъ...

Какъ начали мы пировать съ языческими всеблагими въ 1904 году, такъ и пируемъ до сихъ поръ.

Многіе изъ насъ, людей пожилыхъ, старыхъ, иногда даже ропщутъ на подобное переобремененіе яствами. Не слишкомъ ли много для одного поколѣнія? А нѣкоторые даже завидуютъ предкамъ — "Вотъ бы родиться и умереть на пятьдесятъ лѣтъ раньше!" А, между тѣмъ, къ чему эти безплодныя чудесныя мечты? Безусловно, — если бы родились мы всѣ раньше на пятьдесятъ лѣтъ, ровно на столько же лѣтъ раньше навалились бы на насъ и всѣ эти войны и революціи.

За три года до начала нашего языческаго пира, въ 1901 году, поступилъ я въ Новороссійскій Университетъ. Не предполагая сидѣть за однимъ столомъ съ небожителями, думалъ я посвятить себя отвлеченной наукѣ и сдѣлаться знаменитымъ математикомъ, на что у меня были несокрушимыя основанія: въ восьмомъ классѣ тифлисской первой гимназіи никто изъ учениковъ не зналъ такъ хорошо

алгебры, геометріи и тригонометріи, какъ я. А въ качествѣ любителя, зналъ я отлично и астрономію, которую никто изъ моихъ коллегъ не изучалъ. Поэтому, сдѣлаться впослѣдствіи русскимъ Ньютономъ, Лапласомъ, или хотя бы Фламмаріономъ были у меня огромные шансы.

И, не догадываясь о томъ, что произойдетъ впослѣдствіи, со всѣмъ пыломъ молодости отдался я высшей алгебрѣ, аналитической геометріи, физикѣ и прочимъ чарующимъ научнымъ предметамъ. Первое время все шло прекрасно, Профессора читали, студенты записывали; отъ огромныхъ черныхъ досокъ, на которыхъ смѣняли другъ друга кривыя второго порядка, дифференціальныя уравненія, векторы аналитической механики, — пахло мѣломъ, пылью и отвлеченной наукой. Въ коридорахъ царила тишина, не то торжественная, не то тревожная, напоминающая о томъ, что жизнь коротка, а научнымъ дисциплинамъ края не видно.

А снаружи, за окнами, шумѣлъ южный городъ, радующійся синему морю, синему небу, сверкающей зимней бѣлизнѣ снѣга, одуряющему аромату весеннихъ акацій.

Но, вотъ, вдругъ, стали появляться первые провозвѣстники грядущихъ событій.

Около университетскаго зданія неожиданно собиралась толпа молодежи. Въ корридорахъ начиналось оживленіе, приходили студенты чужихъ фа-

культетовъ. И когда изъ аудиторій во время перемѣны выходили профессора, какіе-то неизвѣстные люди взбирались на кафедры и произносили горячія рѣчи съ призывомъ явиться на сходку или принять участіе въ манифестаціи протеста.

Однажды подобный протестъ мы должны были вынести относительно негритянскаго племени Гереро, обитавшаго въ германской колоніи Дамарѣ. Нѣмцы ужасно притѣсняли это несчастное африканское племя. Непокорные туземцы избивались, вожди непокорныхъ разстрѣливались. Разумѣется, мы, русскіе студенты, не могли допустить такого безобразія. Какъ? Племя Гереро страдаетъ, свободолюбивые вожди его уничтожаются, а мы тутъ сидимъ, дифференцируемъ, интегрируемъ и равнодушно прислушиваемся къ южно-африканскимъ рыданіямъ и стонамъ?

Насколько помню, присутствовавшіе тогда на сходкѣ студенты выразили свое негодованіе по адресу германскаго правительства подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Нѣкоторые чуть-ли не клялись, что не прикоснутся къ учебникамъ, пока режимъ подавленія личности въ Дамарѣ не ослабѣетъ. И только одинъ какой-то филологъ осмѣлился высказать особое мнѣніе, призывая коллегъ отнестись къ вопросу болѣе вдумчиво и сначала узнать точно по картѣ, гдѣ находится Дамара и кто такіе Гереро, ее населяющіе.

Этотъ студентъ, конечно, былъ дружно освис-

танъ.

А въ другой разъ была еще одна сходка, уже болѣе многолюдная и болѣе шумная. Касалась она казни какого-то испанскаго анархиста, кажется Фереро, взволновавшей всѣ наши факультеты. Событіе это казалось потрясающимъ; кромѣ того произошло оно уже не въ далекой южной Африкѣ, а совсѣмъ недалеко — въ Барцелонѣ, на разстояніи двухъ съ половиной тысячъ километровъ отъ Одессы. Перенести эту жестокую расправу испанскаго правительства съ невиннымъ анархистомъ, бросавшимъ бомбы, наши студенты, естественно, не могли. И возлѣ зданія университета была организована манифестація.

О чемъ думали шнырявшіе среди манифестантовъ и поощрявшіе ихъ къ активнымъ дѣйствіямъ члены "Союза освобожденія рабочаго класса" или "Бундовцы", говорить здѣсь не будемъ. Но, разгоряченные своей ролью заступниковъ міровой справедливости, наши студенты понимали, что если они не пригрозятъ испанскому правительству, то оно, пріободрившись, казнитъ второго анархиста, третьяго; и, чего добраго, дойдетъ до того, что совершенно уничтожитъ въ Испаніи анархизмъ.

Манифестація могла окончиться довольно грустно - переписью участниковъ, даже арестами. Но приставъ, явившійся сюда съ отрядомъ городовыхъ, оказался, къ счастью, человѣкомъ довольно опытнымъ и притомъ флегматичнымъ. Подойдя къ бли-

жайшимъ манифестантамъ, онъ равнодушно спросилъ:

— По какому случаю собраніе?

— Долой Испанію! — горячо воскликнулъ въ отвѣтъ кто-то.

— Испанію? Ну, это ничего, — благодушно согласился приставъ. — Я подожду.

И онъ, дѣйствительно, подождалъ. Пока студенты наговорились, накричались и стали, наконецъ, расходиться.

СТУДЕНТЫ.

Однако, до 1904 года манифестаціи и забастовки рѣдко тревожили нашу университетскую жизнь. Правда, доходили до насъ отголоски безпорядковъ въ другихъ городахъ: въ 1902 году въ Кіевѣ состоялась большая студенческая демонстрація; въ слѣдующемъ году въ цѣломъ рядѣ южныхъ городовъ происходили рабочія манифестаціи, къ которымъ примыкали студенты. Но у насъ, въ Одессѣ, все это отражалось довольно слабо; занятія почти не прерывались. И за немногіе годы сравнительнаго спокойствія мнѣ удалось присмотрѣться къ своимъ коллегамъ — правымъ и лѣвымъ.

Какіе, въ общемъ, прекрасные молодые люди! Какъ ни смотрѣть сейчасъ на нихъ, изъ дали ны-

нѣшнихъ временъ, какъ ни расцѣнивать вредъ или пользу ихъ наивныхъ выступленій въ общественно-политической жизни, какъ ни глядѣть на нихъ, — справа-ли, слѣва-ли, — но, по существу, сколько благородства въ мысляхъ, сколько душевной чистоты!

Были среди насъ правые, большей частью — изъ зажиточныхъ или чиновничьихъ русскихъ семей; были лѣвые, въ большинствѣ малоимущіе, перебивавшіеся уроками или какой-нибудь посторонней работой; были центральные, "академисты", составившіеся по типу московскаго академическаго кружка профессора Герье, ставившіе главной цѣлью своей университетской жизни занятіе наукой. Были, наконецъ, и просто "дикіе", ни къ какимъ группировкамъ не принадлежавшіе.

Разумѣется каждая группа считала себя выше другой. Напримѣръ, мы, "академисты", обычно прилежно занимавшіеся и аккуратно посѣщавшіе лекціи, съ легкимъ пренебреженіемъ смотрѣли на правыхъ и лѣвыхъ; согласно своимъ политическимъ взглядамъ, мы требовали не общей конституціи для всего государства, а только университетской автономіи, уступая общія заботы о государствѣ людямъ другихъ профессій и возрастовъ. И свободы мы жаждали не вообще, а только для университета, чтобы на нашу желанную университетскую автономію никто не смѣлъ посягать ни справа, ни слѣва, ни инспекція, ни забастовщики, насильственно пре-

кращавшіе занятія.

Среди правыхъ тоже было не мало серьезно занимавшихся; но были у нихъ и большіе лодыри, особенно "бѣлопокладочники". Эти рѣдко посѣщали лекціи, съ трудомъ перебирались съ курса на курсъ. Холеные, тщательно одѣтые, подкатывали они къ Университету въ экипажахъ — собственныхъ или наемныхъ; снисходительно входили въ зданіе, какъ бы оказывая этому зданію честь своимъ посѣщеніемъ; усаживались въ аудиторіяхъ гдѣ-нибудь на дальней скамейкѣ, чтобы профессоръ случайно не обратился къ нимъ съ какимъ-либо вопросомъ; и благосклонно внимали тому, что говоритъ лекторъ. Были они, конечно, очень воспитаны и потому вели себя на лекціяхъ вполнѣ достойно: не позволяли себѣ открыто зѣвать, или выражать неудовольствіе по поводу излишней отвлеченности трактуемаго вопроса. На чертежи или формулы, появлявшіеся на доскѣ подъ опытной рукой профессора, они смотрѣли съ явнымъ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ нѣкоторой долей испуга, какъ смотрятъ на диковинные экземпляры посѣтители зоологическихъ садовъ и музеевъ. А при упоминаніи славныхъ именъ корифеевъ науки сочувственно улыбались и кивали головами, давая понять, что объ этихъ уважаемыхъ людяхъ они гдѣ-то слышали самые лестные отзывы.

Однако, правые и даже "бѣлоподкладочники" не вызывали въ насъ, академистахъ, непріязненнаго

отношенія, такъ какъ стояли за порядокъ и за спокойное теченіе университетской жизни. Совсѣмъ другое чувство было у насъ къ крайне лѣвымъ - къ соціалъ - революціонерамъ и къ соціалъ - демократамъ. Соціалисты - революціонеры были еще не такъ страшны. Они ходили въ баню, стригли волосы и нерѣдко носили подъ тужуркой крахмальные воротники. И программа ихъ была не такъ мрачна, какъ программа соціалъ - демократовъ. Они считали самой лучшей частью населенія Россіи не только заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ, но и мужичковъ, и даже трудовую интеллигенцію, поскольку эта интеллигенція согласна принять ихъ революціонные взгляды. Будущая Россія имъ рисовалась, согласно Лаврову, Михайловскому и Чернову, демократической республикой со всѣми свободами и, разумѣется, съ отмѣной смертной казни за политическія дѣла. А потому, для возможно скорѣйшей отмѣны смертной казни необходимы террористическіе акты противъ губернаторовъ, градоначальниковъ, приставовъ, околоточныхъ и даже городовыхъ.

И все-таки, несмотря на подобную кровавую программу борьбы во имя будущаго уваженія къ чужой жизни, соціалисты - революціонеры не производили отталкивающаго впечатлѣнія. Съ ними, какъ никакъ, можно было спорить; обожая мужиковъ, они все-таки, допускали, что не интеллигентовъ слѣдуетъ сдѣлать мужиками, а мужиковъ — интеллигентами. А что касается соціалъ - демократовъ,

то ихъ рабочіе были единственнымъ классомъ, способнымъ своей диктатурой довести Россію до высшей точки государственнаго благоденствія. И это, естественно, внушало намъ, интеллигентамъ - академистамъ, тревогу и даже обиду: почему рабочихъ считать солью русской земли? Съ какой стати?

Волосатые, грязные, съ самонадѣянностью во взорѣ, съ морщинками презрѣнія ко всѣмъ инакомыслящимъ, эсдеки казались намъ не просто партійными людьми, а членами особой секты, не то душителей, не то огнепоклонниковъ.

Величіе, съ которымъ они изрекали свои истины; пренебреженіе, съ которымъ они встрѣчали слова своихъ оппонентовъ, дѣлали изъ нихъ жуткихъ жрецовъ, знавшихъ какую-то великую эзотерическую тайну.

А кромѣ упомянутыхъ трехъ группъ, разумѣется, была среди студентовъ и аморфная масса, составлявшая большинство, иногда примыкавшая къ правымъ, иногда къ лѣвымъ, смотря по таланту и напору ораторовъ. Никакими высокими идеями не увлекаясь, эти люди занимались въ мѣру, не очень хорошо не очень плохо, кое-какъ переходили съ курса на курсъ, мечтая благополучно окончить Университетъ и сдѣлаться преподавателями, столоначальниками или кандидатами на судебныя должности.

Такимъ образомъ, съ настоящимъ чувствомъ долга по отношенію къ учебнымъ занятіямъ рабо-

тали только академисты, составлявшіе ничтожное меньшинство. Правымъ некогда было слишкомъ много времени удѣлять Университету; особенно занятыми оказывались "бѣлоподкладочники". Сегодня — званый вечеръ у Елены Васильевны; завтра — свиданіе съ Сонечкой; въ четвергъ — оперетта "Бѣдныя Овечки"; а въ пятницу надо побывать въ кафешантанѣ "Сѣверной Гостиницы", гдѣ выступаетъ прелестная Казя. Какъ мило поетъ она сама про себя со своимъ народнымъ произношеніемъ:

"Ахъ, Казя!
Рабенокъ нѣжнай
И антиреспай —
И всѣмъ должна!"

Не было времени для занятій и у лѣвыхъ: слишкомъ великъ земной шаръ, о которомъ имъ надо позаботиться. Собираясь другъ у друга на мансардахъ, пили они чай, кофе, курили до одуренія и читали очередные номера "Искры", издававшейся заграницей, или "Рабочее Дѣло", "Рабочую Мысль", сборникъ Плеханова "Вадемекумъ". А послѣ подобнаго чтенія шли на ночь въ дешевыя пивныя доказывать младшимъ товарищамъ, что Бога нѣтъ и что всѣ человѣческія идеи суть надстройки надъ экономикой общества.

Удивительно ли, поэтому, что на практическихъ занятіяхъ или на экзаменахъ происходили печаль-

ныя недоразумѣнія или анекдотическія сценки?

Въ физической лабораторіи молодой приватъ-доцентъ ставитъ опытъ. Ему для рѣшенія задачи необходимо вставить въ формулу температуру окружающаго воздуха. Обращаясь къ одному изъ студентовъ, онъ говоритъ:

— Гогоберидзе, пройдите въ сосѣднюю комнату, посмотрите, сколько градусовъ на ртутномъ термометрѣ.

Гогоберидзе идётъ, возвращается и говоритъ:

— 760, господинъ профессоръ.

— Какъ — 760?

— Такъ. Навѣрно, по Фаренгейту.

Бѣдный Гогоберидза, соціалъ-демократъ, не могъ отличить ртутнаго барометра отъ термометра.

Нѣкоторые соціалисты - химики смотрѣли на цифры въ химическихъ формулахъ какъ на коэффиціенты. Бѣлоподкладочники - математики считали знаки дифференціаловъ второго порядка простыми алгебраическими квадратами. А нѣкоторые безпартійные предполагали на экзаменахъ по французскому языку, что "шютъ де л-ампиръ роменъ" означаетъ "шутъ римскаго императора."

Самые же страшные отвѣты бывали на экзаменахъ по богословію.

— Что у васъ въ билетѣ? — спрашиваетъ профессоръ - протоіерей.

— Опроверженіе дарвинизма съ точки зрѣнія христіанскаго вѣроученія.

— Отвѣчайте.

Студентъ эсъ-эръ молчитъ.

— Ну, что же? Не можете собраться съ мыслями? Разскажите, въ такомъ случаѣ, сначала, въ чемъ сущность ученія Дарвина?

Студентъ молчитъ.

— Но вы, все-таки, имя Дарвина когда-нибудь слышали?

— Да, батюшка.

— И что же?

Молчаніе опять. Профессоръ приближаетъ лицо къ студенту и участливо спрашиваетъ:

— Скажите: вы — юристъ?

— Юристъ, батюшка.

— Такъ и зналъ. Идите съ Богомъ. Удовлетворительно.

Были-ли, однако, наши русскіе студенты въ общей своей массѣ невѣжественны? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить вполнѣ утвердительно. Какъ и вся наша интеллигенція, молодежь была и любознательна и даже до нѣкоторой степени разносторонне образована, но знала она главнымъ образомъ то, что ей было необязательно знать, и очень мало интересовалась тѣмъ, что знать было необходимо. Студенты филологи любили ходить въ анатомическій театръ, математики посѣщали лекціи по психологіи, медики бѣгали слушать философію права. И рѣдко кто изъ нихъ въ добавленіе къ учебникамъ по своей спеціальности прочитывалъ что-нибудь лишнее.

Зато часто на столѣ у естественника можно было встрѣтить переводъ Карлейля "Герои и героическое въ исторіи", или въ комнаткѣ юриста "Ископаемыя чудовища" Гетчинсона.

А что дѣлалось съ молодыми людьми, когда въ сборникахъ "Знанія" или "Шиповника" печатались разсказы или повѣсти популярныхъ писателей, особенно съ лѣвымъ уклономъ! Появленіе очередного разсказа Горькаго о босякахъ представляло для студентовъ и курсистокъ истинный праздникъ. Эта босяцкая литература считалась среди молодежи настоящимъ откровеніемъ. Въ босякахъ Горькаго видѣли какъ бы зарю новой жизни. Отъ босяковъ — свѣтъ. Босяки — символъ будущей свободной Россіи. Это — не вымершія чудовища, а карлейлевскіе герои и героическое.

И не даромъ любимой пѣсней большинства студентовъ тогда стала "Дубинушка". Для лѣвыхъ она сдѣлалась чѣмъ-то вродѣ ихъ національнаго гимна. Пѣли ее эсдеки, эсеры, впослѣдствіи — кадеты. "Эхъ, дубинушка, ухнемъ!.. Сама пойдетъ, сама пойдетъ..." И, дѣйствительно, пришло время: ухнули. А она пошла, пошла... И такъ пошла, что пѣвшимъ ее пришлось стремительно бѣжать заграницу.

Въ общемъ, странная у насъ была молодежь. Безтолково-вдумчивая, невѣжественно - начитанная, жестоко - справедливая, съ широкимъ сердцемъ, съ узкой логикой, и любвеобильная до того, что могла совершать террористическіе акты. Она

всѣмъ интересовалась, во все вмѣшивалась и, забывая о своихъ прямыхъ учебныхъ обязанностяхъ, съ увлеченіемъ брала на себя чужія функціи проповѣдниковъ, реформаторовъ, сенаторовъ, министровъ, будущихъ членовъ парламента.

И все-таки мы, старые русскіе люди, и правые и лѣвые, учившіеся въ россійскихъ университетахъ, гордимся своей высшей школой. Русское студенчество, и разрушая Россію и охраняя ее, въ своихъ побужденіяхъ было самымъ чистымъ и благороднымъ студенчествомъ въ мірѣ.

Это — не западно - европейскіе студенты, носящіе по улицамъ плакаты съ лозунгами:

"Не давайте право практики иностранцамъ, окончившимъ нашъ медицинскій факультетъ!"

РАЗВЛЕЧЕНІЯ.

Посѣщая университетъ, молодежь наша въ свободное время развлекалась, — каждый по своимъ возможностямъ и вкусамъ. Спортомъ занимались немногіе; россійскіе студенты того времени слишкомъ гордились своими головами, чтобы отражать ими футбольные мячи, какъ это теперь практикуется на ближнемъ и на дальнемъ Западѣ. Зато увлеченіе театромъ было огромное. При пріѣздѣ гастролеровъ въ родѣ Шаляпина, Собинова, Тетраццини,

Титто Руффо молодые люди, не имѣвшіе возможности платить бѣшеныя деньги барышникамъ, простаивали въ очередяхъ передъ кассой цѣлыя ночи, чтобы получить драгоцѣнный билетъ. И съ какимъ жаромъ потомъ обсуждалось исполненіе партій!

Часто студенты устраивали товарищескія пирушки по тому или другому случаю. При первыхъ рюмкахъ водки бесѣдовали объ университетскихъ дѣлахъ; послѣ нѣсколькихъ стакановъ пива — о государственномъ строѣ; а при послѣднихъ бокалахъ вина — о Богѣ, о категорическомъ императивѣ Канта, о совѣсти вообще, о справедливости. И нерѣдко кто-нибудь изъ присутствовавшихъ, въ видѣ иллюстраціи непомѣрной буржуазной жестокости, декламировалъ потрясающую некрасовскую картину у парадняго подъѣзда:

"И пошли они солнцемъ палимы,
Повторяя: "суди его Богъ",
Разводя безнадежно руками..."

Это, дѣйствительно, было жутко и захватывало дыханіе отъ негодованія:
Баринъ спитъ, а непринятые имъ мужички, палимые солнцемъ, идутъ...

Ничего подобнаго въ демократической Европѣ не было.

А встрѣчались среди насъ, студентовъ, и беззаботные весельчаки, которые въ свободное отъ заня-

тій время не прочь были повеселить жителей города своими проказами, или озаботиться устройствомъ небольшого скандала.

Среди нихъ особенно отличался нѣкій юмористъ Л. со своей жизнерадостной компаніей.

Какъ-то разъ, въ ясный весенній день, многочисленные прохожіе на Дерибасовской улицѣ были встревожены необычнымъ зрѣлищемъ. По тротуару шли въ рядъ студенты, взявшись за руки, и съ озабоченными лицами обращались къ встрѣчной публикѣ: "Осторожнѣе, господа! Сойдите съ тротуара! Очень опасно!"

За этой шеренгой студентовъ тихо шествовалъ старый, едва волочившій ноги, очевидно разбитый параличемъ, сенъ бернаръ. А къ ошейнику его было прикрѣплено нѣсколько цѣпей, концы которыхъ держали Л. и его ближайшіе помощники, дѣлавшіе видъ, что со страшнымъ усиліемъ сдерживаютъ дикаго звѣря. Картина была волнующая, угрожающая, и одесситы, никогда не отличавшіеся особенной храбростью, быстро разбѣгались въ разныя стороны, чтобы не быть разорванными на клочки.

Шествіе это продолжалось довольно долго и по другимъ улицамъ, пока не прекращалось полиціей.

А однажды, проходя мимо писчебумажнаго магазина, Л. и одинъ изъ его друзей увидѣли въ витринѣ продававшіяся картонныя золоченыя буквы, изъ которыхъ можно было составлять цѣлыя слова для плакатовъ и вывѣсокъ. Пріятели купили эти

буквы, прикрѣпили къ плотному картону и составили нѣсколько словъ.

На слѣдующій же день у параднаго входа большого дома, въ которомъ на мансардѣ жилъ одинъ изъ друзей Л., появился наряду съ мраморными дощечками докторовъ и зубныхъ врачей плакатъ съ золочеными буквами:

"Спѣшите видѣть! Не пропустите! Всего нѣсколько дней!

Ежедневно отъ пяти часовъ до семи пополудни!

Верхній этажъ, комната ном. 12."

Въ эти часы обычно Л. приходилъ къ своему другу, чтобы вмѣстѣ готовиться къ лекціямъ. Вывѣсили они объявленіе, въ пять часовъ начали пить чай, заниматься. И вотъ, уже черезъ полъ-часа — слышно на лѣстницѣ чье-то кряхтѣніе, кашель, и затѣмъ — стукъ въ дверь.

— Войдите.

У входа въ комнату показывается дряхлая старушка. Она осторожно оглядывается по сторонамъ, окидываетъ любопытнымъ взглядомъ стѣны, кровать, столъ, маленькую этажерку, на которой въ безпорядкѣ лежатъ книги... И нерѣшительно спрашиваетъ:

— Это здѣсь?

— Здѣсь, — любезно отмѣчаетъ Л.

Старушка нѣкоторое время молчитъ. Затѣмъ снова разглядываетъ комнату.

— А что именно здѣсь? — снова задаетъ она вопросъ.

— Да, вотъ... Сидимъ. Пьемъ чай. Готовимся къ лекціямъ.

— А еще что?

— Больше ничего.

— Позвольте! Такъ чего же вы объявленіе печатали? Это безобразіе! У меня ноги слабыя, въ груди одышка!

— А что мы напечатали, сударыня?

— Да какъ что! "Спѣшите видѣть... Не пропустите..." А оказывается — жульничество? Я женщина пожилая, я не могу почемъ зря лазать на четвертый этажъ! Дрянные мальчишки! Поганцы!

Вторымъ посѣтителемъ оказался нѣкій полковникъ въ отставкѣ. Онъ молодцевато вошелъ въ комнату, сѣлъ на стулъ и весело заговорилъ:

— Ну и крутая у васъ лѣстница, чортъ побери. Хорошо что въ молодости я въ кампаніи 1878 года участвовалъ, привыкъ къ балканскимъ горамъ. Ну, показывайте, молодые люди, что у васъ тутъ такое это самое.

— Да вотъ, — доставая съ полки одну изъ книгъ, спокойно сказалъ Л. — Есть у насъ, напримѣръ, Мартенсъ: "Современное Международное Право". Затѣмъ, если хотите, Владимірскій Будановъ: Обзоръ исторіи русскаго права".

— А для чего мнѣ? — обидѣлся полковникъ. — Я не для того сюда лѣзъ.

— Въ такомъ случаѣ посмотрите Петражицкаго: "Очерки философіи права". У Петражицкаго, имѣйте въ виду, особая теорія происхожденія правовыхъ отношеній. Эмоціональная.

Можно представить, съ какими словами эмоціональнаго характера спускался съ четвертаго этажа полковникъ въ отставкѣ. А объявленіе съ золочеными буквами продолжало привлекать дальнѣйшихъ посѣтителей своею загадочностью. За три дня у друзей - студентовъ перебывало не мало народу, и, къ счастью, никто не дрался. Зато одинъ одесситъ - комиссіонеръ такъ имъ надоѣлъ своими частыми посѣщеніями, что объявленіе пришлось, въ концовъ, снять.

Комиссіонеръ являлся въ день по нѣсколько разъ и все допытывался:

— Нѣтъ, вы мнѣ скажите вполнѣ ясно, безъ фиглей миглей: чи вы что-нибудь продаете, чи вы покупаете?

Продѣлки Л. и его компаніи обычно бывали невинными. Но иногда, все-же, наши весельчаки переходили границы.

Какъ-то разъ осенью просидѣли они въ ресторанѣ до часу ночи, пока ресторанъ не закрылся. Не желая расходиться по домамъ, загулявшіе друзья отправились въ конецъ Ришельевской улицы, въ сторону вокзала, и тамъ въ одномъ кабачкѣ просидѣли до трехъ часовъ, пока и здѣсь хозяинъ не заявилъ, что закрываетъ свое заведеніе.

— Въ такомъ случаѣ, вотъ что, — заявилъ хозяину подвыпившій Л. — Продайте намъ скатерть съ нашего столика, стаканы и нѣсколько бутылокъ вина. Мы устроимся гдѣ-нибудь на улицѣ.

Послѣ долгихъ споровъ и препирательствъ хозяинъ, наконецъ, согласился продать требуемое. Молодые люди вышли на тротуаръ, осмотрѣлись и рѣшили разостлать скатерть на рельсахъ конки. Трамвая тогда въ Одессѣ еще не было.

Странное зрѣлище представляли собой эти неожиданные древніе греки въ студенческихъ фуражкахъ, возлежавшіе на мостовой вокругъ современныхъ вазъ и фіаловъ съ виномъ. Рѣдкіе ночные прохожіе съ изумленіемъ останавливались, разглядывали пировавшихъ и затѣмъ ускореннымъ шагомъ продолжали свой путь, стараясь не попасть въ какую-нибудь неожиданную исторію. А студенты пили, бесѣдовали, философствовали, подобно участникамъ "Пира" Платона. Пока, наконецъ, не начался разсвѣтъ.

Около шести часовъ въ концѣ улицы изъ-за поворота показалась конка. Сонный кучеръ, еще не вполнѣ пришедшій въ себя послѣ ночныхъ сновидѣній и вяло помахивавшій кнутомъ надъ своими понурыми россинатами, съ удивленіемъ замѣтилъ издали, что на рельсахъ творится что-то неладное. Нѣчто бѣлое, на бѣломъ — черное, а вокругъ чьи-то фигуры, точно жертвы недавняго боя: одни — лежащіе навзничь, другіе — съ трудомъ пытающіе-

ся подняться съ земли и покачивающіеся отъ тяжелыхъ раненій.

Кучеръ тревожно загудѣлъ. Подъѣхалъ. И остановился въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ скатерти. Пренебрежительно поглядывая на возвышавшійся вблизи вагонъ, молодые люди продолжали оставаться на своихъ мѣстахъ, а кто-то изъ нихъ, въ приливѣ вѣжливости, провозгласилъ тостъ за лошадей, дружно подхваченный собутыльниками.

Сойдя съ вагона, держа въ рукѣ кнутъ, кучеръ угрожающе подошелъ къ студентамъ.

— Освободите дорогу! — мрачно потребовалъ онъ.

— А ты сворачивай всторону!

— Я тебѣ сверну!

Разгорѣвшійся споръ прекратился съ появленіемъ городового, котораго привелъ одинъ изъ пассажировъ конки. Молодые люди, вмѣстѣ съ кучеромъ и городовымъ, очутились въ ближайшемъ участкѣ, гдѣ заспанный помощникъ пристава составилъ протоколъ. Городовой, конечно, былъ на сторонѣ кучера и въ своемъ показаніи возмущался скандальнымъ поведеніемъ студентовъ.

— Подпишите! — протягивая протоколъ, обратился помощникъ пристава къ Л., когда всѣ остальные уже расписались.

— Съ удовольствіемъ, — вѣжливо сказалъ Л. Онъ бережно взялъ въ руку бумагу, прочелъ, сложилъ ее вчетверо, затѣмъ поднялъ над головой по-

мощника пристава, разорвалъ на мелкія части и патетически воскликнулъ:

— Снѣгъ идетъ!

Вся эта исторія могла бы окончиться очень печально для молодыхъ скандалистовъ. Но отецъ Л., къ счастью для нихъ, былъ правителемъ канцеляріи градоначальника. Узнавъ отъ сына, что произошло ночью, отецъ ужаснулся и помчался улаживать дѣло, которое должно было попасть къ мировому судьѣ.

Что произошло дальше, догадаться не трудно. При разсмотрѣніи дѣла у мирового судьи кучеръ, по словамъ свидѣтеля городового, оказался главнымъ виновникомъ всего происшедшаго. Господа студенты вели себя замѣчательно вѣжливо, деликатно, а кучеръ былъ вызывающе грубъ, навѣрно сильно пьянъ съ ранняго утра, нахально замахивался на образованныхъ молодыхъ людей кнутомъ, стараясь вывести ихъ изъ терпѣнія. А что касается помощника пристава, то тотъ, разумѣется, не подалъ никакой жалобы на снѣгъ, обрушившійся въ участкѣ на его голову.

Въ силу всего этого приговоръ мирового судьи ограничился небольшимъ штрафомъ.

ВЕСНА ОСЕНЬЮ

Приблизительно такъ жили, занимались и развлекались мы, студенты.

И, вотъ, наступилъ 1904 годъ.

Въ январѣ началась несчастная Русско-японская война. При видѣ неудачъ на фронтѣ, революціонные круги пришли въ радостное оживленіе. Пока японцы будутъ бить Россію съ востока, они, революціонеры, могутъ съ успѣхомъ бить ее съ запада. Соціалисты въ "Искрѣ" начали яростную пропаганду. На средства какихъ-то таинственныхъ, но очевидно весьма самоотверженныхъ благотворителей стали по всей странѣ распространяться революціонныя брошюрки, прокламаціи, листовки съ призывами· "Да здравствуетъ миръ, долой самодержавіе!" И тѣ самые меньшевики, которые сейчасъ доживаютъ свой вѣкъ заграницей и бережно охраняютъ Совѣтскую Россію отъ всякой чужой интервенціи, дружно радовались пораженіямъ русской арміи и посылали привѣтъ японскимъ соціалистамъ.

Въ іюлѣ произошло убійство Плеве. Въ августѣ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ князь Святополкъ Мирскій, объявившій "довѣріе" всѣмъ общественнымъ силамъ страны. И, наперекоръ правиламъ астрономическимъ и климатологическимъ, началась знаменитая россійская "Весна".

Весна — осенью... Есть отъ чего прійти въ

сильнѣйшее возбужденіе. Повсюду стали устраиваться митинги, сходки, манифестаціи. Взволновались не только передовые городскіе рабочіе, но даже крестьяне: что имъ теперь сѣять? Озимые или яровые? А россійскіе административные органы растерялись: вѣдь весной не только появляется зеленая травка, не только распускаются листочки и цвѣточки; весной возвращаются къ жизни и всевозможнаго рода вредители. И весной, кромѣ того, на рѣкахъ начинается ледоходъ.

Точно также нѣкоторую тревогу администраціи вызывало и неожиданное довѣріе ко всѣмъ общественнымъ силамъ страны. Довѣріе само по себѣ — прекрасное явленіе, радостное. Оказать довѣріе такимъ силамъ, какъ земскія и городскія учрежденія, или объединенія профессоровъ, адвокатовъ, врачей — давно было пора. Но къ общественнымъ силамъ причисляли себя всякія группы населенія, даже съ уголовнымъ оттѣнкомъ. А оказывать довѣріе имъ — это проявить недовѣріе къ правамъ россійскаго коронного суда.

И, конечно, эти темные элементы воспользовались довѣріемъ въ значительно большей степени, чѣмъ организаціи прекраснодушныхъ русскихъ интеллигентовъ. Обрадовавшись веснѣ, несмотря на начавшуюся распутицу, интеллигенты начали съ того, что стали усиленно съѣзжаться и засѣдать на банкетахъ. Послѣ ноябрьскаго съѣзда земскихъ дѣятелей въ Петербургѣ, съѣзды перекинулись въ

провинцію, банкеты тоже.

Съѣзжались ветеринары, аптекарскіе ученики, телеграфисты, портные и даже повивальныя бабки, которымъ казалось, что ихъ опытъ поможетъ странѣ произвести на свѣтъ конституцію.

Естественно, что отъ общаго весенняго настроенія не отставала и экспансивная Одесса. Хотя на улицахъ акаціи и не начали цвѣсти, но расцвѣло множество митинговыхъ ораторовъ, о существованіи которыхъ раньше никто не подозрѣвалъ, кромѣ полиціи. Одни изъ нихъ захватили зданіе Городской думы во время засѣданія тамъ членовъ Общества народнаго здравія и стали произносить горячія рѣчи о соціалистическомъ счастьѣ. Другіе ворвались въ Благородное Собраніе, гдѣ происходило празднованіе сорокалѣтія судебныхъ уставовъ, и начали громить феодально - буржуазное россійское законодательство.

А нѣкоторые изъ этихъ освободителей при помощи студентовъ - соціалистовъ пробрались и въ Университетъ. Занятія уже шли кое-какъ. Опьяняющій весенній воздухъ не давалъ возможности молодежи сосредоточиться на сухихъ формулахъ сферической тригонометріи, на кодексѣ Юстиніана, на діалогахъ Платона и на гистологіи. Хотѣлось вырваться изъ тисковъ всей этой схоластики въ широкое поле политической дѣятельности, гдѣ, шествуя, сыплетъ цвѣтами весна. И число студентовъ посѣщавшихъ лекціи становилось все меньше и меньше.

Но зато въ помѣщеніи нашей студенческой столовой стало слишкомъ людно и тѣсно. За неимѣніемъ достаточныхъ средствъ посѣтители ея не могли устраивать здѣсь никакого подобія банкетовъ; но скромные обѣды протекали теперь довольно шумно и оживленно. Ѣли торопливо, кое-какъ, нѣкоторые сидя, нѣкоторые стоя, или двигаясь взадъ и впередъ; со стороны могло даже казаться, что здѣсь не столовая, а буфетъ узловой станціи желѣзной дороги, гдѣ второпяхъ утоляютъ свой голодъ пассажиры, стремящіеся умчаться въ разныя стороны, неизвѣстно куда и неизвѣстно зачѣмъ.

И нерѣдко кто-либо изъ присутствовавшихъ, наскоро нахлебавшись дешеваго супа, становился ногами на стулъ, на которомъ передъ этимъ сидѣлъ, призывалъ всѣхъ къ вниманію и начиналъ рѣчь:

— Товарищи! Изголодавшаяся безправная Россія ждетъ момента — сказать свое мощное свободное слово. Безъ свободы печати и слова мы всѣ принуждены молчать. Мы не можемъ говорить. У насъ закрытъ ротъ. Вырванъ языкъ. Мы молчимъ, мы не въ состояніи произнести ни одного звука...

— Ура! — Неслось по адресу оратора послѣ окончанія рѣчи.

Нужно, однако, сказать, что до конца 1904 года никакихъ безчинствъ у насъ среди студентовъ не наблюдалось. Порядокъ кое-какой былъ. Кто хотѣлъ заниматься, тотъ могъ посѣщать аудиторіи,

гдѣ было мало слушателей, но было много чистаго воздуха. И кто хотѣлъ обѣдать въ столовой, тотъ тоже могъ свободно тамъ ѣсть. Но наступилъ 1905 годъ... И въ столовой ораторы со стульевъ полѣзли уже на столы; а въ зданіи Университета, въ аудиторіяхъ и въ корридорахъ, запахло сѣроводоромъ. Студенцы-соціалисты изъ естественниковъ или медиковъ, достаточно изучившіе химію, чтобы устраивать обструкціи, стали приносить съ собой на лекціи склянки съ удушливыми газами или со зловонными жидкостями и разбивали ихъ, обращая въ бѣгство даже самыхъ упорныхъ адептовъ наукъ.

Сначала мы, академисты, и правые пытались бороться съ подобнымъ соціалистическимъ воздухомъ: открывали окна, провѣтривали аудиторіи. Но вся атмосфера въ странѣ была уже такова, что никакія провѣтриванія помочь не могли. Послѣ многочисленныхъ стычекъ и превращенія аудиторій въ помѣщенія для сходокъ, Университетъ былъ закрытъ. Мы, академисты, не принимавшіе активнаго участія въ политической борьбѣ, осиротѣли. Нельзя сказать, что мы совершенно не разбирались въ политикѣ; каждый изъ насъ сознавалъ, что какая-то перестройка въ государственномъ строѣ нужна, что реформы необходимы, что въ частности — университетамъ должны, наконецъ, дать автономію. Но крики и вопли на митингахъ, уличныя демонстраціи, яростныя препирательства съ противниками — все это было чуждо нашей психологіи.

Можетъ быть таилось въ этомъ нѣкоторое самомнѣніе, нежеланіе смѣшиваться съ тѣми, которые на улицѣ много говорятъ и кричатъ, а на экзаменахъ молчатъ. Но была тутъ, конечно, и своего рода честность логики: если революція такъ напираетъ, а правительство такъ упирается, то, очевидно, обѣ стороны въ чемъ-то неправы. Да и кромѣ того, вѣдь не всѣ же революціонеры дураки и негодяи; и точно также не всѣ охранители стараго строя мракобѣсы или люди дѣйствующіе ради собственной выгоды. И у однихъ есть свои умные и глупые, и у другихъ есть свои благородныя личности и подлецы. А какъ разобраться?

Намъ стало ясно, что это — стихія. А наука должна только изучать стихіи, но никакъ не участвовать въ нихъ. И мы съ грустью покинули Университетъ, мечтая о томъ времени, когда можно будетъ вернуться къ занятіямъ.

БЛАГОСЛОВЕНІЕ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Итакъ, Универстиетъ былъ закрытъ. Въ Одессѣ мнѣ дѣлать было нечего. Но возвращаться къ родителямъ на Кавказъ — далеко. А вдругъ скоро все успокоится?

И я поѣхалъ въ Кишиневъ, куда меня давно приглашали погостить одни знакомые.

Думалъ я — поживу у этихъ гостепріимныхъ людей двѣ, три недѣли; за это время правительство одумается, дастъ намъ справедливую конституцію; революціонеры тоже одумаются, успокоятся; земскіе и городскіе дѣятели отдохнутъ отъ банкетовъ и резолюцій; въ общемъ, все войдетъ въ колею. И я вернусь въ освобожденный отъ инспекціи и педелей автономный храмъ чистой науки.

Но время шло. Войска наши на Дальнемъ Востокѣ — у Сандепу, Мукдена, Телина отступали. Революціонеры на Западѣ — въ Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ — наступали. Вслѣдъ за гапоновской исторіей въ январѣ начались волненія повсюду. Въ деревняхъ появились агитаторы, призывая крестьянъ къ выступленіямъ противъ помѣщиковъ. А затѣмъ, уже въ іюнѣ, одесскіе рабочіе подъ руководствомъ соціалъ - демократовъ устроили пробное возстаніе, подожгли портовыя зданія; на броненосцѣ "Потемкинъ" вспыхнулъ бунтъ...

Въ общемъ; ничто не предвѣщало скораго успокоенія. И оставаться мнѣ такъ долго въ Кишиневѣ у знакомыхъ становилось уже неудобнымъ. Я отлично понималъ, что всякій званый гость, если онъ засидится, неизбѣжно превращается въ татарина. Такимъ образомъ, нужно или уѣзжать обратно въ Одессу, или найти работу въ Кишиневѣ и устроиться самостоятельно. Но какую работу? Уроки едва ли найдешь въ такое тревожное время. Поступить куда-нибудь на службу — ужасно. Да и не стоитъ

на короткій срокъ. Не заняться ли литературнымъ трудомъ?

Въ Кишиневѣ издавалось тогда двѣ газеты: "Бессарабецъ" и "Бессарабская Жизнь". Бессарабецъ" принадлежалъ знаменитому Крушевану, имя котораго было одіозно не только лѣвымъ кругамъ, но и людямъ умѣренныхъ политическихъ взглядовъ. О немъ говорили въ юго-западныхъ городахъ и мѣстечкахъ, какъ о какомъ-то мистическомъ чудищѣ: не то это былъ Вій, не то Вурдалакъ. "Бессарабская Жизнь", наоборотъ, оказалась газетой либеральной, примкнувшей къ недавно народившейся конституціонно - демократической партіи. Редакторомъ издателемъ ея былъ очень милый, умѣренно - образованный мѣстный подрядчикъ, и имя его, въ противоположность Крушевану, ни для кого одіознымъ быть не могло уже по одному тому, что этого имени никто въ мірѣ не зналъ, кромѣ тѣхъ кишиневцевъ, которымъ онъ строилъ дома и хозяйственныя пристройки къ нимъ.

Разумѣется, я, какъ либеральный студентъ, сталъ подумывать о сотрудничествѣ именно въ этой газетѣ. Но какъ сотрудничать? На какомъ амплуа?

Правда, еще въ 1902 году, будучи на второмъ курсѣ, я написалъ замѣчательную философски-математическую статью: "Методъ координатъ и его біологическое обоснованіе", послалъ ее въ журналъ "Научное Обозрѣніе" Филиппова, и статья была напечатана. Но "Научное Обозрѣніе" — одно, а

"Бессарабская Жизнь" — другое. Кто изъ читателей газеты оцѣнитъ глубину моей мысли и мое дарованіе, если я хотя бы въ осторожной формѣ вернусь къ темѣ о методѣ координатъ въ настоящее тревожное время?

И, вдругъ, на память мнѣ пришло одно обстоятельство изъ моей прежней жизни: вѣдь съ восьми лѣтъ до четырнадцати я былъ очень плодовитымъ поэтомъ и писателемъ! Уже первые мои стихи пользовались огромной популярностью не только въ нашей семьѣ, но и у сосѣдей, жившихъ наискосокъ черезъ улицу! Можетъ быть, дѣйствительно сдѣлаться литераторомъ? И я сталъ рыться въ воспоминаніяхъ...

Первое мое стихотвореніе было написано даже раньше восьми лѣтъ. Оно отличалось чрезвычайной краткостью формы, но насыщенностью въ отношеніи содержанія. Въ немъ я сразу обнаружилъ то богатство и пѣвучесть рифмъ, которыми отличались впослѣдствіи всѣ мои стихотворенія. Написано оно было мною про самого себя и состояло всего изъ двухъ словъ:

"Андрей червей".

Успѣхъ, сопровождавшій это первое мое литературное выступленіе, былъ настолько великъ, что всѣ знакомые взрослые люди при встрѣчѣ со мной цитировали указанное стихотвореніе и даже называли меня "Андрей червей". Къ счастью, однако, подобная ранняя слава не вскружила мнѣ головы,

а наоборотъ, заставила работать надъ собой и совершенствовать стиль. Уже черезъ годъ послѣ произведенія "Андрей червей" я написалъ обличительное стихотвореніе противъ своей пожилой тетки, которая любила наряжаться и всегда требовала отъ горничной, чтобы та посильнѣе шнуровала ей корсетъ.

Стихотвореніе это кончалось слѣдующими драматическими строками:

"И бываетъ — лопнетъ шнуръ:
Затянулась черезчуръ".

А вслѣдъ за этимъ написана была мною сатира на старшаго брата — гимназиста, обличавшая его склонность къ обжорству:

"Съ увлеченьемъ ѣстъ цыпленка,
Какъ голодный волкъ ягненка."

Въ общемъ, слава моя росла. Сборникъ моихъ стихотвореній и эпиграммъ ходилъ по рукамъ у моихъ сестеръ, братьевъ, родителей, тетокъ, кузинъ и даже нѣкоторыхъ близкихъ знакомыхъ. Но все это ничто, сравнительно съ тѣмъ головокружительнымъ счастьемъ, которое неожиданно выпало мнѣ на долю: мною заинтересовался самъ Левъ Николаевичъ Толстой!

Произошло это такъ. Пріѣхала къ намъ на Кавказъ изъ Москвы погостить одна дальняя родственница. Была она женщина солидная, образованная, вращалась въ литературныхъ кругахъ. Прочла она мои произведенія внимательно, не просто

такъ, а надѣвъ на носъ пенснэ. И при мнѣ торжественно заявила родителямъ:

— Замѣчательно! Я обязательно пошлю это все моему другу Льву Николаевичу Толстому. Онъ безусловно пришлетъ прекрасный отзывъ.

Нужно ли говорить, въ какое волненіе пришелъ я отъ подобнаго плана привлечь къ моему творчеству Толстого, о которомъ всѣ отзывались съ такимъ уваженіемъ. Каждый день съ нетерпѣніемъ я ждалъ почтальона. И каждый разъ спрашивалъ свою благодѣтельницу:

— Это отъ него?

— Нѣтъ, не торопись. Еще рано.

И, вотъ, наконецъ, черезъ нѣсколько недѣль, чудо свершилось. Письмо пришло. И въ письмѣ, помимо прочаго матеріала, было сказано и обо мнѣ.

Толстой, самъ Левъ Николаевичъ Толстой! написалъ:

"Относительно присланныхъ стиховъ скажу: оставьто мальчика въ покоѣ. Пусть учится."

Неописуема та гордость, которой исполнился я, узнавъ, что великій писатель заботится о моемъ покоѣ. Я ясно понялъ, что подобная забота связываетъ его и меня тѣсными узами и даетъ мнѣ право на нѣкоторое мѣсто въ русской литературѣ.

А затѣмъ вспомнился мнѣ и другой случай, уже позже, когда я былъ въ четвертомъ классѣ гимназіи. У насъ, въ нашемъ городкѣ, средне-учебныхъ заведеній еще не было, и потому учился я въ

сосѣднемъ Кутаисѣ, откуда ѣздилъ въ отпускъ домой. Родители помѣстили меня у своихъ знакомыхъ — генерала въ отставкѣ и его жены; жилъ я у нихъ, днемъ ходилъ въ гимназію, послѣ обѣда готовилъ уроки, а по вечерамъ отдавался литературному творчеству. Но творчество это приняло теперь нѣсколько иной характеръ. Такъ какъ мой духовный отецъ Толстой писалъ прозой, то я пересталъ увлекаться стихами и тоже перешелъ на этотъ болѣе солидный жанръ. Кромѣ того, прежнее мое увлеченіе Пушкинымъ прошло, и мнѣ теперь больше нравился Гоголь. Особенно увлекался я его "Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки" и "Миргородомъ". И, вотъ, однажды возникъ у меня грандіозный планъ: написать цѣлый томъ такихъ же точно разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ "Вечера въ Козаковскомъ переулкѣ близъ Кутаиса".

Матеріаломъ для первой повѣсти этого сборника послужили мои собственные новые опекуны: генералъ и генеральша. Жили они, дѣйствительно, очень патріархально, слегка по-гоголевски. Онъ увлекался разведеніемъ куръ, цѣлыми днями ходилъ по двору съ ведромъ кукурузы и кричалъ: "ципъ-ципъ - ципашечки". Она же, его супруга, куръ не любила, но зато обожала собачекъ, особенно несчастныхъ — слѣпыхъ и хромыхъ. Очень часто къ намъ пріѣзжалъ навѣщать этихъ собачекъ ветеринаръ, причемъ, если какая-нибудь изъ нихъ серьезно заболѣвала, во всей квартирѣ устанавливался

строгій больничный режимъ; громко разговаривать было нельзя, шумѣть — тоже; на окнахъ опускались шторы, ветеринаръ пріѣзжалъ почти каждый день, а по вечерамъ за чаемъ генеральша устно сообщала намъ бюллетень о ходѣ болѣзни.

Все это я съ безпощаднымъ мощнымъ сарказмомъ описалъ въ первой своей повѣсти подъ заглавіемъ "Старосвѣтскіе помѣщики на новый ладъ". Написалъ, переписалъ начисто, черновикъ легкомысленно оставилъ на своемъ письменномъ столѣ и уѣхалъ на рождественскіе праздники домой.

А черезъ недѣлю отецъ получилъ изъ Кутаиса отъ генерала письмо. Въ началѣ письма приводилось содержаніе моей повѣсти съ опроверженіями по всѣмъ пунктамъ сатиры, а въ концѣ говорилось:

"Пришлите кого-нибудь къ намъ за его вещами. Мы этого подлаго мальчишку не желаемъ больше видѣть у себя."

И, такъ какъ въ Кутаисѣ не было другихъ знакомыхъ, у которыхъ я могъ бы жить, родители спѣшно перевели меня въ Тифлисъ и отдали въ пансіонъ.

Вотъ, вспомнивъ про весь этотъ литературный стажъ своей ранней молодости, я и отправился въ редакцію "Бессарабской Жизни" испытать силы.

ПЕРВАЯ ГАЗЕТНАЯ СТАТЬЯ

Въ тѣ времена русская провинціальная печать представляла собой довольно грустное зрѣлище. По цензурнымъ условіямъ, на политическія темы газеты должны были писать осторожно, особымъ "эзоповскимъ" языкомъ, причемъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы скрытой мысли автора статьи не угадалъ цензоръ, но въ то же время угадали читатели. Этотъ эзоповскій стиль дошелъ до того, что нѣкоторыя передовицы и фельетоны стали походить на ребусы или загадочныя картинки, на которыхъ среди невиннаго пейзажа надо было отыскать фигуру ненавистнаго министра, или голову свирѣпаго градоначальника.

Въ силу этой трудности положенія, мелкія провинціальныя газеты принуждены были заниматься главнымъ образомъ вопросами мѣстной жизни. Писалось о санитарныхъ мѣропріятіяхъ, объ устройствѣ базаревъ, о судебныхъ дѣлахъ. А веселые фельетонисты, чтобы развлечь жаждавшаго конституціи читателя, издѣвались надъ тещами или негодовали на погоду, съ намеками на несовершенства государственнаго строя Россіи.

Самымъ же любимымъ занятіемъ провинціальныхъ журналистовъ было — подвергать безпощадной критикѣ правыхъ членовъ городскихъ думъ и управъ, на которыхъ они направляли весь свой политическій пылъ. Можно смѣло сказать, что несча-

стные правые городскіе дѣятели несли отвѣтственность передъ мѣстной печатью не только за то, что они сами дѣлали въ области городского благоустройства, но и за всѣ правительственныя распоряженія, за дѣйствія министровъ, губернаторовъ, и даже за святѣйшій Синодъ. Эти бѣдняги не могли заслужить похвалы либеральныхъ газетъ даже въ томъ случаѣ, если бы кто-либо изъ нихъ спасъ утопающаго, или съ опасностью для жизни вынесъ невиннаго младенца изъ горящаго дома. И если бы у кого-нибудь изъ нихъ на дому произошла кража, газеты и здѣсь нашли бы предлогъ для борьбы, напечатавъ:

"Вчера съ членомъ городской управы X произошла какая-то темная исторія. Не то у него что-то украли, не то онъ самъ что-то присвоилъ".

Изъ кого же комплектовались редакціонные кадры этихъ мелкихъ провинціальныхъ изданій? Большей частью это были неудачники въ образовательномъ или въ профессіональномъ отношеніи. Уволенные семинаристы, аптекарскіе ученики, неокончившіе курса гимназисты, реалисты, вѣчные студенты, актеры, или бывшіе мелкіе чиновники, не сдѣлавшіе въ своихъ вѣдомствахъ особой карьеры. Писали они не всегда грамотно, но всегда съ большимъ чувствомъ собственнаго достоинства, переходившимъ нерѣдко въ сознаніе неоспоримаго величія. И, чтобы подчеркнуть особое значеніе, которое имъ надлежитъ имѣть въ исторіи литературы,

придумывали они себѣ пышные псевдонимы: Вергилій, Маркъ Аврелій, Сенека, Ювеналъ, Демосфенъ, Боккачіо, Лоэнгринъ, Фаустъ, донъ Базиліо; а иногда среди этимъ именъ апокалиптически торжественно звучали Альфы, Омеги...

И, вотъ, зная, что вся эта печать считается одной изъ великихъ державъ, я съ замираніемъ сердца вошелъ въ помѣщеніе "Бессарабской Жизни". Въ скромной передней находилась высокая рѣшетчатая загородка, за которой сидѣла лохматая барышня. Около загородки стоялъ пожилой человѣкъ съ большимъ животомъ и большой добродушной головой, просматривавшій какія-то дѣловыя бумаги.

— Вамъ что угодно? — спросила барышня.

— Я бы хотѣлъ видѣть господина редактора.

— Федора Егоровича? А вотъ онъ.

Барышня небрежно ткнула пальцемъ всторону большого живота, украшеннаго толстой золотой цѣпочкой для часовъ.

Выслушавъ мою безсвязную, заранѣе заготовленную, рѣчь о священномъ предназначеніи русской журналистики, Федоръ Егоровичъ одобрительно покивалъ головой и предложилъ мнѣ слѣдовать за собой въ его кабинетъ. Тамъ онъ любезно усадилъ меня въ кресло, закурилъ. И между нами началась дѣловая бесѣда.

— Значитъ, вы хотите писать у меня, — сказалъ онъ. — Что-же? Я одобряю. А какія статьи хотите давать? Серьезныя или веселыя?

—Моя спеціальность — бичующая сатира,— скромно отвѣтилъ я.

— Сатира? — тревожно переспросилъ онъ. — Такъ, такъ. А что это такое: сатира?

— Сатира — обличеніе, осмѣиваніе недостатковъ, пороковъ... индивидуальныхъ или коллективныхъ... Соціальныхъ... Вотъ, Горацій, напримѣръ. сатирикъ. Гоголь. Щедринъ. И я тоже.

—Ага. Понимаю. Я Горація иногда читаю. Недурно въ "Акккерманскомъ Словѣ" пишетъ. Хлестко. А осмѣивать — это очень полезно. Негодяевъ у насъ не мало. Одинъ Крушеванъ чего стоитъ! А вы гдѣ раньше писали?

— Я въ восьмомъ классѣ гимназіи собственный рукописный журналъ издавалъ. А затѣмъ, поступивъ въ Университетъ, на второмъ курсѣ напечаталъ въ петербургскомъ "Научномъ Обозрѣніи" статью: "Методъ координатъ и его біологическое основаніе".

— Въ Петербургѣ? Здорово. А этотъ, какъ его, методъ, значитъ, тоже сатира?

— О, нѣтъ. Это нѣчто научно-философское. А сатиры я писалъ раньше. Изъ-за одной даже пострадалъ: хозяева изъ квартиры выгнали, пришлось перевестись въ другую гимназію. Впрочемъ, я писалъ и стихи. На нихъ, между прочимъ, обратилъ вниманіе самъ Левъ Николаевичъ Толстой...

— Ишь ты! Толстой? Ну, а что вы принесли съ собой для пробы?

— Вотъ, пожалуйста. Въ видѣ фельетона... "Путешествіе на луну".

Тема эта, повидимому, Федору Егоровичу не понравилась. Онъ слегка поморщился, что то пробурчалъ про себя; но рукопись все-таки взялъ изъ моихъ рукъ и сталъ покорно читать. Сначало лицо его было серьезно. Но затѣмъ онъ сталъ улыбаться и одинъ разъ даже разсмѣялся такъ основательно, что животъ его закачался.

— Что же... — окончивъ чтеніе, одобрительно сказалъ онъ. — Хотя мѣстами и мудрено, но въ общемъ забавно. Значитъ, эти самые селениты, что-ли, терпятъ у себя на лунѣ безъ воздуха такъ же, какъ и мы, русскіе? Это дѣйствительно, безъ живой воды да безъ этой самой атмосферы — никакъ не проживешь. Хорошо. Я фельетонъ принимаю. На дняхъ будетъ напечатано. И вообще, если хотите, приносите еще. Попробуйте, между прочимъ, каналью Крушевана какъ слѣдуетъ выругать: это и для литературы полезно, и читателямъ нравится.

Онъ, всталъ и протянулъ руку, давая понять, что аудіенція окончена. Но я, попрощавшись, не уходилъ, смущенно переминаясь съ ноги на ногу.

— У васъ есть еще какой-нибудь вопросъ? — догадавшись, спросилъ, наконецъ, онъ.

— Да, простите... Но я хотѣлъ бы... Выяснитъ... Это... Насчетъ гонорара...

— Какъ? — Федоръ Егоровичъ изумленно взглянулъ на меня. — Гонорара? А зачѣмъ гоно-

рарь? Вы же до сихъ поръ какъ-то жили безъ моего гонорара, къ чему-же онъ теперь понадобился? И потомъ — газетное дѣло существуетъ, какъ говорится, для этой самой идеи. Развѣ за идею можно брать деньги?

— Да, вообще вы правы... — Я покраснѣлъ. — Идея выше всего... Но у насъ Университетъ закрытъ, стипендію мнѣ не выдаютъ... И потому я принужденъ... Повѣрьте, если бы не это, то я... Въ нѣкоторомъ родѣ... Охотно...

— Не знаю, не знаю, какъ быть, — грустно продолжалъ онъ. — Газета не приноситъ никакого дохода. Одинъ только убытокъ. Вотъ, посмотрите...

Онъ вытащилъ изъ кармана брюкъ кошелекъ темно-зеленаго цвѣта и раскрылъ его.

— Одинъ рубль... Другой... Полтинникъ... — забормоталъ онъ, пересчитывая содержимое. — Двугривенный. Еще двугривенный... Пять копѣекъ... Ну, гдѣ тутъ платить гонораръ?

Онъ со вздохомъ засунулъ кошелекъ обратно въ карманъ и задумчиво посмотрѣлъ на меня.

— А сколько вы хотите за строчку?

— Право не знаю...

— Ладно. Такъ и быть, будете получать за строчку двѣ копѣйки. Это все, что могу предложить изъ особой симпатіи къ вамъ. Только, имѣйте въ виду, тѣ строчки, которыя будутъ неполными, не считаются. Теперь всѣ газетчики, какъ Дорошевичъ, стали писать короткими строчками. Одно слово на

одной строкѣ, два слова — на другой. А у меня — не пройдетъ. Я не такъ богатъ, чтобы за пустыя мѣста платить. Значитъ — я распоряжусь, чтобы секретарша внесла васъ въ списокъ сотрудниковъ. Только — погодите...

Онъ взялъ со стола мою рукопись и открылъ послѣднюю страницу.

— Вы подписались своей фамиліей?

— Да.

— Это скучно. И опасно. А вдругъ кто-нибудь придетъ бить за статью? Лучше придумайте это самое... Псе... Псевдонимъ. И никто не будетъ знать, что это вы. И веселѣе получится.

— А что же взять?

— Хотите, подпишитесь "Скорпіонъ". Или — "Блоха". Въ знакъ того, что вы кусаете нашихъ враговъ.

— Блоха? — испугался я. — Пожалуй, слишкомъ мелко... Лучше — что-нибудь научное. Будетъ солиднѣе.

— Берите научное. А что именно?

— Что? Сейчасъ... Оріонъ... Арктуръ... Вега... Нѣтъ подумаютъ, что женщина. Сиріусъ... Азотъ... Ага! Вотъ! Моя фамилія происходитъ отъ селитры, а въ химіи селитра будетъ - Азотнокислый Калій". Ничего не имѣете противъ "Азотнокислаго Калія"?

— Азотнолислый Калій? Азотнокислый Калій... А что же? Недурно. Ни у кого въ Россіи такой подписи еще не бывало. Сразу обращаетъ вниманіе.

Азотнокислый Калій... Это, притомъ, и смѣшно — какъ будто нарочно. И, кромѣ того, намекаетъ, что авторъ не какой-нибудь стрекулистъ, а человѣкъ образованный, знаетъ себѣ цѣну. Итакъ, валяйте, садитесь за столъ и подписывайтесь съ Богомъ.

Послѣ двухъ мучительныхъ дней ожиданія я развернулъ утромъ дрожащими руками газету и на третьей страницѣ увидѣлъ своими глазами нѣчто замѣчательное, радостное, великолѣпное: огромными буквами — "Путешествіе на луну". А внизу — черненькая чудесная подпись: "Азотнокислый Калій".

Нужно ли говорить, какимъ счастливымъ былъ для меня этотъ солнечный весенній день! Стыдливо выслушавъ отъ своихъ хозяевъ за утреннимъ чаемъ комплименты, я заперся у себя въ комнатѣ и сталъ читать свою статью. Прочелъ разъ, прочелъ два. Еще перечиталъ. Самъ хохоталъ надъ тѣми мѣстами, которыя считалъ наиболѣе удачными. А затѣмъ, почувствовавъ, что въ моей комнатѣ, какъ на лунѣ, не хватаетъ воздуха, рѣшилъ выйти на улицу и увидѣть, какое впечатлѣніе произвела статья на населеніе города.

Встрѣчные прохожіе, однако, шли мимо меня какъ ни въ чемъ не бывало. Я смотрѣлъ на нихъ, на внѣшній видъ, на выраженіе лицъ, старался угадать, кто изъ нихъ читалъ "Путешествіе на луну", а кто не читалъ. И загадочно улыбался. Вотъ, люди

поровнялись со мной, и имъ въ голову не приходитъ, что этотъ скромный студентъ, который по виду ничѣмъ не отличается отъ другихъ — не кто иной, какъ авторъ напечатаннаго сегодня фельетона... Азотнокислый Калій!

А на бульварѣ я былъ даже слегка потрясенъ. Какой-то господинъ сидѣлъ на скамейкѣ и, развернувъ номеръ нашей газеты, что-то читалъ. Не мое-ли? Я остановился, будто кого-то поджидая, и осторожно искоса поглядывалъ на читателя: не начнетъ ли смѣяться? Но читатель не только не смѣялся и не улыбался, а наоборотъ, хмурился. Чтеніе его не только не веселило, но скорѣе раздражало. Онъ, наконецъ вздохнулъ, сложилъ газету, громко пробормоталъ: "какая гадость!" — и ушелъ. Въ чемъ же дѣло? Кто его раздражилъ? Нашъ передовикъ? Я? Или министръ внутреннихъ дѣлъ Булыгинъ, предлагавшій проектъ учрежденія Государственной Думы, обладающей только совѣщательнымъ голосомъ?

Нѣтъ, конечно, Булыгинъ.

РЕДАКТОРЪ ФЕДОРЪ ЕГОРОВИЧЪ

Въ "Бессарабской Жизни" мнѣ пришлось сотрудничать нѣсколько мѣсяцевъ. Это была типичная провинціальная газета того времени. Ея редакторъ - издатель, Федоръ Егоровичъ З., оказался

добродушнымъ человѣкомъ, съ которымъ можно было работать. А редакцію составляли три студента, на которыхъ, какъ на трехъ китахъ, держалась вся идеологія газеты. Одинъ студентъ — соціалъ - демократъ меньшевикъ; другой — соціалистъ - революціонеръ; а третій — я, причислявшій себя тогда къ кадетамъ. Эсдекъ писалъ передовыя статьи отъ имени рабочаго класса; эсеръ въ руководящихъ статьяхъ представлялъ всероссійское крестьянство; а я въ патетическихъ и сатирическихъ фельетонахъ бичевалъ правительство, чувствуя за спиной россійскую интеллигенцію во всей ея совокупности.

Разумѣется, при такомъ неоднородномъ составѣ редакціи направленіе нашей газеты должно было получиться довольно пестрымъ; но, къ счастью для редактора, который не разбирался съ достаточной ясностью, что у него пишутъ сотрудники, на помощь приходилъ цензоръ изъ Губернскаго Правленія. Онъ вычеркивалъ все самое существенное въ передовыхъ статьяхъ эсдека, въ руководящихъ статьяхъ эсера, въ моихъ обличительныхъ фельетонахъ, даже въ хроникѣ, которую мы собирали сообща; и послѣ такой хирургической операціи всѣ идеологическія противорѣчія авторовъ сглаживались, и газета принимала какое то среднее, совершенно неясное, но солидное направленіе.

Эта благодѣтельная роль цензора отражалась даже на нашихъ внутреннихъ редакціонныхъ отношеніяхъ. Имѣя передъ собою общаго врага — цен-

зуру, мы рѣдко спорили другъ съ другомъ по принципіальнымъ вопросамъ. А нашъ милѣйшій Федоръ Егоровичъ, какъ мы замѣчали, втайнѣ даже сочувствовалъ цензору. Когда изъ канцеляріи отъ старшаго совѣтника Губернскаго Правленія намъ возвращали посланныя туда гранки съ наборомъ, и въ этихъ гранкахъ оказывалась вычеркнутой краснымъ карандашемъ большая часть текста, Федоръ Егоровичъ велъ себя какъ-то странно. Словами выражалъ негодованіе, а веселой улыбкой на лицѣ — удовольствіе.

— Вы, кажется, радуетесь? — какъ-то разъ, не выдержавъ, строго спросилъ его передовикъ.

— Я? Господь съ вами. — отрекся Федоръ Егоровичъ.

Но затѣмъ, набравшись храбрости, добавилъ:

— Какъ кадетъ, я цензуру, конечно, не одобряю. Но вы, господа, сами тоже виноваты - зачѣмъ пишете такъ длинно? Это и мнѣ дорого — лишній гонораръ платить, да и губернскаго совѣтника раздражаетъ — лишній матеріалъ читать. Вотъ, посмотрите на заднія страницы календаря, какъ всякіе мудрецы писали: всего двѣ, три строчки, а какъ здорово выходило!

Вообще, точныхъ политическихъ взглядовъ Федора Егоровича мы, сотрудники, опредѣлить никакъ не могли, хотя и знали, что офиціально онъ принадлежалъ къ конституціонно - демократической партіи. Иногда нашъ редакторъ очень либеральни-

чалъ, порой чуть-ли не доходилъ до высказыванія апархическихъ идей; а иногда, вдругъ, произносилъ такія черносотенныя рѣчи, что приводилъ всѣхъ насъ въ содроганіе.

Какъ то разъ, напримѣръ... Возвращается онъ изъ города, нервно входитъ въ общую редакціонную комнату, гдѣ мы, трое, въ трехъ углахъ писали свои статьи въ трехъ направленіяхъ, и начинаетъ бушевать:

— Безобразіе! Чортъ знаетъ что! Невозможно при такихъ условіяхъ издавать газету!

— А въ чемъ дѣло, Федоръ Егоровичъ? — спрашиваетъ эсеръ.

— Да очень просто, въ чемъ дѣло! Жиды оптовики опять подняли цѣну на бумагу! Житья отъ нихъ нѣтъ!

Сотрудникъ меньшевикъ, погруженный въ описаніе прелестей диктатуры рабочаго класса, отрывается отъ работы. Будучи самъ евреемъ, онъ, естественно, краснѣетъ отъ обидныхъ словъ издателя и смотритъ на него съ негодованіемъ. А тотъ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, продолжаетъ изливать свои чувства.

Испытывая неловкость отъ возникшаго положенія, я рѣшаюсь заступиться за своего коллегу:

— Простите, Федоръ Егоровичъ... Я не собираюсь учить васъ... Но вы — кадетъ. И я тоже кадетъ. А у насъ въ программѣ сказано, что мы должны добиваться равноправія для всѣхъ національ-

ностей, въ томъ числѣ и евреевъ!

— Ну, да! Я и добиваюсь! А въ чемъ дѣло?

Редакторъ остановился, съ удивленіемъ взглянулъ на меня.

— Но въ такомъ случаѣ вы должны отстаивать для нихъ тѣ права, которыхъ они лишены...

— Я и отстаиваю! Я очень хочу, чтобы они имѣли право жительства всюду! А то — почему ихъ всѣхъ заперли здѣсь? Пусть переѣзжаютъ на Волгу, на Уралъ, въ Москву, въ Петербургъ... Тогда конкуренція уменьшится! И дышать будетъ легче!

Если не считать подобныхъ исключительныхъ случаевъ, то редакціонная жизнь въ общемъ протекала у насъ мирно, спокойно. Федоръ Егоровичъ обращался съ нами по-товарищески, вѣжливо, не позволялъ себѣ никакихъ грубостей. Писалъ я у него почти ежедневно, и онъ никогда не вмѣшивался въ мои темы, исключая полемики съ Крушеваномъ. Въ этомъ вопросѣ мы всегда дружно объединялись, такъ какъ Крушеванъ и его и меня поносилъ иногда самыми ужасными словами. Про Федора Егоровича онъ писалъ, что если ему поручить устройство россійскаго государства, то этотъ строй сейчасъ же рухнетъ, какъ рушатся тѣ одноэтажные дома и сараи, которые Федоръ Егоровичъ строилъ до сихъ поръ кишиневскимъ жителямъ. А про меня Крушеванъ говорилъ, что я извѣстный студентъ-бомбометатель и что я чуть ли не собирался взорвать въ видѣ протеста Новороссійскій Универси-

тетъ.

Но самое обидное было написано имъ по моему адресу въ самомъ началѣ моего сотрудничества въ "Бессарабской Жизни". Подстрекаемый Федоромъ Егоровичемъ, началъ я его задирать первый; Крушеванъ нѣкоторое время молчалъ, молчалъ и, наконецъ разразился. Стиль у него былъ грубый, въ подборѣ словъ онъ не стѣснялся, хотя, несомнѣнно, его газету читали не только мужчины, но и дамы, и быть можетъ дѣти. И, вотъ, въ первой же статьѣ, посвященной мнѣ, онъ съ чудовищнымъ цинизмомъ обрушился на то, что въ литературномъ смыслѣ было для меня самымъ священнымъ — на мой псевдонимъ.

Раскрываю я какъ-то разъ его газету и читаю:

"Въ смрадной революцiонной клоакѣ, именуемой "Бессарабской Жизнью", появилась какая-то новая пакость: "Азотнокислый..."

И затѣмъ слѣдовало второе слово моей подписи. Но въ этомъ словѣ "Калiй" двѣ послѣднiя буквы были выпущены, и вмѣсто нихъ стоялъ твердый знакъ.

Помню — нѣсколько дней послѣ этого я былъ совершенно подавленъ. Даже стѣснялся показаться на главной улицѣ города. А чудакъ Федоръ Егоровичъ, наоборотъ,—почему-то былъ очень доволенъ.

— Ничего, ничего, — ободрялъ меня онъ. — Теперь вы быстро пойдете въ гору: Крушеванъ васъ замѣтилъ.

Вообще, нельзя сказать, чтобы Федоръ Егоровичъ былъ очень чуткимъ человѣкомъ въ области литературной чести. Да и въ издательскомъ смыслѣ тоже не всегда оказывался на высотѣ. Особенно въ вопросѣ о гонорарѣ.

Согласно условію, долженъ былъ онъ платить намъ въ концѣ каждаго мѣсяца. Но это условіе имѣло только теоретическій характеръ. На практикѣ получали мы гонораръ по частямъ, въ разное время, послѣ долгихъ споровъ и препирательствъ. Сначала шли къ секретаршѣ, сидѣвшей за рѣшеткой и изображавшей кассира. А послѣ того, какъ секретарша объявляла, что у нея въ кассѣ нѣтъ ничего, кромѣ почтовыхъ марокъ, отправлялись къ редактору въ кабинетъ, гдѣ происходила всегда одна и та же сцена:

Федоръ Егоровичъ вынималъ изъ кармана панталонъ тотъ самый темно-зеленый кошелекъ, который былъ мнѣ памятенъ по первому визиту въ редакцію, раскрывалъ его передъ нами и плачущимъ голосомъ говорилъ:

— Ну что же я могу вамъ дать, господа? Смотрите: вотъ одинъ рубль. Вотъ — другой. Полтинникъ... Двугривенный. Пять копѣекъ... И все!

Получивъ, послѣ длительныхъ переговоровъ, по рублю или еще меньше, мы грустно удалялись в редакціонную комнату писать очередныя статьи; въ этихъ статьяхъ срывали свою злобу въ нападкахъ на правительство; а черезъ недѣлю опять шли къ

редактору и снова знакомились съ содержаніемъ зеленаго кошелька.

И вотъ, однажды, съ этимъ кошелькомъ у Федора Егоровича произошелъ большой конфузъ. Явился къ намъ въ редакцію какой-то представительный тучный господинъ въ клѣтчатомъ костюмѣ, съ величавыми манерами, съ убѣдительнымъ пріятнымъ баритономъ, съ актерскимъ лицомъ благороднаго отца.

— Доложите редактору, — сказалъ онъ секретаршѣ, — что его желаетъ видѣть спѣшно прибывшій изъ Петербурга извѣстный журналистъ Пе-Пе-Зе.

Что происходило въ кабинетѣ Федора Егоровича, когда тамъ сидѣлъ Пе-Пе-Зе, мы, сотрудники, точно не знали. Извѣстно намъ только было, что секретарша, по порученію редактора, бѣгала покупать водку, колбасу, ветчину, хлѣбъ и что въ кабинетѣ во время выпивки торжественно звучалъ баритонъ гостя, чередовавшійся съ подобострастнымъ теноромъ Федора Егоровича. Судя по водкѣ и ветчинѣ, петербургскій журналистъ совершенно очаровалъ нашего шефа.

Около часа оживленно бесѣдовали они наединѣ; а затѣмъ Федоръ Егоровичъ привелъ Пе-Пе-Зе въ нашу комнату.

— Вотъ это у насъ редакціонная, — самодовольно заявилъ редакторъ. — Позвольте вамъ представить: мой передовикъ... Это — авторъ руководя-

щихъ... А это... Ученый юмористъ Азотнокислый Калій.

— Очень пріятно, очень пріятно... снисходительно говорилъ гость, пожимая намъ руки. — Азотнокислый? Да, да. Читалъ у Крушевана...

— Господа, — радостно обратился къ намъ Федоръ Егоровичъ, — Петръ Петровичъ сдѣлалъ мнѣ честь — согласился сотрудничать. Имѣйте въ виду, мы должны относиться къ нему съ особеннымъ почтеніемъ, какъ къ пострадавшему за свои убѣжденія: его выслали изъ Петербурга.

— Вотъ какъ? — обрадовался передовикъ. — Очень счастливъ познакомиться!

— Вы, навѣрно, призывали населеніе къ вооруженному возстанію? — съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ спросилъ въ свою очередь эсеръ.

— Не совсѣмъ призывалъ, но въ нѣкоторомъ родѣ. Вообще, не сошелся во взглядахъ съ градоначальникомъ. Только вотъ что, дорогой Федя, обратился гость къ Федору Егоровичу, — У насъ, въ Петербургѣ, обычай - при заключеніи условія обязательно давать авансъ. Безъ аванса въ Петербургѣ никакая литературная дѣятельность не мыслима.

— Авансъ? — Федоръ Егоровичъ поблѣднѣлъ. — У насъ, знаете, такого обычая нѣтъ...

— Очень жаль. Въ настоящее отвѣтственное время провинція должна идти въ ногу съ Петербургомъ, если хочетъ старый режимъ замѣнить новымъ. Ну, хорошо, такъ и быть, я согласенъ всего на де-

сять рублей. Чтобы не нарушать принципа.

Редакторъ растерянно взглянулъ на Пе-Пе-Зе, и его рука привычнымъ движеніемъ полѣзла въ карманъ.

— Вотъ, посмотрите, — обычнымъ плачущимъ голосомъ началъ онъ, раскрывъ кошелекъ. — Одинъ рубль... Два.... Полтинникъ...

Петербургскій гость насмѣшливо прищурилъ правый глазъ.

— Бросьте, Федя, бросьте!..

— То-есть, какъ бросьте? Двугривенный, десять. Пять копѣекъ... Вотъ все, что у меня есть!

— Ну и шутникъ! — Гость весело расхохотался — Вотъ оригиналъ! А въ другомъ кошелькѣ? Меня, дорогой мой, провести трудно. Сейчасъ вы показываете зеленый, а когда посылали барышню за закусками, вынимали, небось, изъ другого кармана, коричневый? Тамъ были и зелененькія бумажки, и красненькія. Ну, ладно, давайте пять рублей, и никакихъ дальнѣйшихъ дискуссій. А завтра принесу первую громовую статью противъ самодержавія.

Сконфуженный Федоръ Егоровичъ пяти рублей не далъ, но на три, все-таки, рискнулъ. И впослѣдствіи долго раскаивался въ этомъ безумномъ поступкѣ:

Извѣстнаго петербургскаго журналиста Пе-Пе-Зе, высланнаго градоначальникомъ за несходство взглядовъ, мы больше не видѣли.

УНИЧТОЖЕНІЕ ЦЕНЗУРЫ.

Осенью 1905 года изъ Петербурга пришла пріятная вѣсть: университеты получили автономію.

Наконецъ-то мы, студенты - академисты, можемъ свободно учиться, а профессора свободно преподавать и самостоятельно заправлять университетскими дѣлами.

Въ связи съ этимъ я подумывалъ бросить свою работу въ кишиневской газетѣ и вернуться въ Одессу для подготовки къ государственнымъ экзаменамъ. Однако, съ автономіей неожиданно вышло печальное недоразумѣніе. Ею воспользовались не тѣ студенты, которые хотѣли заниматься, а тѣ, которые были противъ занятій.

Соціалисты - эсдеки и эсеры — автономно завладѣли аудиторіями, стали въ нихъ собирать сходки, устраивать засѣданія комитетовъ, выносить резолюціи о бойкотѣ будущей Государственной Думы, составлять революціонныя воззванія къ населенію... О лекціяхъ нечего было думать. И я рѣшилъ продолжать пока свое сотрудничество въ "Бессарабской Жизни".

Наступило 17 октября. Манифестъ о свободахъ на территоріи Имперіи повсюду былъ принятъ чисто по-русски. Какъ извѣстно, русскій человѣкъ, получая что-нибудь наравнѣ съ другими, обычно недоволенъ; того, что онъ получилъ, ему всегда мало; а того, что получилъ другой, по его мнѣнію,

всегда много. Лѣвые круги считали конституцію для себя слишкомъ умѣренной, а правые, наоборотъ, — слишкомъ большой уступкой для лѣвыхъ.

Поэтому, торжества по случаю радостнаго событія немедленно превратились въ безпорядки. Сначала по улицамъ стали двигаться манифестаціи съ выраженіемъ благодарности верховной власти; затѣмъ ихъ смѣнили манифестаціи съ кликами "Долой самодержавіе"; послѣ этого появились демонстраціи, выражавшія недовольство разнузданнымъ поведеніемъ лѣвыхъ; потомъ, во многихъ городахъ подъ руководствомъ соціалъ - демократовъ начались возстанія, бунты. И въ качествѣ апофеоза всѣхъ этихъ торжествъ произошли со стороны правыхъ низшихъ слоевъ населенія безчинства, погромы.

Такого погрома, какъ извѣстно, не избѣгъ и Кишиневъ. Отвратительное позорное зрѣлище. Но со стороны лѣвыхъ было гнусной клеветой, будто въ организаціи подобнаго темнаго дѣла участвовали мѣстныя власти. Почти съ увѣренностью можно сказать, что нигдѣ въ городахъ, гдѣ происходили погромы, власти не были причастны къ этимъ явленіямъ; и не только потому, что это казалось имъ слишкомъ грязной работой, но просто и потому, что всякая лишняя работа для нашихъ администраторовъ являлась бѣдствіемъ.

Газета "Бессарабская Жизнь" въ эти дни не выходила. А когда, послѣ нѣкотораго успокоенія въ

городѣ, я явился въ редакцію, редакторъ Федоръ Егоровичъ встрѣтилъ меня съ удивленіемъ.

— Значитъ, вы не ранены? — радостно воскликнулъ онъ.

— Нѣтъ. А что?

— Слава Богу! А то мнѣ сегодня утромъ сообщили, будто Азотнокислый Калій раненъ въ ногу и доставленъ въ больницу, гдѣ ему оказали первую помощь. Я собирался послѣ завтрака поѣхать, навѣстить васъ.

— Странно, — удивился я, невольно оглядывая себя бѣглымъ взглядомъ. — Насколько мнѣ извѣстно, ноги мои въ полномъ порядкѣ.

Изъ любопытства Федоръ Егоровичъ послѣ завтрака, все-таки навелъ справки - какимъ образомъ я попалъ въ списокъ раненыхъ? И оказалось, что въ Кишиневѣ какой-то молодой еврей выдавалъ себя за меня и приписывалъ своему перу мои фелетоны. Судьбѣ было угодно покарать руками погромщика этого незадачливаго самозванца, но, къ счастью, легко. Впослѣдствіи мнѣ показывали этого моего двойника.

И какъ сложна человѣческая психологія! Послѣ упомянутаго случая я значительно выросъ въ своихъ собственныхъ глазахъ. Во первыхъ, потому, что моимъ блестящимъ псевдонимомъ изъ тщеславія воспользовался какой-то обыватель; а во-вторыхъ потому, что вѣдь принципіально это былъ я, тотъ самый борецъ за свободу, на котораго напалъ

презрѣнный погромщикъ!

Нѣсколько дней послѣ этого гордо ходилъ я по улицамъ города, съ загадочной улыбкой человѣка, чужими страданіями пострадавшаго за свою идею.

А наша газета, тѣмъ временемъ, нервно переживала переходъ отъ прежняго подцензурнаго состоянія къ новому, свободному. По правиламъ старой цензуры полагалось, чтобы вычеркнутыя цензоромъ мѣста не оставались пустыми и чтобы весь наборъ передъ печатаньемъ соотвѣтственно сжимался. Но уже до окончательнаго освобожденія многія газеты демонстративно стали печатать статьи съ пустыми мѣстами, показывая читателямъ, что здѣсь прошелся карандашъ цензора. Бывали случаи, когда цензоръ выкидывалъ всю статью цѣликомъ; и тогда это произведеніе появлялось въ газетѣ въ видѣ пустого бѣлаго столбца, сверху котораго стояло заглавіе, а снизу — подпись злополучнаго автора.

Къ этому способу протеста нашъ редакторъ-издатель Федоръ Егоровичъ прибѣгалъ довольно часто; и мы, сотрудники - студенты, сначала относились къ подобной смѣлости съ большимъ уваженіемъ. Однако, при первой выдачѣ гонорара уваженіе значительно ослабѣло. За бѣлыя мѣста Федоръ Егоровичъ категорически отказался платить, философски доказывая, что за ничто никто ничего платить не обязанъ.

И, все-таки, несмотря на такія грустныя ма-

теріальныя потери въ борьбѣ съ цензурой, мы, авторы, получали моральное удовлетвореніе. Таинственная бѣлая полоса на мѣстѣ "передовой" или фельетона волновала читателей и разжигала ихъ любопытство: что тамъ было написано? На какую тему? Хорошо или плохо? Нѣкоторые нервные люди даже заходили въ редакцію узнать, о чемъ говорилъ авторъ въ своемъ погибшемъ произведеніи. И нужно было видѣть, какъ мы гордились успѣхомъ тѣхъ статей, которыхъ никто не прочелъ! Охотно излагали тему и содержаніе написаннаго, выражали свое негодованіе по адресу цензора, и каждый изъ насъ ясно давалъ понять собесѣднику, что неувидѣвшія свѣта строки были самыми удачными изъ всѣхъ тѣхъ, которыя когда-либо приходилось писать автору.

Но, вотъ, прошла осень, наступила зима. Цензурныя оковы окончательно пали. Можно было теперь говорить все, обо всемъ. Безъ всякихъ бѣлыхъ пропусковъ, даже безъ эзоповскаго языка съ его аллегоріями, намеками, двусмысленностями. И — странно! Въ большинствѣ провинціальныхъ газетъ неожиданно почувствовалась какая-то растерянность, даже какъ будто бы грусть. Всѣ эти Марки Авреліи, Цицероны, Сенеки и Демосфены, всегда жаловавшіеся на то, что цензура держитъ ихъ за горло, мѣшаетъ глаголомъ жечь сердца людей, говорить громогласно все то, что хочется, — всѣ они, вдругъ, залепетали что-то несвязное, плоское, пере-

мѣшанное съ простой бранью по адресу правительства или его ужасныхъ сатраповъ.

Это парадоксальное состояніе, между прочимъ, наряду съ Цицеронами и Сенеками, испыталъ и я самъ, къ собственному своему удивленію. Какъ я ждалъ этихъ блаженныхъ минутъ, когда можно сказать все, что думаешь! А пришелъ счастливый мигъ освобожденія — и оказалось, что мнѣ, кромѣ общихъ фразъ, сказать нечего. Хорошо еще было нашему передовику, соціалъ-демократу; у него были брошюры Бебеля, Каутскаго, Бернштейна, Аксельрода, изъ которыхъ онъ могъ черпать свое вдохновеніе. Кромѣ того, послѣ паденія предварительной цензуры, въ Россіи появилась масса новыхъ соціалистическихъ изданій: "Начало", замѣнившее прежнюю нелегальную "Искру"; "Новая Жизнь", замѣнившая "Пролетарія"; "Сѣверный Голосъ", "Борьба", "Утро"... Нашъ эсдекъ могъ брать оттуда любыя цитаты, чтобы блеснуть эрудиціей. Студентъ эсеръ, писавшій руководящія статьи, тоже имѣлъ подъ рукой кое-что изъ Лаврова или Чернова, не говоря о нѣсколькихъ томахъ Михайловскаго, которые онъ спѣшно приволокъ въ редакцію. А я, кадетъ, былъ предательски брошенъ на произволъ судьбы, такъ какъ кадетская партія тогда еще не обзавелась своими собственными брошюрками. Зная, что на мнѣ, какъ на конституціонномъ демократѣ, лежитъ обязанность проводить западныя буржуазно - демократическія идеи, попытался я на-

писать что-то о великой французской революціи по словарю Брокгауза и Ефрона; затѣмъ нѣчто объ англійской хартіи вольностей, о "хабеасъ корпусъ". Исчерпавъ это, съ отчаянія сталъ подумывать, не начать ли теперь, при свободѣ, рядъ очерковъ о методѣ координатъ и его біологическомъ основаніи, или о вліяніи математики на общественно-соціальную жизнь...

Но, понимая, что это совсѣмъ не матеріалъ для газеты, да еще въ такое бурное нематематическое время, отбросилъ я эту мысль, попытался написать что-то такое о демократіи въ Древней Греціи, о паденіи Римской имперіи. И — захандрилъ. Перо — ослабѣло, стало вялымъ, безцвѣтнымъ.

И это замѣтилъ даже редакторъ — Федоръ Егоровичъ.

— Вы что? Больны въ послѣднее время? — участливо спросилъ онъ.

— Нисколько. А что?

— Да у васъ, знаете, въ фельетонахъ нѣтъ прежней веселости. Напора этого самаго...

— А къ чему напоръ, когда все достигнуто? — грустно возразилъ я.

И меня, послѣ этого, сразу потянуло въ Университетъ. Къ моимъ роднымъ дифференціаламъ, интеграламъ, къ варіаціонному исчисленію, къ небесной механикѣ...

Распрощался я съ милѣйшимъ Федоромъ Егоровичемъ, съ коллегами по газетѣ. И уѣхалъ въ

Одессу готовиться къ государственнымъ экзаменамъ.

ИЗДАТЕЛЬ ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Въ первые мѣсяцы 1906 года повсюду началось успокоеніе. Возстанія во всѣхъ главныхъ очагахъ были раздавлены. Наступилъ послѣдній конвульсивный этапъ неудавшейся революціи: выступленія отдѣльныхъ террористовъ и экспропріаторовъ, подстрѣливавшихъ изъ-за угла городовыхъ и съ возгласами "руки вверхъ" грабившихъ банки и магазины. Къ этимъ "идейнымъ" экспропріаторамъ стали присоединяться и далеко не идейные, обогащавшіе налетами не партійныя кассы, а свои собственныя. И, постепенно переходя изъ плоскости политической въ плоскость чисто-уголовную, революція такъ тѣсно сочеталась съ подонками общества, что различить, гдѣ выступали революціонные дѣятели, а гдѣ работали профессіональные грабители, не могъ никто, даже полиція. Тѣмъ болѣе, что въ подражаніе своимъ соціалистическимъ коллегамъ, бандиты тоже стали примѣнять облагороженные методы нападенія на буржуазныя кассы, бросали консервныя банки или коробки отъ сардинъ, начиненныя взрывчатымъ веществомъ.

Эти разбойныя нападенія окончательно отвра-

тили большинство россійскаго населенія отъ революціи. Обыватель уже порядкомъ усталъ и отъ "терпѣнія" японской войны, и отъ нетерпѣнія революціонеровъ; и отъ забастовокъ, и отъ уличныхъ безпорядковъ, и отъ вооруженныхъ возстаній. Особенно началъ раздражать мирныхъ гражданъ рабочій классъ, который отъ лести соціалъ-демократовъ дѣйствительно такъ возгордился, что искренно сталъ считать себя помазанникомъ Божіимъ, вмѣсто Царя.

Не даромъ въ Россіи, въ кругахъ умѣренныхъ интеллигентовъ, пользовалась успѣхомъ эпиграмма. помѣщенная въ "Русскомъ Вѣстникѣ", озаглавленная "Къ рѣшенію рабочаго вопроса" и въ двухъ строкахъ выражавшая общее отношеніе общества къ соціалъ - демократической диктатурѣ пролетаріата:

"Мнѣ нравятся рабочіе,
Но нравятся и прочіе."

Нашъ Новороссійскій Университетъ былъ открытъ, чтеніе лекцій возобновилось. Но занятія шли вяло, слушателей было немного; студенты соціалисты не появлялись въ аудиторіяхъ, не желая примириться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что революція проиграна и что надо съ военнаго положенія переходить на мирное.

Въ маѣ состоялись у насъ государственные экзамены. Въ прежніе годы обычно бывало, что

окончившіе собирались гдѣ-нибудь, чтобы вспрыснуть завершеніе курса наукъ; но у насъ разставаніе съ Университетомъ прошло безцвѣтно и безъ особаго веселья. Все вниманіе интеллигенціи приковано было тогда къ шумливой и экспансивной первой Государственной Думѣ, открывшейся 27-го апрѣля.

Окончивъ физико - математическій факультетъ, я съ грустью сталъ размышлять, что дѣлать дальше? Прежнія наивныя мечты сдѣлаться математическимъ свѣтиломъ, въ родѣ Ньютона, Лапласа, Лагранжа, или хотя бы Лобачевскаго, рухнули; такихъ Лобачевскихъ, какъ я, наши университеты выпускали ежегодно много десятковъ, если не цѣлую сотню. Но сдѣлаться простымъ преподавателемъ гимназіи не позволяло мнѣ самолюбіе. Такой исключительный молодой человѣкъ и, вдругъ, — учитель математики!

И я вспомнилъ тогда, что если въ качествѣ математика я никому неизвѣстенъ, то въ литературномъ отношеніи — дѣло другое. Я — Азотнокислый Калій! Это — не что-нибудь... Меня почти весь Кишиневъ знаетъ. И даже въ Бендерахъ у меня были читатели. Можетъ быть снова заняться газетной дѣятельностью?

Вотъ, только, псевдонимъ мой — "Азотнокислый Калій" мнѣ сталъ теперь казаться не совсѣмъ удачнымъ. Правда, онъ очень наученъ и сильно выдѣляетъ меня среди всѣхъ этихъ провинціальныхъ

малообразованныхъ Горацiевъ, Демосфеновъ, Альфъ, Омегъ, Тарантуловъ и Оводовъ; но въ немъ, все-таки, чувствуется какая-то излишняя химическая тенденцiозность. И почему именно Азотнокислый Калiй, а не Хлористый Натръ или Закись Азота? Пожалуй, если начать писать въ одесскихъ газетахъ, лучше взять что-нибудь болѣе скромное. Но, съ другой стороны, прiобрѣтенная въ Кишиневѣ слава погибнетъ. Неудачный, но прославленный старый псевдонимъ, все-таки, лучше, чѣмъ удачный новый, но никому неизвѣстный.

И вотъ, послѣ долгихъ колебанiй, рѣшилъ я пойти на компромиссъ со своимъ тщеславiемъ: слово Калiй оставилъ, Азотнокислый отбросилъ, написалъ фельетонъ на какую-то злободневную тему, подписался — и отправился въ редакцiю мѣстной газеты "Одесскiй Листокъ".

Издатель этой газеты — Василiй Васильевичъ Н. — былъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Началъ онъ свою карьеру простымъ типографскимъ мальчикомъ. Но американскiй складъ характера и природный недюжинный умъ быстро повели его вверхъ по пути матерiальнаго благополучiя. Накопивъ немного денегъ, а можетъ быть и просто занявъ ихъ, онъ сталъ печатать скромный листокъ объявленiй различныхъ одесскихъ фирмъ, бралъ за эти объявленiя небольшую плату и разносилъ свой листокъ по адресамъ наиболѣе состоятельныхъ жителей города, которымъ раздавалъ его даромъ. Черезъ нѣкоторое

время въ листкѣ стала появляться и мѣстная хроника, которую Василій Васильевичъ собиралъ самъ. А когда даровые кліенты уже привыкли къ подобной благотворительности типографскаго мальчика, этотъ послѣдній прекратилъ, вдругъ, безплатную раздачу листка и сообщилъ всѣмъ старымъ абонентамъ, что отнынѣ будетъ за каждый номеръ брать деньги.

Вознегодовали богатые одесситы, что типографскій мальчикъ пересталъ для нихъ даромъ трудиться; покряхтѣли, почесали затылки, но дѣлать нечего — привычка уже создалась, пришлось подписаться.

И черезъ нѣсколько лѣтъ, вмѣсто маленькаго "Листка Объявленій", выходила уже довольно большая газета съ разнообразнымъ матеріаломъ. А прошло еще нѣкоторое время — и у талантливаго русскаго американца возлѣ городского театра выросъ огромный домъ, съ собственной типографіей, печатавшей одну изъ самыхъ солидныхъ провинціальныхъ газетъ, въ которой писалъ "самъ" Власъ Дорошевичъ.

Будучи неизмѣримо умнѣе моего кишиневскаго редактора Федора Егоровича, Василій Васильевичъ самъ свою газету не редактировалъ, сознавая, что для этого у него не хватаетъ образованія. Предоставивъ это дѣло опытному журналисту, онъ занимался только издательской стороной предпріятія, а кромѣ того, по старой памяти, зорко слѣдилъ

въ газетѣ за хроникой, которую справедливо считалъ своей спеціальностью. И горе тому репортеру, который пропускалъ какое нибудь извѣстіе, о которомъ сообщала конкуррирующая газета "Одесскія Новости"! Разъяренный Василій Васильевичъ былъ тогда весь какъ Божія гроза.

Обычно рано утромъ, позавтракавъ, онъ спускался изъ своей квартиры въ редакцію, бралъ свѣжій номеръ "Одесскаго Листка", прочитывалъ хронику и на поляхъ, противъ замѣтокъ своихъ репортеровъ, писалъ карандашемъ резолюціи:

"Финкель! Узнать объ этомъ дѣлѣ достоконательно!"

Или еще проще:

"Файвилевичъ! Что это за юрунда?"

Послѣ подобнаго просмотра хроники Василій Васильевичъ приказывалъ подать свои дрожки и совершалъ обычный ежедневный объѣздъ города. Сначала останавливался онъ около Собора, совершалъ тамъ краткую молитву, а затѣмъ ѣхалъ смотрѣть, все ли въ Одессѣ въ порядкѣ и на своемъ мѣстѣ. Чувствовалъ ли онъ себя при этихъ объѣздахъ чѣмъ-то въ родѣ полиціймейстера, или градоначальника, трудно сказать; но объѣздъ совершался добросовѣстно и очень внимательно. Съ высоты своихъ дрожекъ Василій Васильевичъ пытливымъ взглядомъ осматривалъ базары, товары уличныхъ торговцевъ, витрины магазиновъ; смотрѣлъ, есть ли уже посѣтители въ кофейняхъ, много-ли прохожихъ

на улицахъ, благополучно-ли происходитъ движеніе трамвая... И затѣмъ возвращался въ редакцію, гдѣ обсуждалъ съ редакторомъ программу слѣдующаго дня.

По вечерамъ Василій Васильевичъ обычно посѣщалъ театры, приглашая гостей въ свою постоянную ложу. А знакомства у него были огромныя, и въ артистическомъ мірѣ, и въ промышленномъ и среди мѣстной администраціи. Иногда онъ устраивалъ у себя званые вечера или банкеты, и особенно пышно праздновалъ день своего Ангела 1-го января. На этихъ именинахъ обѣдало у него нѣсколько десятковъ человѣкъ, главнымъ образомъ оперныхъ и драматическихъ артистовъ. Обычно онъ рѣдко выступалъ съ рѣчами, удерживаемый отъ нихъ своей интеллигентной и свѣтской супругой; но на именинахъ, послѣ нѣсколькихъ бокаловъ и рюмокъ того или этого, языкъ его развязывался, задерживающіе центры въ видѣ директивъ жены ослабѣвали, и онъ былъ тогда не прочь выступить съ какимъ-нибудь импровизированнымъ спичемъ. Говорилъ онъ всегда умно, нерѣдко — остроумно, но очень часто неправильно съ точки зрѣнія употребленія словъ.

Какъ-то 1-го января среди приглашенныхъ собрались у него три представителя семьи Петипа: самъ Маріусъ Маріусовичъ, гостившій тогда въ Одессѣ, и драматическіе актеры — Горѣловъ и Радинъ. Польщенный присутствіемъ такого знамени-

таго гостя, какъ Маріусъ Маріусовичъ, Василій Васильевичъ былъ особенно веселъ. Хлебнувъ для большаго краснорѣчія лишнюю рюмку чего-то, онъ всталъ и съ сіяющимъ лицомъ проговорилъ:

— Милостивые господа и государыни! Я очень счастливъ, что среди насъ сегодня находится такой замѣчательный человѣкъ... Это, господа, самъ Маріусъ Маріусовичъ, главный выродокъ семьи Петипа!

Съ точки зрѣнія политической Василій Васильевичъ былъ человѣкомъ умѣренныхъ взглядовъ и причислялъ себя къ кадетамъ, но не потому, что подробно изучилъ программу этой партіи, а потому, что противъ кадетовъ была мѣстная лѣвая газета "Одесскія Новости". Чтобы придать особый политическій вѣсъ своему изданію, онъ рѣшилъ сдѣлать изъ него офиціальный кадетскій органъ и пригласилъ въ составъ сотрудниковъ нѣсколькихъ мѣстныхъ профессоровъ - лидеровъ партіи. Профессора должны были собираться время отъ времени на редакціонныя собранія съ чаемъ и булками и намѣчать вмѣстѣ съ редакторомъ рядъ вопросовъ, подлежавшихъ освѣщенію въ газетѣ.

Редакторъ былъ этимъ нововведеніемъ не очень доволенъ, такъ какъ считалъ подобныя совѣщанія вмѣшательствомъ въ его редакторскія права; но практичный Василій Васильевичъ его успокоилъ, сказавъ ему по секрету, что профессорамъ скоро надоѣстъ ходить на собранія, и они оставятъ газету

въ покоѣ. Зато имена ихъ останутся и будутъ приманкой для солидныхъ читателей.

На организаціонномъ собраніи вмѣстѣ съ профессорами Василій Васильевичъ почтительно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ въ концѣ стола и ни во что не вмѣшивался, когда вокругъ произносились закругленныя и увѣсистыя программныя рѣчи новыхъ ученыхъ сотрудниковъ. Но когда засѣданіе пришло къ концу, онъ скромно всталъ и сказалъ:

— Господа! Я очень радъ, что вы согласились писать. Въ добрый часъ. Только разрѣшите мнѣ попросить объ одномъ: когда вы будете подписывать свои статьи, не пишите сокращенно "проф. такой-то" или "проф. такой". Пишите, пожалуйста, полностью "профессоръ". А то не всякій человѣкъ, особенно на Молдаванкѣ или на Пересыпи, пойметъ, что значитъ "проф." Хорошо это, или плохо.

Просьба издателя была, конечно, наивной. Но въ ней не было и тѣни ироніи. Василій Васильевичъ не зналъ, что на "проф." начинается не только слово профессоръ, но и слово профанъ.

БАРОМЕТРИЧЕСКАЯ ДАМА.

Не мало любопытныхъ эпизодовъ вспоминается мнѣ изъ временъ сотрудничества моего въ "Одесскомъ Листкѣ".

У неутомимаго нашего издателя всегда были какіе-нибудь очередные новые планы для улучшенія дѣла. Онъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что конкуррирующая лѣвая газета "Одесскія Новости" имѣетъ тиражъ не меньше, чѣмъ его "Одесскій Листокъ".

Однажды обычной своей торопливой походкой вошелъ онъ въ кабинетъ редактора и взволнованно заговорилъ:

— Дорогой мой... Бросьте исправлять рукописи. Я вамъ скажу что-то очень важное. Вы видите эту газету? Мнѣ далъ ее одинъ знакомый. Она — на французскомъ языкѣ, но это ничего, знакомый все объяснилъ. Такъ вотъ, въ Парижѣ нѣкоторыя газеты дѣлаютъ замѣчательную вещь: каждый день предсказываютъ погоду въ видѣ дамы. Смотрятъ на это... какъ его, барометръ, и вставляютъ тотъ или другой рисунокъ. Когда барометръ показываетъ хорошую погоду, на первой страницѣ ставится дама въ легкомъ платьѣ, съ шикарной шляпой, съ сумочкой въ рукѣ; когда барометръ, наоборотъ, указываетъ сильный дождь, даму ставятъ одѣтую въ пальто, съ раскрытымъ зонтикомъ, а надъ зонтикомъ косыя линіи — это значитъ — ливень... А когда погода ожидается на слѣдующій день не то ни се, дама держитъ въ рукѣ закрытый зонтикъ — на всякій случай. Здѣсь, въ номерѣ, какъ разъ она стоитъ въ такомъ видѣ. Посмотрите! Здорово, а?

Меланхоличный редакторъ оторвался отъ ру-

кописи и усталыми глазами разсѣянно взглянулъ сначала на французскую даму, а затѣмъ на издателя.

— Да, вижу, — безразличнымъ тономъ проговорилъ онъ. — И что же?

— И что же! — обиженно повторилъ Василій Васильевичъ, слегка раздраженный равнодушіемъ своего собесѣдника. — Такая дама — кладъ для газеты! Всѣ читатели у насъ встрепенутся, если мы заведемъ у себя такую особу. А "Одесскимъ Новостямъ" — будетъ щелчокъ! Мы купимъ этотъ самый барометръ, закажемъ нашему художнику рисунки, сдѣлаемъ три клише... И вы каждый день будете смотрѣть, какая погода ожидается, и помѣчать типографіи, какое изъ клише ставить въ номеръ.

— Я? — испуганно произнесъ редакторъ. — О, нѣтъ, Василій Васильевичъ. Увольте.

— А почему?

— Я въ метеорологіи мало что понимаю. А барометры, кромѣ того, часто врутъ. Я не хочу на себя брать отвѣтственность за такія предсказанія.

— Да, но это очень интересно! Если хотите, мы можемъ каждый вечеръ вмѣстѣ совѣщаться...

— Все равно. Каждый разъ будетъ рискъ. Вотъ, обратитесь лучше къ Калію: онъ астрономъ и математикъ, пусть и займется.

Въ тотъ же день Василій Васильевичъ поймалъ меня въ редакціи и подробно изложилъ свой проектъ. Но я тоже испугался. Обстоятельно сталъ объ-

яснять Василію Васильевичу, что представляетъ собой барометрическое давленіе, каково устройство ртутныхъ барометровъ и анероидовъ; указалъ, что слабое давленіе бываетъ при циклонахъ, приносящихъ съ собою осадки, а высокое давленіе, наоборотъ, при антициклонахъ, сопровождающихся ясной погодой и засухой. Но одного барометра, сказалъ я въ заключеніе, не достаточно, если не имѣть показаній всей сѣти метеорологическихъ станцій, такъ какъ циклоны и антициклоны иногда мѣняютъ свое направленіе.

— Все равно! — упрямо отвѣтилъ Василій Васильевичъ, не совсѣмъ разобравшись въ моей лекціи. — Если французы въ Парижѣ могутъ печатать такую даму, мы, русскіе, можемъ то же самое дѣлать въ Одессѣ. Поѣдемъ въ городъ покупать барометръ! Вы только смотрите внимательно, чтобы не подсунули второй сортъ.

Покупка барометра вызвала въ редакціи сенсацію. Репортеры обступили издателя, когда онъ въ общей комнатѣ сотрудниковъ торжественно вынулъ анероидъ изъ картонной коробки и бережно началъ разсматривать, разспрашивая меня о способахъ пользованія имъ. Нѣсколько дней, пока художникъ дѣлалъ рисунки, а цинкографія по этимъ рисункамъ приготавливала клише, Василій Васильевичъ былъ буквально одержимъ своимъ планомъ. Онъ сначала поставилъ барометръ въ репортерской комнатѣ на этажерку; затѣмъ испугался, что кто-ни-

будь изъ репортеровъ его украдетъ, и перенесъ драгоцѣнный приборъ въ кабинетъ редактора; но редакторъ иногда приходилъ въ редакцію поздно, и Василій Васильевичъ рѣшилъ запереть барометръ въ шкапъ. Однако, такое пребываніе въ шкапу продолжалось недолго; встревожившись, что въ темнотѣ барометръ не разберетъ, какую погоду надо показывать, Василій Васильевичъ извлекъ его на свѣжій воздухъ и опять водрузилъ на каминъ.

Такъ продолжалось два дня, пока не случилось одного тревожнаго обстоятельства: въ сосѣднемъ скверѣ Пале Рояля садовникъ сталъ изъ кишки поливать газонъ. Обильная струя взвивалась въ воздухъ, изгибалась наверху и падала внизъ на траву эффектнымъ дождемъ. Замѣтивъ все это изъ окна своей квартиры, Василій Васильевичъ торопливо спустился внизъ, схватилъ барометръ съ камина и опять заперъ его въ шкапъ, пока поливка не кончилась и газонъ не подсохъ.

— А вдругъ ему покажется, что идетъ дождь? — объяснилъ онъ свои дѣйствія редактору, который съ тревогой смотрѣлъ на него.

Но, вотъ, наконецъ, наступилъ желанный торжественный день. Съ трехъ клише, изображавшихъ одну и ту же даму въ 3-хъ различныхъ видахъ, принесли Василію Васильевичу изъ типографіи оттиски. Дама очень удалась нашему придворному художнику, бывшему въ то же время и нашимъ фотографомъ. Она была красива, и элегантна не только

въ своей позиціи при хорошей погодѣ, но и во время дождя; подъ ливнемъ держала зонтикъ наклонно впередъ, точно пробивая себѣ дорогу сквозь гущу водяныхъ капель; свободной рукой подхватывала платье почти до колѣнъ, для большей граціозности поддерживая его двумя пальчиками; и обнаженныя ноги въ туфелькахъ на высокихъ каблукахъ въ какомъ-то миломъ танцѣ едва прикасались къ лужѣ, которая находилась подъ ними. А очаровательное личико съ кокетливой улыбкой было повернуто къ зрителю, точно дождь казался ей не досаднымъ явленіемъ, а пикантной загадочной авантюрой.

Василій Васильевичъ былъ въ восторгѣ. Такъ какъ за нѣсколько дней ожиданія онъ уже свыкся съ барометромъ и не боялся его, то рѣшилъ завѣдывать имъ самъ лично, къ великой радости редактора и моей. Поздно вечеромъ, когда верстаясь первая страница, онъ, благословясь, спустился въ типографію и торжественно вручилъ метранпажу клише.

— Вотъ, дорогой. Ставьте съ Богомъ.

— Слушаю-съ, — почтительно проговорилъ метранпажъ, заранѣе посвященный въ предпріятіе съ дамой. — Даете безъ зонтика? — добавилъ онъ, мелькомъ взглянувъ на клише.

— Да, барометръ показываетъ ясно, — авторитетно отвѣтилъ Василій Васильевичъ. — Кромѣ того, я еще его постукалъ нѣсколько разъ. Идетъ направо.

— Ну, въ добрый часъ.

Указавъ метранпажу, что даму лучше всего поставить наверху справа, недалеко отъ заголовка газеты, Василій Васильевичъ поговорилъ еще объ очередныхъ дѣлахъ, вручилъ своему собесѣднику два остальныхъ клише дамы, которые тотъ долженъ былъ хранить въ столѣ и ушелъ.

Было около двѣнадцати часовъ ночи. Придя къ къ себѣ въ спальню, Василій Васильевичъ, прежде чѣмъ ложиться, открылъ окно и пытливо сталъ разглядывать небо. Ночь была чудесная, тихая, звѣздная. На небѣ — ни признака тучъ. Но это - съ южной стороны. А съ сѣверной?

Василій Васильевичъ вышелъ въ коридоръ, отправился въ ванную комнату, чтобы никого не тревожить, открылъ окно тамъ и, высунувъ голову, осмотрѣлъ сѣверную часть неба.

— Тоже хорошо, — успокоительно пробормоталъ онъ. — Теперь можно ложиться.

Обычно сонъ былъ у него крѣпкій, спокойный, несмотря на нервную жизнь. Однако, на этотъ разъ спалось ему не такъ, какъ всегда. Изъ-за барометрической-ли дамы или изъ-за чего-нибудь другого, но онъ долго ворочался на кровати, пока уснулъ. И сколько спалъ — неизвѣстно. Но вотъ ночью, вдругъ, точно какой-то внутренній толчекъ разбудилъ его. Онъ испуганно приподнялся, прислушался... И въ ужасѣ замеръ.

— Капъ, капъ, капъ... — слышалось за окномъ

зловѣщее, страшное.

Да, это былъ дождь. Настоящій хорошій освѣжающій дождь, съ тѣми крупными увѣренными каплями, которыя бываютъ только лѣтомъ.

Соскочивъ съ постели, Василій Васильевичъ порывисто надѣлъ халатъ, побѣжалъ по коридору, и опрометью скатился по лѣстницѣ внизъ, въ типографію.

— Остановить машину! — взревѣлъ онъ.

— Не безпокойтесь, Василій Васильевичъ, — мягко заговорилъ появившійся изъ за наборныхъ кассъ метранпажъ. — Я задержалъ первую страницу. Слышу — дождь, рѣшилъ подождать, чтобы прошелъ. А если не пройдетъ, разбудить васъ.

— Ну, спасибо, дорогой мой, — обрадовался Василій Васильевичъ. — Отлично. Только, развѣ этотъ мерзавецъ пройдетъ? Послушайте, какъ подлецъ хлещетъ. Проклятый барометръ!

— Да, пройти ему, пожалуй, трудно, — почтительно согласился метранпажъ. — Значитъ, какъ вы полагаете? Поставить дамочку съ зонтикомъ?

— Разумѣется!

— Съ раскрытымъ?

— Я думаю, съ раскрытымъ! Кто въ ливень ходитъ съ закрытымъ? Ахъ, Господи, Господи!

Василій Васильевичъ прослѣдилъ, какъ метранпажъ вынулъ изъ рамы первой страницы легкомысленную даму въ легкомъ платьѣ, замѣнилъ ее другой, элегантно переходящей черезъ лужу воды,

и, успокоившись, вернулся къ себѣ. Открывъ окно и удостовѣрившись, что дождь продолжаетъ идти и все небо обложено тучами, онъ сбросилъ халатъ, перекрестился, легъ въ постель и сразу погрузился въ глубокій сонъ.

Было совсѣмъ свѣтло, когда Василій Васильевичъ проснулся, освѣженный и отдохнувшій отъ треволненій предыдущаго дня. Сладко потянувшись, онъ пріоткрылъ глаза, посмотрѣлъ въ сторону окна... И со страхомъ зажмурился. Ему показалось, что онъ еще спитъ; что все, только что увидѣнное имъ, — глупое сновидѣніе, игра испуганнаго воображенія. Нужно только встряхнуться, ущипнуть себя, или громко увѣренно откашляться, и все пройдетъ, наступитъ радостная спокойная дѣйствительность.

Василій Васильевичъ громко кашлянулъ, слегка приподнялъ вѣки, опять взглянулъ на окно... И глубокій стонъ вырвался изъ его груди.

Небо было ясное, нѣжно-голубое, прозрачно-радостное. Въ скверѣ, привѣтствуя чудесное утро, оживленно щебетали птицы. Благодатныя капли ночного дождя сверкали въ листвѣ деревьевъ подъ косыми лучами взошедшаго солнца.

А Василій Васильевичъ сидѣлъ у окна за маленькимъ столикомъ, уронивъ голову, охвативъ ее руками. И первый разъ въ жизни ощущалъ въ себѣ острую ненависть къ голубому небу, къ ясному утру, къ щебечущимъ птицамъ.

. . . .

После этого несчастнаго случая барометрическая дама просуществовала у насъ въ газетѣ около двухъ мѣсяцевъ и вела себя хорошо. Прекратилъ ее Василій Васильевичъ осенью, когда погода стала слишкомъ путанной и когда на одинъ день приходилось нерѣдко по три дождя и по три "яснаго неба."

А когда кто-либо изъ читателей спрашивалъ Василія Васильевича, почему дама не появляется, онъ угрюмо отвѣчалъ:

— Ни одной женщинѣ въ мірѣ ни въ чемъ нельзя вѣрить.

ОДЕССКІЕ ЖУРНАЛИСТЫ.

Вспоминаются мнѣ, помимо нашего милѣйшаго издателя Василія Васильевича, кое-какіе сотрудники "Одесскаго Листка" и "Одесскихъ Новостей".

Были среди нихъ, разумѣется и люди солидные, мѣстные профессора или общественные дѣятели, писавшіе скучно, но весьма обстоятельно; были не менѣе почтенные старые журналисты, съ радикальнымъ закаломъ, боготворившіе Добролюбова, Писарева, Чернышевскаго, и дававшіе торжественныя статьи на любыя темы, всегда приходившія къ выводу, что русскій Карфагенъ долженъ быть разру-

шенъ. Но, въ отличіе отъ профессоровъ, эти либеральные Сципіоны обычно оживляли свои произведенія ассортиментомъ цитатъ, которыя брали изъ Пушкина, Гоголя, Грибоѣдова, изъ сборника латинскихъ поговорокъ или изъ календаря; рѣдкій ихъ фельетонъ или передовая статья обходились безъ "сикъ транзитъ глоріа мунди", безъ "де мортуисъ ниль низи бене", или безъ "свѣжо преданіе, но вѣрится съ трудомъ."

Среди этихъ почтенныхъ журналистовъ въ "Одесскихъ Новостяхъ", какъ и въ "Кіевской Мысли", встрѣчались также и имена политическихъ эмигрантовъ того времени. Напримѣръ, имя будущаго свѣтила большевицкой революціи Л. Троцкаго. Несмотря на "ужасный гнетъ" царскаго правительства этотъ страдалецъ не только печаталъ въ "Одесскихъ Новостяхъ" свои статьи, но и исправно получалъ за нихъ гонораръ. А подобнаго явленія, какъ извѣстно, никогда впослѣдствіи не наблюдалось у новыхъ эмигрантовъ журналистовъ, когда послѣ октябрьской революціи Троцкій и Ленинъ замѣнили собой "проклятую царскую власть."

Помимо упомянутыхъ главныхъ кадровъ южнорусской журналистики, пришлось познакомиться мнѣ и съ многочисленными одесскими репортерами. Это былъ особый типъ людей, безъ которыхъ не только южныя, но и вообще всѣ россійскія газеты не могли существовать. Репортеры - одесситы всѣмъ своимъ существомъ, не только душой, но и

тѣломъ, были созданы для репортажа и добыванія хроники. Это была ихъ стихія. Въ поискахъ информаціоннаго матеріала они проникали сквозь закрытыя окна и двери; свободно входили туда, гдѣ надпись гласила: "входъ воспрещается"; накидывались на свои жертвы въ учрежденіяхъ, на улицѣ, въ трамваѣ, во время купанія на Ланжеронѣ или въ Аркадіи. Король этихъ репортеровъ, нѣкій Горѣликъ, въ дѣлѣ интервьюированія продѣлывалъ чудеса. Онъ на ходу вскакивалъ въ поѣздъ, въ которомъ слѣдовала какая-нибудь важная особа, и, появившись въ салонъ-вагонѣ, требовалъ интервью до тѣхъ поръ, пока особа не произносила нѣсколько словъ, въ родѣ "ступайте вонъ", или "оставьте меня въ покоѣ". Тогда, высаженный изъ поѣзда на ближайшей станціи жандармами, Горѣликъ мчался въ редакцію и, основываясь на высказанныхъ высокопоставленнымъ лицомъ высляхъ, описывалъ свою бесѣду въ пространной статьѣ.

Изъ такихъ наиболѣе способныхъ и наименѣе стѣсняющихся репортеровъ нерѣдко выходили передовики, фельетонисты и даже редакторы. Такъ, два репортера "Одесскаго Листка" — Финкель и какой-то другой — возымѣли геніальную мысль издавать "Газеты - Копѣйку". Успѣхъ этой "Копѣйки" среди мелкихъ чиновниковъ, почтальоновъ и дворниковъ былъ потрясающій. Финкель, когда-то продававшій на базарѣ рыбу, сдѣлался маститымъ редакторомъ и писалъ самъ передовыя статьи съ

грозными предостережніями Петербургу: "Въ послѣдній разъ предупреждаемъ Правительство"... А его компаньонъ за подписью "Фаустъ" строчилъ фельетоны, игриво начиная ихъ такими словами: "Онѣгинъ, я скрывать не стану, что дѣлается у насъ въ Городской Управѣ", или: "Доколѣ ты, Катилина, будешь злоупотреблять съ нашимъ терпѣніемъ на базарѣ, гдѣ стоитъ такая вонь?"

Въ скоромъ времени, однако, оба пріятеля чего-то не подѣлили — не то славы, не то денегъ, разошлись и стали каждый издавать отдѣльную "Копѣйку". Финкель со своей трибуны разоблачалъ прошлую общественную дѣятельность "Фауста", который былъ комиссіонеромъ большой гостиницы и услужливо поставлялъ гостямъ все, что имъ было угодно; а Фаустъ, чтобы сбить противника съ его литературнаго пьедестала, сталъ печатать у себя фотографію Финкеля, окруженную со всѣхъ сторонъ рыбами.

Иногда изъ такихъ мелкихъ репортеровъ вырабатывались бойкіе фельетонисты и для крупныхъ газетъ. Помню, напримѣръ, одного такого — Александра Александровича Т.

Этотъ Александръ Александровичъ пріѣхалъ въ Одессу изъ Крыма, гдѣ былъ кажется, хроникеромъ "Крымскаго Вѣстника", и предложилъ свои услуги Василію Васильевичу. Писалъ онъ живо и свободно по всѣмъ вопросамъ, въ которыхъ разбирался и не разбирался, и сразу завоевалъ симпатіи

издателя. Былъ онъ брюнетомъ лѣтъ 30-ти какого-то неопредѣленнаго восточнаго типа. Носилъ и лѣтомъ и зимой рыжую барашковую шапку, высокіе сапоги и, почему-то, хлыстъ. Добродушный, разговорчивый, онъ вначалѣ всѣмъ намъ понравился, но постепенно мы начали замѣчать въ немъ кое-какія странности.

Прежде всего, по его словамъ, происходилъ онъ изъ знатнаго татарскаго крымскаго рода, а какого — неизвѣстно. Затѣмъ, окончилъ блестяще юридическій факультетъ, а гдѣ, — тоже неизвѣстно. Далѣе — наѣздникомъ былъ онъ замѣчательнымъ, бралъ на скачкахъ призы, но на какимъ именно, — никто не зналъ. Золотистый жеребецъ его "Джигитъ" пользовался во всемъ Крыму огромной славой, и Александръ Александровичъ рѣшилъ привезти его съ собой изъ Феодосіи въ Одессу. Но во время погрузки несчастный "Джигитъ" оступился на сходняхъ, упалъ въ воду между пароходомъ и пристанью, утонулъ и никто изъ насъ такъ его и не видѣлъ.

Художникомъ Александръ Александровичъ былъ незауряднымъ, его марины гдѣ-то пользовались огромнымъ успѣхомъ. И морское дѣло зналъ отлично, такъ какъ каждое лѣто на собственной яхтѣ совершалъ прогулки съ береговъ Крыма въ Константинополь.

— Скажите, — во время одной изъ бесѣдъ съ нимъ искренно спросилъ я. — А вы, случайно, не

музыкантъ?

— Ну, конечно, — просто, безъ чванства, отвѣтилъ онъ. — А что?

— Да я ищу для нашего любительскаго струннаго квартета партнера, который игралъ бы на альтѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — обрадовался онъ. — Это удачно. Я, какъ разъ, играю на альтѣ и имѣю превосходный инструментъ, нѣчто среднее между Страдиваріусомъ и Амати.

Отвѣтъ Александра Александровича воодушевилъ меня. Какъ извѣстно, найти альтиста среди музыкантовъ любителей очень трудно. И я въ тотъ же день сообщилъ своимъ партнерамъ эту пріятную новость.

Но прошла недѣля, другая, третья. При каждой встрѣчѣ я спрашивалъ Александра Александровича, когда же онъ придетъ ко мнѣ со своимъ инструментомъ. Каждый разъ онъ объяснялъ, что еще не успѣлъ распоковать свои сорокъ пять чемодановъ, которые привезъ изъ Крыма. И, наконецъ, когда однажды я снова задалъ ему тотъ же вопросъ, онъ тяжело вздохнулъ и грустно отвѣтилъ:

— Представьте, дорогой мой, какое несчастье! На-дняхъ вѣшалъ я на стѣну картину Рубенса, подлинникъ, который мнѣ достался по наслѣдству отъ хана Гирея... Рама у картины очень тяжелая... А внизу, подъ картиной, на столикѣ, безъ футляра лежалъ альтъ... Гвоздь сорвался, рама упала и угломъ

разбила у альта всю верхнюю деку. Пришлось для починки послать инструментъ въ Италію.

Картина Рубенса и несчастье съ альтомъ ужс вызвали во мнѣ кое-какія сомнѣнія. А одинъ случай совсѣмъ поколебалъ вѣру въ точность утвержденій Александра Александровича.

Дѣло въ томъ, что этотъ всесторонне образованный человѣкъ увѣрялъ всѣхъ своихъ новыхъ знакомыхъ, что онъ знаетъ восемь восточныхъ языковъ, прекрасно говоритъ по-турецки и по-арабски. Въ одномъ домѣ, гдѣ собирались иногда за чашкой чая мы, студенты и курсистки, одна коварная дѣвица рѣшила какъ-то провѣрить, дѣйствительно ли Александръ Александровичъ, приходившій иногда на наши собранія, знаетъ арабскій языкъ. Она случайно достала санитарную инструкцію, которую мѣстныя власти отпечатали для русскихъ мусульманъ-паломниковъ, ѣздившихъ черезъ Одессу на поклоненіе въ Мекку. Инструкція была составлена по-арабски и по-русски; съ одной стороны арабскій текстъ, съ другой — параллельный русскій.

За чаемъ, когда Александръ Александровичъ явился въ качествѣ заранѣе приглашеннаго гостя, безжалостная курсистка привела въ исполненіе свой жестокій планъ. Протянула оторванную страницу арабскаго текста и съ невиннымъ видомъ спросила:

— Александръ Александровичъ... Переведите, пожалуйста, что здѣсь напечатано?

Мускулы на лицѣ гостя не дрогнули. Наобо-

ротъ. Лицо приняло радостное выраженіе. Въ глазахъ засвѣтилось снисходительное любопытство. Онъ взялъ въ руку текстъ, небрежно взглянулъ на него и твердо произнесъ:

— Ага. Это извѣстная мусульманская молитва.

— А какая именно?

— А вотъ... Сейчасъ. "Великъ Аллахъ и Магометъ, пророкъ Его. Алла, Алла! Все въ мірѣ происходитъ по твоему замыслу... Безъ твоего одобренія не растетъ на землѣ трава, не дуетъ въ воздухѣ вѣтеръ, не колышется на своемъ ложѣ море..."

За столомъ наступила напряженная тишина. Всѣ были растроганы красотой молитвы, которую произнесъ Александръ Александровичъ. А когда онъ окончилъ говорить, курсистка достала изъ сумочки страницу съ русскимъ текстомъ и удивленно сказала:

— Какъ странно! А здѣсь, въ переводѣ, представьте, сказано: "Всѣ паломники, сходя съ парохода, обязаны направляться въ санитарный пунктъ возлѣ таможни, гдѣ должны вымыться въ банѣ и сдать свои вещи для дезинфекціи..."

Прошло еще мѣсяца два, и всѣ знакомые окончательно перестали вѣрить Александра Александровичу. Даже тогда, когда онъ говорилъ правду. А нѣкоторые его и жалѣли. Да и понятно. Человѣкъ, который за все берется, все знаетъ и все умѣетъ, въ концѣ концовъ вызываетъ въ ближнихъ такую же снисходительную жалость, какъ человѣкъ, боящійся

за что-либо взяться, ничего не знающій и ничего не умѣющій.

Однако, какъ ни удивительно, издатель нашъ почему-то продолжалъ вѣрить Александру Александровичу, часто съ нимъ совѣщался, давалъ темы для статей или какія-нибудь порученія изъ области репортажа. И Александръ Александровичъ старался. Совѣты давалъ рѣшительные, хронику приносилъ исключительную, а въ фельетонахъ своихъ окончательно закусывалъ удила и не зналъ удержа въ цитатахъ. Какую-нибудь остроту, подслушанную въ кафе Робина, онъ выдавалъ за восточную мудрость; смѣшивалъ слова Цезаря со словами Наполеона; а царю Соломону приписывалъ всѣ изреченія, происхожденіе которыхъ ему было неясно.

Такъ жилъ и работалъ во славу южно-русской печати Александръ Александровичъ Т., который потомъ перебрался въ Москву и тамъ, во время революціи, давалъ населенію точную информацію о происходившихъ событіяхъ.

АРТИСТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ.

За время сотрудничества своего въ "Одесскомъ Листкѣ" не мало встрѣчалъ я любопытныхъ фигуръ и популярныхъ людей того времени.

Видѣлъ я Уточкина, извѣстнаго гонщика - ав-

томобилиста, который сталъ однимъ изъ нашихъ первыхъ авіаторовъ. Это былъ замѣчательный человѣкъ, съ отчаянной рыжей головой, съ безстрашной душой. На Николаевскомъ бульварѣ онъ продѣлывалъ опытъ: разгонялъ свой автомобиль до предѣльной скорости по направленію къ обрыву и у самаго парапета внезапно останавливался. На аэропланѣ, построенномъ имъ самимъ изъ какого-то примитивнаго матеріала, онъ смѣло совершалъ первые свои авіаціонные опыты, лихо перелетая черезъ заборы и деревья на Маломъ Фонтанѣ, приводя въ ужасъ и въ восторгъ присутствовавшихъ зрителей.

Были тогда въ Одессѣ и знаменитый борецъ Заикинъ, и популярный пѣвецъ Морфесси, и пріятель А. И. Куприна клоунъ Жакомино, и самъ Купринъ. Веселились они тамъ изрядно, а однажды на потѣху публики устроили въ пользу студентовъ спектакль, поставивъ "Прекрасную Елену" Купринъ игралъ Калхаса, Заикинъ — Ахилла, Морфесси — Менелая. Что происходило на сценѣ — жутко сказать. Заикинъ — Ахиллъ пыхтѣлъ, рычалъ и грозно шевелилъ своими бицепсами; а Купринъ Калхасъ, для храбрости хватившій заранѣе большое количество семидесятиградуснаго нектара, стоялъ въ одеждѣ жреца среди цвѣтовъ со слезами на глазахъ, бормоталъ что-то неподобное и умоляюще поглядывалъ на кулисы, намѣреваясь туда улизнуть.

Купринъ и Бунинъ въ тѣ времена часто пріѣз-

жали въ Одессу и подолгу въ ней жили. Куприна, конечно, публика больше любила и какъ автора и какъ человѣка. Онъ держалъ себя мило, благожелательно, безъ всякой рисовки, и писалъ такъ же, какъ жилъ: искренно, просто, неряшливо. Писалъ то, что думалъ и чувствовалъ. Талантъ повѣствованія въ смыслѣ выдумки и занимательности сюжета былъ у него выше, чѣмъ у Бунина. Кромѣ того, въ его произведеніяхъ наблюдалась и мягкость и нѣжность, и нѣкоторая любовь къ людямъ, имъ описываемымъ. А Бунинъ уже съ молодости проявлялъ сухость, черствость, и изъ всѣхъ героевъ своихъ повѣстей и разсказовъ любилъ только себя. Если Купринъ, въ силу своей безалаберной жизни, писалъ хуже, чѣмъ могъ дать его талантъ, то съ Бунинымъ было наоборотъ — благодаря своей усидчивости и тщательной обработкѣ написаннаго, онъ всегда казался выше своего дѣйствительнаго таланта.

Изъ-за печальной склонности къ земному нектару, такъ ярко обнаружившейся въ исполненіи партіи Калхаса, Купринъ не попалъ въ Академію Наукъ по отдѣлу изящной словесности, на что по существу имѣлъ несомнѣнное право. Къ слову сказать, съ нашими изящными академиками при выборѣ ихъ произошло грустное недоразумѣніе. Кандидатами были — Чеховъ, Горькій, Мережковскій, Купринъ, Бунинъ. Но президентъ Академіи — Великій Князь Константинъ Константиновичъ отклонилъ кандидатуру Горькаго изъ-за близости этого

просвѣщеннаго босяка къ революціоннымъ кругамъ. Чеховъ обидѣлся за Горькаго и отказался. Мережковскій не попалъ въ число безсмертныхъ, кажется, за то, что интересовался "черными мессами". А Купринъ своимъ образомъ жизни совершенно не походилъ на академика, особенно по ночамъ, когда академики должны спать и набираться силъ для дальнѣйшей полезной дѣятельности.

Такъ, напримѣръ, разсказывали, что, будучи еще офицеромъ Днѣпровскаго полка, онъ въ Проскуровѣ подготовился къ Академіи Генеральнаго Штаба, поѣхалъ въ Петербургъ и блестяще началъ сдавать экзамены. Но когда испытанія уже приходили къ концу, злополучнаго офицера - днѣпровца вызвали въ Канцелярію и заявили, что дальнѣйшіе экзамены ему держать запрещено. Оказалось, что передъ отъѣздомъ изъ Проскурова несдержанный Александръ Ивановичъ кутилъ въ мѣстномъ лѣтнемъ саду и при помощи своихъ собутыльниковъ выкупалъ въ рѣкѣ Бугѣ присутствовавшаго помощника пристава. Общими силами помощникъ былъ погруженъ въ воду и послѣ этого извлеченъ на берегъ. Но, къ сожалѣнію, Купринъ въ этой исторіи самъ тоже не вышелъ сухимъ изъ воды: мѣстныя власти, помимо командира полка, дали знать губернатору, губернаторъ сообщилъ въ Петербургъ... И Академія Генеральнаго Штаба Куприну улыбнулась.

Ясно, что при такомъ послужномъ спискѣ бѣд-

ный Александръ Ивановичъ получилъ улыбку и отъ Академіи Наукъ. Такимъ образомъ всѣ кандидаты въ безсмертные постепенно отпали, и въ концѣ концовъ все россійское литературное безсмертіе сконцентрировалось на одномъ только Бунинѣ. Бунинъ, дѣйствительно вполнѣ подходилъ подъ типъ академика. Былъ благоразуменъ, тихъ и умѣренъ во всемъ, кромѣ тщеславія; пилъ въ мѣру, по-академически, и не дружилъ съ клоунами и борцами, чѣмъ выгодно отличался отъ Куприна; черными мессами, подобно Мережковскому, не интересовался; а политически былъ либераломъ, но только настолько, чтобы быть желаннымъ гостемъ въ лѣвыхъ издательствахъ. Относился онъ къ своей работѣ съ уваженіемъ, съ трезвымъ рвеніемъ, и геніально умѣлъ подъ блескомъ формы своихъ произведеній скрывать нищету ихъ содержанія.

Одесскіе журналисты, художники, артисты оперы, драмы, оперетты и ихъ друзья нерѣдко объединялись по ночамъ въ пивной Брунса или въ какомъ-нибудь ресторанѣ. Иногда на этихъ собраніяхъ бывали Купринъ и Бунинъ, что поднимало у всѣхъ настроеніе. Обычно же протекали эти собранія не такъ оживленно, не было центра вниманія. Всѣ разбивались на группы, говорили о своихъ профессіональныхъ дѣлахъ. Въ одномъ углу хористъ Оперы хвастался, что ему дали сольную партію въ "Пиковой Дамѣ", гдѣ онъ долженъ былъ пропѣть всего шесть словъ, но очень отвѣтственныхъ: "Хозяинъ

просить дорогихъ гостей въ залъ". Пропѣлъ эти слова начинающій компримаріо отлично, съ блескомъ и со всѣми нужными художественными нюансами; но, къ сожалѣнію, вмѣсто "въ залъ" сказалъ "въ залѣ". Режиссеръ за это на него напалъ и долго ругался. А, между тѣмъ, какая тутъ разница?

А въ другомъ углу, уже не хористъ, и не компримаріо, а одинъ изъ солистовъ съ міровой южно-русской извѣстностью говоритъ по обыкновенію о своихъ головокружительныхъ успѣхахъ.

— Оскаръ Семеновичъ, — почтительно спрашиваетъ его слушатель репортеръ, подавленный величіемъ своего собесѣдника. — А скажите, откуда у васъ на лицѣ такой длинный шрамъ, извините за выраженіе? Это — отъ сабельнаго удара?

— Нѣтъ, отъ бутелочнаго, — скромно отвѣчаетъ тотъ.

Южно-русскіе художники имѣли у насъ свою собственную организацію, нерѣдко устраивали выставки. А иногда бывали здѣсь выставки "Міра Искусствъ", или кто-нибудь привозилъ изъ Москвы и изъ Петербурга картины какого-либо изъ крупныхъ художниковъ.

Помню, какъ одинъ журналистъ А. И. Филипповъ рѣшилъ познакомить одесскую публику съ Рерихомъ. Въ настоящее время, при увлеченіи Пикассо и Матиссомъ, Рерихъ кажется архаическимъ художникомъ, въ родѣ Чимабуэ. Но тогда онъ былъ для многихъ дерзкимъ новаторомъ, ужаснымъ де-

кадентомъ. Поэтому одесская интеллигенція всколыхнулась и двинулась смотрѣть Рериха.

— Ну, что? — явившись на выставку, спросилъ я стоявшаго у входа Филиппова, съ которымъ былъ раньше знакомъ. — Какъ будто ваше дѣло имѣетъ успѣхъ?

— О, да, — радостно отвѣтилъ онъ. — Многіе ругаются, ужасъ!

И Филипповъ былъ правъ. Вскорѣ послѣ того, какъ я прошелъ внутрь и медленно, съ долгими остановками, сталъ обходить стѣны, недалеко отъ меня разыгралась любопытныя сцена.

Почтенный сѣдой генералъ въ сопровожденіи пожилой дамы, очевидно супруги, подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ висѣла картина "Каменный Вѣкъ". Взглянувъ на полотно, генералъ издалъ сначала зловѣщее шипѣніе, затѣмъ тяжело засопѣлъ, фыркнулъ. И въ тишинѣ зала, по которому беззвучно двигались посѣтители, раздался его грозный голосъ:

— А это еще что такое? Муся, посмотри въ каталогъ!

— Это?.. "Каменный Вѣкъ", — уныло отвѣтила дама.

— Каменный вѣкъ? — голосъ генерала поднялся на нѣсколько тоновъ выше и принялъ еще болѣе зловѣщій характеръ. — Ну, и свинство! Издѣвательство! Чортъ знаетъ что!

— Да, — пренебрежительно согласилась дама. — Безобразіе.

— Яичница съ лукомъ! Мазня! — продолжалъ бушевать генералъ. — Развѣ это трава? А это — камни? И гдѣ онъ видѣлъ такое небо? Въ какой губерніи? Я понимаю, можно дать траву рѣдкаго цвѣта, и темно-зеленую и съ желтизной. Но ты хоть нѣсколько травинокъ обозначь, чтобы люди видѣли, суша это, или болото!

Войдя въ роль безпощаднаго критика, генералъ не могъ уже остановиться. Вокругъ собралась толпа. Нѣкоторые одобрительно поддакивали, нѣкоторые саркастически улыбались, считая, что генеральскій чинъ не позволяетъ человѣку быть цѣнителемъ живописи. Наконецъ, на шумъ явился и самъ Филипповъ.

— Въ чемъ дѣло, ваше превосходительство? — любезно и даже чуть подобострастно спросилъ онъ. — Вы чѣмъ-нибудь недовольны?

— А какъ вы думаете: можетъ здравомыслящій человѣкъ быть этимъ доволенъ? Я пришелъ наслаждаться искусствомъ, получить впечатлѣніе, а мнѣ подносятъ такое, отъ чего печень болитъ! Я человѣкъ старый, я не желаю, чтобы меня раздражали! И гдѣ тутъ, главное, каменный вѣкъ? Вообще, кто его видѣлъ?

— Простите, ваше превосходительство, но очевидно онъ такъ представлялся воображенію автора.

— Мало-ли что представлялся! Не все, что представляется, можно показывать. Надо, чтобы не только ему, но и другимъ было интересно смотрѣть!

— Простите, ваше превосходительство, но Николай Константиновичъ Рерихъ — извѣстный живописецъ. Въ Третьяковской Галереѣ имѣются его картины. А, кромѣ того, онъ состоитъ директоромъ петербургской художественной Школы, подъ почетнымъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны.

— Все равно, въ Третьяковской или не въ Третьяковской!... А какъ вы сказали? Чьимъ покровительствомъ?

— Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны.

— Августѣйшимъ покровительствомъ? Ага. Это, разумѣется огромная честь. Хмъ. Да. Разумѣется..

Но ты дорожи, въ такомъ случаѣ, покровительствомъ! Надо соотвѣтственно и краски подбирать и сюжеты! Оно, сказать по правдѣ, нѣкоторая древность въ картинѣ чувствуется. Безусловно. И въ травѣ, и въ камняхъ...

Но почему, все-таки, небо такъ мрачно? Я понимаю, суровость необходима. Это вамъ не современность, а сѣдая старина! Люди въ шкурахъ ходили! Но къ чему слишкомъ подчеркивать? Такъ вы говорите — Ея Императорское Высочество? Ужъ Ея Высочество, несомнѣнно въ живописи толкъ понимаетъ, это вы извините!

Генералъ успокоился. Сдѣлавъ свое дѣло, Филипповъ ушелъ. Пробывъ нѣкоторое время въ сосѣдней комнатѣ, я вернулся опять въ главный залъ

и увидѣлъ: его превосходительство стоялъ попрежнему возлѣ "Каменнаго Вѣка", окруженный новыми посѣтителями, и говорилъ кому-то изъ нихъ:

— Это, батенька, понимать надо. Прочувствовать. Сначала, можетъ быть, и не ухватишь, въ чемъ тутъ сила. Даже неправдоподобнымъ покажется. А, между тѣмъ, извольте вдуматься, когда это было? Здѣсь вамъ не времена Наполеона, или даже Дмитрія Донского. Это теряется во мглѣ вѣковъ!

Тутъ сами скалы древностью окутаны. И трава. Даже небо небывалое, доисторическое. Рерихъ то вамъ не какой-нибудь встрѣчный поперечный художникъ. Находится подъ августѣйшимъ покровительтвомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны!

МУЧЕНИКЪ НАУКИ.

Какъ ни разнообразна и легка была работа въ газетѣ, однако она быстро мнѣ надоѣла. Вѣчная торопливость; поверхностное отношеніе къ вопросамъ, о которыхъ приходилось писать; невольное общеніе съ журналистами, больными самовлюбленностью или просто малопочтенными, — все это вело къ разочарованію...

И меня снова потянуло къ занятію наукой.

Но математика больше не прельщала. Такъ

какъ по окончаніи математическаго факультета я съ болью въ душѣ выяснилъ, что изъ меня не выйдетъ не только Лобачевскій, но даже нашъ скромный приватъ-доцентъ Тимченко, меня потянуло къ изученію психологіи и философіи. Здѣсь, казалось мнѣ, найду я свое истинное призваніе и удовлетворю и пытливость ума и молодое тщеславіе. Сдѣлаюсь, если не вторымъ Кантомъ или Гегелемъ, то хотя бы Шопенгауэромъ или Ницше.

И я снова поступилъ въ Университетъ, на первый курсъ историко - филологическаго факультета. Конечно, для моей гордости было унизительно сидѣть въ одной аудиторіи съ мальчишками, только что явившимися изъ своихъ жалкихъ гимназій. Но, чтобы дать понять всѣмъ этимъ молокососамъ свое превосходство, я нацѣпилъ на тужурку самый крупный университетскій значекъ, какой могъ найти въ продажѣ, и этимъ до нѣкоторой степени компенсировалъ свое униженіе.

Работалъ я тогда много, съ увлеченіемъ. Помимо занятій лекціями, печаталъ статьи въ журналѣ "Вопросы философіи и психологіи", въ "Вѣстникѣ экспериментальной психологіи" Бехтерева, въ журналѣ "Вѣра и разумъ".

И вотъ, однажды пришло мнѣ въ голову изслѣдовать одно любопытное явленіе, которое давно интриговало меня и которое ученые относили къ разряду зрительныхъ иллюзій. Явленіе это состоитъ въ томъ, что луна, солнце и созвѣздія у горизонта всег-

да кажутся больше размѣрами, чѣмъ при высокомъ своемъ положеніи на небѣ. Астрономическаго или математическаго объясненія тутъ быть не можетъ, такъ какъ при измѣреніи инструментами эти свѣтила во всякомъ своемъ положеніи даютъ одинъ и тотъ же поперечникъ. Слѣдовательно, причина здѣсь какая-то другая - психологическая или физіологическая.

И вотъ, рѣшилъ я заняться этой загадкой. Литература вопроса оказалась огромной. Перерывъ въ Университетской библіотекѣ всѣ источники, я нашелъ массу гипотезъ, начиная съ Паскаля и кончая современными нѣмецкими психо-физіологами. Нѣкоторые ученые связывали эту иллюзію съ кажущейся приплюснутостью небеснаго свода; нѣкоторые — физіологическими причинами, напримѣръ, тѣмъ, что мышцы глазъ при нормальномъ положеніи головы и при смотрѣніи наверхъ испытываютъ разную иннервацію. Разумѣется, больше всего гипотезъ предлагали нѣмецкіе ученые, что и понятно: нѣмцы ни одного явленія въ природѣ не пропустятъ, чтобы не высказать по его поводу большое количество противорѣчивыхъ теорій. Напримѣръ, одинъ изъ нихъ, нѣкій Филене, придумалъ даже особый способъ наблюденія луны у горизонта - становился спиной къ восходящему свѣтилу, широко разставлялъ ноги, низко наклонялъ впередъ голову и смотрѣлъ на луну между ногами. По его утвержденію, при такомъ созерцаніи луннаго диска иллюзія сов-

сѣмъ исчезаетъ.

Желая по-своему обслѣдовать загадку, я составилъ краткій вопросникъ, въ который включилъ вопросы: кому какъ кажется луна при восходѣ и наверху въ небѣ; кто изъ опрошенныхъ уроженецъ какой мѣстности - гористой, или равнинной. Еще коечто. Отпечаталъ вопросникъ въ типографіи, раздалъ экземпляры его коллегамъ - студентамъ, курсисткамъ, знакомымъ. И, кромѣ того, у себя въ комнатѣ, которую снималъ у квартирной хозяйки и которая выходила окномъ во дворъ, гдѣ находилось помѣщеніе дворника, построилъ самодѣльный приборъ: сдѣлалъ масляный дискъ, изображавшій луну, сзади него прикрѣпилъ маленькую керосиновую лампочку, привязалъ все это къ веревкѣ, а веревку перекинулъ черезъ крючекъ въ потолкѣ, чтобы эту искусственную луну можно было свободно поднимать и опускать. А въ углу комнаты установилъ вертикальный градуированный картонный кругъ со стрѣлкой, вдоль которой нужно было смотрѣть на масляный дискъ при разныхъ высотахъ.

Отдался я этой работѣ всей душой. Сидѣлъ дома по вечерамъ, тянулъ веревку, поднималъ дискъ, опускалъ. А окно во дворъ, разумѣется, не прикрывалъ ни занавѣской, ни ставней. Закончивъ всѣ опыты, написалъ я большую статью съ чертежами и со своей собственной гипотезой, состоявшей въ слѣдующемъ: никакой зрительной иллюзіи въ данномъ явленіи нѣтъ, а есть простой паралогизмъ —

непреднамѣренная ошибка сужденія; на горизонтѣ луна сравнивается съ далекими земными предметами и кажется "большой", наверху сравнивается съ окружающимъ ее небеснымъ сводомъ и кажется "маленькой"; а отсюда и ошибочное сужденіе, что луна на горизонтѣ больше, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ промежуточный предметъ сравненія не одинъ и тотъ же.

И, вдругъ, черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ отправилъ я это изслѣдованіе въ "Вопросы психологіи", поздно вечеромъ въ нашей передней раздался продолжительный звонокъ, затѣмъ рѣзкій стукъ. Встревоженная хозяйка открыла дверь... И передняя наполнилась полицейскими чинами.

— Вы такой-то? — спросилъ меня вошедшій въ мою комнату приставъ.

— Да...

— У меня ордеръ на производство у васъ обыска.

— Пожалуйста...

Будучи тогда въ политическомъ смыслѣ мирнымъ правымъ кадетомъ, не имѣвшимъ никакого контакта съ революціонными кругами, я этимъ обыскомъ особенно напуганъ не былъ. Но чувство досады и даже какой-то обиды естественно возникло. За что? Почему?

Сопровождаемый городовымъ, хозяйкой и нашимъ дворникомъ въ качествѣ понятыхъ, приставъ принялся за свое дѣло. Прежде всего пересмотрѣлъ

всѣ бумаги и тетради на письменномъ столѣ и въ его ящикахъ.

— Скажите, — сухо, но вѣжливо спросилъ меня онъ, найдя внутри стола пачку использованныхъ листковъ отъ анкеты. — Это что?

— Это? — съ нѣкоторой гордостью проговорилъ я. — Это — вопросникъ для опредѣленія того, какъ кому кажется луна у горизонта.

— Такъ... А для чего это надо?

— Для прогресса отвлеченной науки.

Приставъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на меня, перевелъ взглядъ на листокъ вопросника и сталъ вполголоса читать: "Вопросъ: ваша фамилія? Отвѣтъ: Кононенко. Вопросъ: гдѣ вы главнымъ образомъ жили — въ гористой мѣстности, или въ равнинной? Отвѣтъ: въ равнинной, въ Херсонской губерніи. Вопросъ: кажется ли вамъ луна у горизонта больше, чѣмъ наверху въ небѣ, и если кажется, то во сколько приблизительно разъ? Отвѣтъ: въ семь разъ..."

Пробѣжавъ бѣглымъ взглядомъ остальные листки, приставъ задумался и передалъ пачку стоявшему рядомъ городовому:

— Пріобщи къ дѣлу.

— Слушаю-съ.

Затѣмъ началось пріобщеніе къ дѣлу различныхъ другихъ документовъ, найденныхъ на столѣ, въ столѣ и на этажеркѣ. Чертежъ приплюснутаго небеснаго свода, съ предполагаемой на немъ луной;

рисунокъ глаза съ мышцами завѣдующими его движеніемъ; любительская фотографія, сильно передержанная, на которой я и двое моихъ коллегъ-студентовъ изображались въ морѣ въ видѣ жуткихъ обуглившихся фигуръ. Еще кое что въ этомъ родѣ.

— А тутъ что за вещи? — спросилъ приставъ, подойдя къ углу, гдѣ были сложены оставшіеся отъ опытовъ угломѣръ, масляный дискъ и лампочка съ веревкой.

— Это — части прибора для экспериментальнаго изслѣдованія явленія.

— А лампочка для чего?

— Я ее во время опытовъ поднималъ при помощи веревки и на кругѣ измѣрялъ уголъ видимости.

— Федорчукъ, пріобщи.

— Слушаю-съ.

Приставъ присѣлъ къ столу и сталъ складывать въ одинъ пакетъ всю захваченную у меня добычу. Затѣмъ, замѣтно повеселѣвъ отъ того, что непріятныя обязанности выполнены, онъ закурилъ, повернулся ко мнѣ и уже болѣе мягко, безъ официціальности, сказалъ:

— А вы знаете, мнѣ тоже, это самое... Луна при восходѣ кажется больше, чѣмъ когда наверху.

— Въ самомъ дѣлѣ? — оживился я. — А во сколько разъ больше?

— Ну, разъ въ восемь. А отъ чего это зависитъ?

— У насъ тоже... Изъ за сада, возлѣ главной почты, луна всегда здоровенная выходитъ, — хрипло отозвался молчавшій до сихъ поръ дворникъ.

— Отчего зависитъ? — любезно переспросилъ я пристава. — Если хотите, съ удовольствіемъ разскажу вкратцѣ, коснувшись только слегка литературы вопроса... Помимо астрономовъ, которымъ особенно часто приходится наблюдать это явленіе, многіе лучшіе умы человѣчества тоже давно бились надъ разрѣшеніемъ загадки...

Я началъ съ Паскаля; упомянулъ имена нѣсколькихъ крупныхъ астрономовъ, высказывавшихся по данному поводу; перешелъ къ разнымъ психологамъ, разбиравшимъ этотъ вопросъ въ различныхъ "вохеншрифтахъ" и "фиртельяршрифтахъ"... И, наконецъ, дошелъ до метода физіолога Филена; вышелъ на середину комнаты, сталъ спиной къ столу, раздвинулъ ноги и, наклонивъ голову, началъ смотрѣть на пристава между ногами, упираясь руками въ полъ. Хотя голова пристава при такомъ разсматриваніи оказалась какъ будто бы перевернутой, — съ подбородкомъ на мѣстѣ лба и со лбомъ на мѣстѣ подбородка, однако я все же уловилъ на его лицѣ необычное выраженіе: нѣчто въ родѣ испуга, смѣшаннаго съ явной жалостью.

Тяжко вздохнувъ, онъ быстро всталъ со стула, забралъ пакетъ съ пріобщенными къ дѣлу вещами и приказалъ городовому и дворнику слѣдовать за собой.

— Ну, до-свиданья, — какъ-то грустно глядя права покидать квартиры. На лѣстницѣ я оставлю охрану. А послѣ доклада моего опредѣлится, будете-ли вы освобождены, или препровождены къ мѣсту заключенія.

Онъ протянулъ мнѣ руку и добавилъ:

— А, все-таки, путаная вещь эта — наука.

Около полуночи явился околоточный, снялъ охрану и сообщилъ мнѣ, что я оставленъ на свободѣ. Но свобода эта оказалась не полной; долгое время послѣ обыска, нѣсколько мѣсяцевъ, при своихъ выходахъ изъ дому я замѣчалъ, что за мной всегда слѣдуетъ сыщикъ.

Ясно, что опыты съ подниманіемъ и опусканіемъ освѣщеннаго диска были приняты за сигнализацію. И, очевидно, въ доносѣ принималъ участіе дворникъ.

Прошло около года. Я уже забылъ объ этой исторіи. И, вдругъ, на мое имя получается большой, тщательно завернутый, перевязанный шпагатомъ пакетъ, весь облѣпленный сургучными печатями. А на немъ сверху, надъ моимъ адресомъ, офиціальная надпись:

"Отъ судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ.

"Къ дѣлу о покушеніи на жизнь Командующаго Войсками Одесскаго Военнаго Округа Генерала отъ Кавалеріи барона Каульбарса".

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОПЕДЕВТИКА.

По окончаніи историко-филологическаго факультета я былъ оставленъ при Университетѣ по кафедрѣ философіи. И когда сталъ готовиться къ магистрантскому экзамену для полученія правъ на доцентуру, оставившій меня профессоръ Н. Н. Ланге сказалъ мнѣ:

— Такъ какъ вамъ черезъ два года предстоитъ читать лекціи студентамъ, то полезно было бы на нѣкоторое время сдѣлаться преподавателемъ гимназіи. Это пріучитъ васъ свободно держаться передъ аудиторіей. А сейчасъ, какъ разъ, въ гимназіяхъ введенъ новый предметъ — философская пропедевтика, состоящая изъ краткаго курса психологіи въ седьмомъ классѣ и курса логики въ восьмомъ. Логику, какъ вы знаете, преподавали и раньше, для нея есть кадръ старыхъ учителей; а для психологіи спеціалистовъ нѣтъ, и ихъ нужно создавать изъ молодыхъ людей, окончившихъ филологическій факультетъ. Я обѣщалъ директору частной гимназіи Юнгмейстеру переговорить съ вами. Надѣюсь, вы не откажете.

Перспектива сдѣлаться учителемъ, хотя бы на два года, мнѣ очень не улыбалась. Помня свои гимназическіе годы, я хорошо зналъ, какая каторга — имѣть дѣло съ мальчишками. Но дѣлать было нечего. Отказаться — это вызвать недовольство своего руководителя, котораго я очень цѣнилъ и уважалъ.

И, вотъ, началась моя педагогическая дѣятельность.

Спеціальныхъ руководствъ для преподаванія въ гимназіяхъ психологіи тогда еще не было, кромѣ учебника проф. Челпанова. Но по одному Челпанову преподавать не хотѣлось. Задавать уроки по учебнику "отсюда - досюда" казалось мнѣ устарѣвшимъ пріемомъ. И пришла въ голову блестящая мысль: самому составлять лекціи и читать ихъ по университетскому образцу, считая, что передо мною не гимназисты, а студенты, а самъ я — не учитель, а профессоръ.

Директоръ гимназіи — Юнгмейстеръ, которому я съ горделивымъ видомъ изложилъ свой планъ, сначала не на шутку перепугался. Но затѣмъ, овладѣвъ собой, задумался, покачалъ головой и нерѣшительно проговорилъ:

— Что же... Теперь такія либеральныя времена, что ничему удивляться не слѣдуетъ. Попробуйте, если хотите.

Явившись на первый урокъ, я сильно смутился, увидѣвъ передъ собой тридцать парней, довольно великовозрастныхъ, нѣкоторыхъ даже сильно потрепанныхъ жизнью, несмотря на несовершеннолѣтіе. Всѣ они были одинаково одѣты въ гимназическія курточки и потому показались похожими другъ на друга, кромѣ двухъ: одного пшютоватаго, съ пенснэ на носу, и другого — добродушнаго толстяка, ростъ котораго приблизительно равнялся его толщинѣ.

Какъ и когда удастся мнѣ запомнить фамиліи всѣхъ этихъ незнакомцевъ, а главное — опредѣлить ихъ индивидуальность и внутреннюю сущность, согласно требованіямъ великаго Песталоцци?

— Господа! — ставъ у кафедры, торжественнымъ, но слегка дрожащимъ голосомъ началъ я свою вступительную рѣчь. — Долженъ васъ предупредить, что этотъ новый предметъ — Философскую Пропедевтику я буду преподавать на новыхъ началахъ. У меня будутъ не уроки, а лекціи, какъ въ Университетѣ. Систему спрашиванія уроковъ и систему балловъ я отмѣняю, какъ педагогическій пріемъ, не оправдавшій возлагавшихся на него надеждъ. Никакихъ отмѣтокъ я ставить не буду, основываясь на взаимномъ нашемъ довѣріи и на вашей любви къ отвлеченному мышленію. Надѣюсь, вы достойно оцѣните мое отношеніе къ вамъ, и какъ взрослые сознательные люди, своимъ вниманіемъ къ лекціямъ, своимъ прилежаніемъ оправдаете правильность моего начинанія.

— Ура! — крикнулъ кто-то съ задней скамьи. — Къ чорту отмѣтки!

— Долой! — подтвердилъ другой голосъ.

— Да, вы не безпокойтесь, — вставъ съ мѣста, почтительно, но съ плутоватой улыбкой, произнесъ дюжій типъ, сидѣвшій во второмъ ряду. — Мы оправдаемъ. Господа! — обратился онъ неожиданно къ окружавшимъ его молодцамъ, — предлагаю качать господина учителя!

За партами началось движеніе. Нѣкоторые уже привстали, чтобы оказать мнѣ жуткую почесть. Но, къ счастью, окончательной рѣшимости у нихъ не хватило при видѣ испуга и неудовольствія, выразившихся на моемъ лицѣ. Я продолжалъ говорить о томъ предметѣ, который собираюсь преподавать; указалъ на то, что психологія не только необходима для углубленія знанія человѣческой природы, но чрезвычайно важна и для правильнаго взаимоотношенія между людьми. Психологія, говорилъ я, — основа соціологіи, а потому, если мои слушатели хотятъ правильно разбираться въ соціальныхъ вопросахъ, то они должны какъ слѣдуетъ усвоить курсъ моихъ лекцій. А такъ какъ согласно Фехнеру и Вундту, психологія основывается на физіологіи, что видно изъ психо-физическаго параллелизма, то надо знать физіологію нервной системы и органовъ чувствъ, что, въ свою очередь, требуетъ свѣдѣній по анатоміи...

И тутъ я подошелъ къ доскѣ и сталъ для начала изображать строеніе головного мозга.

Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ два раза въ недѣлю читалъ я лекціи своимъ слушателямъ, никого не спрашивая и никому не ставя отмѣтокъ. Не скажу, чтобы аудиторія моя относилась съ чрезмѣрнымъ благоговѣніемъ къ этимъ лекціямъ. Нѣкоторые сидѣли за партами съ глазами опущенными внизъ и что-то читали, но, какъ мнѣ удалось замѣтить, не учебникъ Челпанова, а что-то другое, такъ

какъ у Челпанова нигдѣ въ текстѣ нѣтъ голыхъ женскихъ фигуръ. Иные не читали, а просто вполголоса бесѣдовали, возможно что на затронутую моей лекціей тему, возможно — на какую-нибудь другую. Но, въ общемъ, за все это время особенныхъ эксцессовъ въ классѣ я не наблюдалъ. Единственно, что было мнѣ непріятно, это — подходить къ доскѣ и чертить на ней что-нибудь, напримѣръ, формулу логарифмической зависимости между раздраженіемъ и ощущеніемъ. Тотчасъ же около меня въ доску начинали ударяться всевозможные мелкіе предметы: жвачка изъ бумаги, старыя перья, куски мѣла, неизвѣстно откуда летѣвшіе.

Однако, я терпѣлъ и дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаю. Во-первыхъ потому, что не хотѣлъ унижаться и узнавать, кто это дѣлалъ; а во-вторыхъ потому, что не зналъ по фамиліи почти никого, кромѣ толстяка, котораго звали Пташкинъ. А вызвать къ доскѣ одного только Пташкина и распечь его я считалъ несправедливымъ. А вдругъ это былъ не онъ, а кто-либо другой, незнакомый?

Итакъ, прошло два мѣсяца. Окончилась первая учебная четверть. И, передъ тѣмъ, какъ идти на педагогическій совѣтъ, гдѣ каждый преподаватель сообщалъ совѣту и директору объ успѣхахъ учениковъ по его предмету, я предупредилъ свой классъ о томъ, что всѣмъ имъ я пока ставлю условную отмѣтку — пятерку. Однако, пояснилъ я, пятерка эта ничего не значитъ, а является только символомъ. Въ

концѣ второй четверти я сдѣлаю всѣмъ пробный экзаменъ за полугодіе, и тогда будетъ выставлена отмѣтка уже настоящая, глубоко мною продуманная, притомъ безъ всякой жалости съ моей стороны. Я буду справедливъ, но суровъ.

Мое заявленіе о всеобщей пятеркѣ принято было классомъ съ энтузіазмомъ. Нѣкоторые изъ учениковъ, никогда не видѣвшіе среди своихъ отмѣтокъ пятерокъ, были даже ошеломлены. Другіе громкими кликами выражали восторгъ. А былъ и такой незнакомецъ, фамиліи котораго я до конца такъ и не успѣлъ узнать, который почему-то обидѣлся и заявилъ, что теперь его перестанутъ уважать товарищи футболисты.

Какъ бы то ни было, но, составивъ списокъ учениковъ по вѣдомости, которую въ началѣ осени получилъ отъ дѣлопроизводителя гимназической канцеляріи, явился я на засѣданіе совѣта и сталъ слушать, что докладываютъ другіе преподаватели. Среди нихъ, людей солидныхъ и почтенныхъ, я казался жалкимъ юнцомъ.

— Ну, а что вы намъ скажете? — снисходительно и въ то же время недовѣрчиво обратился директоръ ко мнѣ. — Прежде всего, какія отмѣтки? Хорошія?

— Да, — спокойно отвѣтилъ я, стараясь скрыть свое волненіе. — Символическія, но хорошія. Пятерки.

— То-есть, какъ пятерки? Всѣмъ?

— Всѣмъ.

— И Курилову тоже?

— И Курилову, очевидно.

Встревоженный директоръ взялъ у меня списокъ, въ которомъ я проставилъ отмѣтки, и со страхомъ началъ просматривать. Среди присутствовавшихъ педагоговъ воцарилось тягостное молчаніе. Возможно, что нѣкоторые были недовольны моимъ либерализмомъ; но открытаго возмущенія я не замѣтилъ. Слышалъ только кое у кого странное покашливаніе и заглушенное фырканье.

— Такъ, такъ, — ознакомившись съ вѣдомостью, зловѣще проговорилъ директоръ. — Очень хорошо. Оригинально. Значитъ, Куриловъ тоже получилъ пять въ четверти? Воображаю, какъ будутъ удивлены его родители тѣмъ, что ихъ сынъ сдѣлался ученымъ психологомъ! Только, вотъ что, дорогой мой, — уже съ явной язвительностью продолжалъ Юнгмейстеръ, обратившись ко мнѣ. — Здѣсь есть одно маленькое недоразумѣніе... Предположимъ, что всѣ эти талантливые молодые люди заслужили пятерки. Допустимъ. Но объясните мнѣ, пожалуйста, слѣдующій таинственный фактъ: какъ могъ получить у васъ пятерку Гейманъ, который скончался минувшимъ лѣтомъ и котораго дѣлопроизводитель въ первоначальномъ спискѣ перешедшихъ въ седьмой классъ забылъ вычеркнуть?

— Гейманъ скончался?... — не зная, что сказать, удивленно переспросилъ я. — А отчего?...

— Если вамъ интересно, — отъ дифтерита. Но это въ данномъ случаѣ не играетъ роли. Я, разумѣется, не вмѣшиваюсь въ вашу систему преподаванія. Куда намъ, старикамъ, угоняться за молодежью! Но, по моему, все-таки, превращать уроки въ спиритическіе сеансы и вызывать души умершихъ, чтобы поставить имъ соотвѣтственный баллъ, это— простите. Это не предусмотрено никакими инструкціями Министерства народнаго просвѣщенія!

Ушелъ я съ педагогическаго совѣта совершенно уничтоженный. Точно меня высѣкли. И пошелъ жаловаться своему профессору.

— Николай Николаевичъ, — взмолился я. — Освободите меня отъ этого дѣла! Я совсѣмъ неспособенъ быть преподавателемъ!

— Ничего, ничего, — успокоилъ меня профессоръ. — Мало ли кто не способенъ, а учитъ? Потерпите немного.

Дѣлать было нечего. Пришлось повиноваться, чтобы не разсердить Николая Николаевича.

УРОКЪ ПСИХОЛОГІИ.

Продолжая, по настоянію профессора, преподавать психологію въ гимназіи, я все ждалъ повода, чтобы освободиться отъ этого тяжкаго дѣла. И, вотъ, наконецъ, случай представился.

Нужно сказать, что къ "лекцiямъ" своимъ я относился весьма добросовѣстно. Всегда самъ готовился къ очередному уроку, заранѣе придумывалъ различные опыты, чтобы заинтересовать слушателей. При объясненiи строенiя глаза попутно показывалъ, какъ при помощи двухъ крестиковъ, начерченныхъ на бумагѣ въ нѣкоторомъ разстоянiи другъ отъ друга, можно обнаружить существованiе слѣпого пятна на сѣтчаткѣ; при разборѣ зрительныхъ иллюзiй развѣшивалъ на доскѣ чертежи особыхъ лѣстницъ со ступеньками, или параллельныхъ линiй, пересѣченныхъ многочисленными острыми углами. Это значительно оживляло уроки и иногда дѣйствительно привлекало вниманiе учениковъ.

И, вотъ, въ концѣ второй четверти, незадолго до Рождества, разсказалъ я имъ объ ощущенiяхъ, о представленiяхъ, перешелъ къ изложенiю отдѣла о вниманiи, о памяти.

И тутъ-то пришло избавленiе.

Начало лекцiи миновало благополучно. Сообщилъ я ученикамъ о вниманiи произвольномъ, возникающемъ благодаря интересу къ какому-нибудь представленiю или ряду представленiй; затѣмъ — о вниманiи непроизвольномъ, вызываемомъ внезапно и неожиданно возникающимъ раздраженiемъ. Перешелъ къ "объему" вниманiя, который всегда бываетъ болѣе или менѣе ограниченнымъ и не можетъ вмѣстить въ себя одновременно слишкомъ много представленiй, особенно имѣющихъ противо-

рѣчивый характеръ... И рѣшилъ въ доказательство этой ограниченности объема привести одинъ общеизвѣстный примѣръ.

— Господа! — обратился я къ своей скучающей аудиторіи. — Вотъ, пусть кто-нибудь изъ васъ попробуетъ продѣлать слѣдующій опытъ: станетъ на открытое мѣсто и начнетъ вращать ногой въ одномъ направленіи, а рукой — въ другомъ. Какъ вы увидите, безъ особаго усилія воли ваше вниманіе не охватитъ оба движенія, и рука съ ногой начнутъ двигаться въ одномъ направленіи. Пташкинъ! — добавилъ я, обращаясь къ толстяку, фамилію котораго уже хорошо помнилъ. — Пожалуйте къ кафедрѣ!

Пташкинъ, въ это время мирно дремавшій, испуганно раскрылъ глаза, поднялъ голову и обиженно всталъ съ мѣста. Другіе же ученики насторожились. Кое-кто прекратилъ чтеніе детективнаго романа, кое-кто прервалъ писаніе писемъ роднымъ и знакомымъ.

— Вы поняли, въ чемъ дѣло? — спросилъ я Пташкина, когда тотъ, сопя и вздыхая, остановился возлѣ меня.

— Не совсѣмъ, — произнесъ тотъ соннымъ голосомъ. — Меня не было въ классѣ...

— Какъ не было? Вѣдь вы же сидѣли за партой!

— Да, но я въ нѣкоторомъ смыслѣ отсутствовалъ...

— Въ такомъ случаѣ, слушайте. Для доказательства того положенія, что вниманіе съ трудомъ можетъ охватить группы противорѣчивыхъ ассоціацій, сдѣлайте такъ: станьте сначала твердо на обѣ ноги и не раскачивайтесь.

— Попробую, — сипло отвѣчалъ онъ.

— Теперь поднимите правую ногу и начните ею вращать по часовой стрѣлкѣ.

Пташкинъ лѣниво оглянулся по сторонамъ, какъ бы отыскивая часы, чтобы посмотрѣть на стрѣлку; но затѣмъ сообразилъ, въ чемъ дѣло, апатично взглянулъ на свою правую ногу и сталъ неопредѣленно ею двигать.

— Не такъ! — Остановилъ его я. — Не взадъ и впередъ, а по кругу!

— Можно по кругу.

— А теперь, продолжая двигать ногой, протяните впередъ правую руку и вращайте ею, но не по часовой стрѣлкѣ, а наоборотъ.

Вполнѣ пришедшій въ себя послѣ сна Пташкинъ уже освоился съ окружающей дѣйствительностью и понялъ, что отъ него требуется. Онъ покорно началъ производить рукой и ногой нужныя движенія; но, почувствовавъ, что это не удается, запыхтѣлъ, закачался... И затѣмъ, подпрыгнувъ на мѣстѣ, безпомощно рухнулъ на полъ.

Паденіе Пташкина послужило сигналомъ ко всеобщему ликованію. Раздались крики: "браво!" "бисъ"! "Да здравствуетъ психологія!" Всѣ вско-

чили съ мѣстъ, чтобы лучше разсмотрѣть лежавшую на полу жертву объема вниманія. И отовсюду понеслись возгласы съ предложеніемъ услугъ:

— Я хочу!

— Разрѣшите мнѣ!

— Я тоже умѣю!

Не успѣлъ я ввести въ надлежащее русло возникшій буйный интересъ къ опыту, какъ около десятка молодыхъ психологовъ безъ моего разрѣшенія кинулось къ кафедрѣ. Заполнивъ все пространство между мною и партами, они начали кружиться въ дикомъ танцѣ, вращая руками, ногами и затѣмъ съ грохотомъ падая на полъ. Постепенно возлѣ кафедры образовалась груда человѣческихъ тѣлъ, съ конвульсивно двигавшимися конечностями, напоминавшими псевдоподіи корненожекъ.

— Господа! Голубчики! — растерянно бѣгая вокругъ извивавшихся на полу слушателей, восклицалъ я. — Это безобразіе! Вставайте! Прошу васъ!

А въ то время, какъ у меня въ классѣ происходили указанныя практическія занятія по психологіи, въ сосѣдней комнатѣ, служившей кабинетомъ директора, происходилъ пріемъ посѣтителей. Обычно посѣтителями были родители, вызванные Юнгмейстеромъ въ связи съ печальными успѣхами ихъ дѣтей. На этотъ разъ въ кабинетѣ возсѣдалъ одинъ мѣстный бюрократъ высокаго ранга, съ которымъ директоръ былъ очень почтителенъ, хотя и самъ состоялъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣт-

ника.

Беседа шла о безпутномъ сынѣ этого гостя.

— Я дѣлаю все, что возможно, ваше превосходительство, — съ любезнымъ, но грустнымъ видомъ говорилъ Юнгмейстеръ. — Нерѣдко прошу преподавателей оказать ему снисхожденіе. Иногда даже настаиваю. Но я не имѣю права самъ повышать ему баллы! А вашъ сынъ принципіально не хочетъ ни по одному предмету получать отмѣтки выше двоекъ.

— Ну, я не думаю, ваше превосходительство, что это основано у него на какомъ-нибудь принципѣ, — заступился за своего сына отецъ. — А ведетъ онъ себя, разумѣется, возмутительно. Я просто теряюсь, что мнѣ дѣлать съ этимъ негодяемъ. Нельзя же пороть двадцатилѣтняго парня!

— Да, пороть, ваше превосходительство, въ такомъ возрастѣ затруднительно, — задумчиво согласился директоръ. — Я и такъ сквозь пальцы смотрю на то, что онъ въ каждомъ классѣ остается на второй годъ. А пороть не только великовозрастныхъ, но даже малолѣтнихъ сейчасъ не въ модѣ. Сами знаете, какія вѣянія. А, можетъ быть, вы бы, ваше превосходительство, съ вашимъ авторитетомъ попытались воздѣйствовать на него убѣжденіемъ?

— Убѣжденіемъ! — горько произнесъ его превосходительство. Вы думаете, я не пробовалъ? И кричалъ, и топалъ ногами... Но что подѣлаешь, когда моя супруга души въ немъ не чаетъ и во всемъ ему потакаетъ? Нѣтъ, ваше превосходительство, это

ужъ ваше дѣло — воспитывать своихъ питомцевъ и дѣлать изъ нихъ приличныхъ подданныхъ Царя и отечества.

— Простите, ваше превосходительство, но формированіе дѣтскаго характера слагается изъ двухъ другъ друга дополняющихъ факторовъ: семьи и школы. Школа занимается по преимуществу образованіемъ юношей, а семья — воспитаніемъ. Когда молодой человѣкъ находится въ стѣнахъ нашего заведенія, за его поведеніе и успѣхи отвѣчаемъ мы. Но когда онъ пребываетъ въ лонѣ семьи, за его воспитаніе отвѣчаетъ уже не школа, а семья.

— Позвольте, ваше превосходительство! Но мой сынъ получаетъ двойки въ стѣнахъ вашего заведенія. Значитъ за эти двойки отвѣчаете вы?

— Извините, ваше превосходительство! Уроки то онъ готовитъ не у насъ, а у васъ! И, кромѣ того, очень часто вашъ сынъ, ваше превосходительство, говоритъ вамъ, что идетъ въ гимназію, а на самомъ дѣлѣ обрѣтается гдѣ-то въ неизвѣстныхъ мѣстахъ. Мы не можемъ отвѣчать за эти случаи!

— Да, но онъ въ этихъ случаяхъ находится уже не въ семьѣ, такъ какъ пошелъ къ вамъ!

— Да, но онъ въ этихъ случаяхъ не дошелъ до насъ, ваше превосходительство! И значитъ, не считается находящимся у насъ!

— Гдѣ не считается? — приложивъ ладонь къ уху, переспросилъ гость. — Не слышу!

— Я говорю, ваше превосходительство, что по-

скольку вашъ сынъ не дошелъ...

— Погодите... Не разбираю... Кто не дошелъ?

Гость съ удивленіемъ взглянулъ на стѣну, отдѣлявшую кабинетъ директора отъ моего класса, и смолкъ. Изъ за стѣны, оказавшейся довольно тонкой перегородкой, доносился какой-то ревъ, смѣшанный съ топотомъ ногъ, сопровождаемый отдѣльными дикими выкриками. Растерявшійся Юнгмейстеръ вскочилъ съ мѣста и, догадавшись, что у меня происходятъ практическія занятія, хотѣлъ, было, броситься къ стѣнѣ и постучать въ нее кулакомъ. Но, сообразивъ, что подобное приглашеніе къ порядку не совмѣстимо съ достоинствомъ средне-учебнаго заведенія, воздержался отъ этого, и, весь красный, съ дрожавшими отъ гнѣва руками, сталъ у стѣны, какъ бы стараясь заслонить ее отъ встревоженнаго гостя.

— Вообще, ваше превосходительство... — безсвязно забормоталъ онъ, — бываютъ случаи... когда функціи семьи и школы... впадаютъ въ коллизію... Нѣтъ, это чортъ знаетъ что! Я не могу больше!

— А, да, понимаю: вы говорите — большая перемѣна началась?

— Не перемѣна, а урокъ психологіи! — съ отчаяніемъ выкрикнулъ Юнгмейстеръ. — Простите, сейчасъ вернусь!... На минутку!

Онъ выбѣжалъ изъ кабинета и ринулся ко мнѣ въ классъ. Нашъ опытъ съ объемомъ мниманія уже

кончался. Расцѣпивъ свои руки и ноги, ученики по одиночкѣ выползали изъ общей груды, съ удовлетвореннымъ рычаніемъ поднимались съ пола и расходились по мѣстамъ.

— Что здѣсь такое? — яростно накинулся директоръ на меня. — Это такъ вы преподаете? Это у васъ называется лекціей? Я не могу въ своемъ кабинетѣ работать! Я не могу принять посѣтителя!

Сообразивъ, что дѣлать при ученикахъ подобный грубый выговоръ преподавателю недопустимо, Юнгмейстеръ отвернулся отъ меня, набросился на притихшихъ учениковъ и нѣсколько минутъ отчитывалъ ихъ, грозя оставленіемъ послѣ уроковъ, общимъ сниженіемъ четвертной отмѣтки за поведеніе. А затѣмъ, вспомнивъ, что его ждетъ въ кабинетѣ его превосходительство, внезапно исчезъ.

Нечего говорить, какъ былъ я оскорбленъ подобнымъ обращеніемъ со мною. Я столько души и труда вложилъ въ преподаваніе своего предмета. Я столько свѣжей струи влилъ въ затхлую систему обученія. Такъ много принесъ тѣмъ, кто въ наукѣ искалъ свѣта и правды...

Разумѣется, въ тотъ же день отправилъ я Юнгмейстеру письмо съ просьбой не считать меня больше въ числѣ его преподавателей.

И моя педагогическая дѣятельность закончилась.

РОКОВЫЯ СОМНѢНІЯ.

Освободившись отъ преподаванія въ гимназіи, началъ я усиленно готовиться къ магистрантскому экзамену, чтобы получить право на доцентуру по кафедрѣ философіи.

И — странное дѣло. Чѣмъ больше углублялся я въ свой предметъ, тѣмъ больше сомнѣній возникало у меня относительно его цѣнности. Конечно, въ исторіи человѣческой мысли были величавыя философскія системы, начиная съ Платона и кончая Гегелемъ. Какъ прекрасно, напримѣръ, ученіе Платона объ идеяхъ, съ его художественнымъ критеріемъ познанія!

Какъ убѣдительна дедукція Декарта, выводящая изъ основныхъ положеній всю концепцію міра. Какъ математически заманчивъ геометрическій методъ Спинозы, у котораго и Богъ и вселенная укладываются въ простыя теоремы. И эмпиристы хороши, начиная съ Бэкона и кончая Миллемъ: читая ихъ, убѣждаешься, что вовсе не французская дедукція, а англійская индукція постигаетъ сущность міра. А относительно ученія Канта и говорить нечего. Кантъ, дѣйствительно захватываетъ своей убѣдительностью въ его своеобразномъ примиреніи дедукціи съ индукціей, опыта съ апріорностью, теоретическаго знанія съ вѣрой.

Все это въ отдѣльности превосходно, интересно, какъ будто неопровержимо. А когда соберешь все

вмѣстѣ и начнешь сопоставлять... Что получается, въ концѣ концовъ?

Кто изъ этихъ великихъ мыслителей правъ? И кто достигъ дѣйствительной истины? Вѣдь этой истины на противорѣчивыхъ системахъ не построишь. Слѣдовательно, исторія философіи въ своей совокупности никакого опредѣленнаго отвѣта дать не можетъ. А если это въ состояніи сдѣлать только какой-нибудь отдѣльный мыслитель, то кто же онъ, проникшій въ великую тайну? Платонъ? Декартъ? Кантъ? Но если, въ самомъ дѣлѣ, это кто-то изъ нихъ, то онъ не просто мыслитель, профессоръ, или авторъ многотомныхъ трудовъ, а поистинѣ богъ, принесшій человѣчеству откровеніе, сверкающее вѣчной ослѣпляющей правдой!

Углублялся я, изучалъ, приходилъ въ смущеніе, иногда испытывалъ отъ напряженія мысли головокруженія, иногда доходилъ до метафизическаго страха передъ безконечностью, вѣчностью... И, о ужасъ! Меня снова потянуло къ газетѣ.

Вотъ, гдѣ все ясно, реально, хотя большей частью ничтожно и мелко.

Сталъ я въ видѣ отдыха отъ высотъ философіи снова писать бытовые разсказы, помѣщать ихъ въ "Одесскомъ Листкѣ". И однажды вызвалъ меня къ себѣ мой университетскій патронъ профессоръ Н. Н. Ланге, отъ котораго зависѣла моя будущая доцентура.

— Вы что? — строго спросилъ онъ, когда я

явился. — Опять взялись за газетное дѣло?

— Да, Николай Николаевичъ, — съ виноватымъ видомъ признался я. — Иногда пишу, чтобы освѣжить голову.

— Навѣрно вы хотите сказать — не освѣжить, а засорить? Вѣдь я же просилъ васъ не дѣлать этого. Чтобы стать профессоромъ философіи, нужно поддерживать свою мысль на опредѣленной высотѣ, тренировать ее углубленіемъ въ вопросы бытія. А вы занимаетесь юмористикой. Неужели не понимаете, что газетная работа ведетъ къ поверхностному пониманію жизни?

Суровый выговоръ Николая Николаевича оставилъ во мнѣ нѣкоторый осадокъ обиды. Почему такое презрѣніе къ юмористикѣ и къ сатирѣ? И почему глубина всегда лучше поверхности? Углубленіе, конечно, очень часто — полезно. Хорошо оно для того, чтобы вскопать почву и облегчить ростъ новымъ побѣгамъ. Хорошо углубленіе и въ тѣхъ случаяхъ, когда производятся археологическія раскопки; или извлекаются изъ земли тѣла мамонтовъ; или добываются съ промышленной цѣлью нефть и каменный уголь. Но принципіально сидѣть всегда въ глубинѣ, среди червей, кротовъ и личинокъ майскихъ жуковъ — это и скучно, и едва-ли кому нибудь нужно.

А на поверхности — все самое прекрасное и самое цѣнное: и свѣтъ, и краски, и небо, и ласки солнца, и мерцаніе звѣздъ, и цвѣты... А что рядомъ

съ этимъ на поверхности — и ничтожество, и пустяки, и утомительная безсмыслица, и уродливость, и туманы вмѣсто яснаго неба, то это только оттѣняетъ прекрасное...

Однако, чтобы быть лойяльнымъ къ своему профессору, бросилъ я писать разсказы. И послѣ иностранныхъ философовъ сталъ знакомиться съ произведеніями русскихъ мыслителей. Но здѣсь снова начались различныя сомнѣнія.

Какъ оказывается, русскому философу, если онъ не просто профессоръ, пересказывающій чужія системы, совсѣмъ не по дорогѣ съ философіей Запада. Мы, русскіе, никогда не давали міру ни Декартовъ, ни Спинозъ, ни Юмовъ, ни Кантовъ, и — очевидно — никогда не дадимъ. И не потому, что мало способны къ отвлеченному мышленію, а потому, что намъ этого вообще не надо. Для исканія истины русскому духу необходима не дедукція, не индукція, не трансцендентальный кантовскій методъ, а что-то другое; не раціонализмъ, не эмпиризмъ, а — интуиція. Не познающая логика, а познающее чувство.

И отвлеченная наука съ ея математической обработкой тоже не можетъ служить для насъ основой настоящаго знанія. Всякая натурфилософія, покоящаяся на выводахъ изъ научныхъ свѣдѣній, для нашего міроощущенія недостаточна, такъ какъ охватываетъ только внѣшнюю сторону бытія, не проникая въ его настоящую сущность. Да и какъ пост-

роить на наукѣ что-либо прочное, когда вся она пронизана противорѣчіями гипотезъ, теорій, и время отъ времени испытываетъ коренную ломку своихъ собственныхъ взглядовъ?

Конечно, ординарные профессора философіи могли быть у насъ адептами и позитивизма, и матеріализма, и кантіанства, и шеллингіанства, и гегельянства. Но когда кто-либо изъ нихъ выходилъ за предѣлы ординарности и вмѣсто профессора философіи становился профессоромъ - философомъ, тогда обязательно впадалъ онъ въ русскій ирраціонализмъ и въ русскую православную мистику.

Да только ли національныхъ нашихъ мыслителей, въ родѣ Соловьева, отличала эта черта. И у писателей, задолго до Достоевскаго, можно встрѣтить подобные родные мотивы.

"Умъ не есть высшая въ насъ способность, — говоритъ Гоголь. — Его должность не болѣе какъ полицейская: онъ можетъ только привести въ порядокъ и разставить по мѣстамъ все то, что у насъ уже есть".

"Всѣ наши знанія — мечта,
Вся наша мудрость — суета"...

Такъ высказывался Карамзинъ.

Какъ-то пришелъ я къ Н. Н. Ланге побесѣдовать о подобныхъ сомнѣніяхъ. Сталъ говорить о возникшемъ во мнѣ скептицизмѣ по отношенію къ логическому мышленію. Перешелъ затѣмъ къ своимъ подозрѣніямъ о цѣнности всякой теоріи позна-

нія...

Профессору моя рѣчь чрезвычайно не понравилась. Какъ ученикъ Вундта, онъ боготворилъ науку и считалъ необходимымъ математически обрабатывать даже психическія явленія. Въ теоріи же познанія былъ онъ ярымъ кантіанцемъ.

Сухо выслушавъ меня, Николай Николаевичъ спросилъ:

— Значитъ, какъ я васъ понялъ, вы считаете, что логическимъ разсужденіемъ никакую теорію познанія обосновать нельзя?

— Да, по-моему, такъ.

— На чемъ же вы основываете это свое отрицаніе?

— На томъ, что во всѣхъ этихъ изысканіяхъ нашъ умъ самъ себя судитъ. Выходитъ, что онъ въ одно время и судья и подсудимый. А это приноситъ съ собой внутреннее противорѣчіе. Вѣдь каждый философъ гносеологъ, приступая къ построенію своей системы, обладаетъ опредѣленной суммой идей, понятій и представленій. Это, такъ сказать, его мыслительный матеріалъ, съ которымъ онъ долженъ оперировать, созидая систему. Но что это за матеріалъ? Въ него могутъ входить апріорныя идеи, врожденныя. Могутъ входить представленія и понятія, выведенныя изъ опыта. Въ процессѣ мышленія участвуютъ у него и тѣ и другія.

Но что дѣлаетъ гносеологъ? Если онъ раціоналистъ, придающій цѣнность только апріорнымъ или

врожденнымъ идеямъ, то онъ совершаетъ слѣдующую ошибку: отрицаетъ значеніе тѣхъ эмпирическихъ понятій, которыя помогали ему строить систему. Если же гносеологъ — сторонникъ эмпиризма, то онъ дѣлаетъ ошибку съ другой стороны: отрицаетъ цѣнность тѣхъ врожденныхъ идей, которыя участвовали въ его мышленіи. Такимъ образомъ, ошибаются и раціоналисты и эмпиристы.

— Ну, а кантовскій критицизмъ вы тоже отрицаете? — покраснѣвъ отъ негодованія, спросилъ профессоръ.

— Да, если разрѣшите говорить откровенно, я его тоже не признаю. Вѣдь у Канта всѣ явленія внѣшняго міра — простые феномены, а не ноумены, и потому не даютъ намъ истиннаго пониманія вещи въ себѣ. А сама кантовская система тоже явленіе внѣшняго міра! Значитъ, она не можетъ претендовать на неопровержимость своихъ утвержденій.

— Какъ? — дрогнувшимъ голосомъ произнесъ Николай Николаевичъ. — Вы такой жалкой софистикой думаете опровергнуть цѣнность трансцендентальнаго идеализма?

— Не опровергаю, а просто сомнѣваюсь, Николай Николаевичъ. Вотъ, когда я читаю, напримѣръ, "Критику Чистаго Разума"... Я знакомлюсь съ нею при помощи формъ пространства и времени, а также при помощи категорій разсудка. Но и формы эти и категоріи, по ученію Канта, хотя и об-

щеобязательны, но субъективны. Значитъ, если я отниму у этой книги ея формы и ея разсудочныя положенія, отъ нея ничего въ смыслѣ вещи въ себѣ не останется, или останется нѣчто непостижимое.

— Нѣтъ, это чудовищно! — внѣ себя воскликнулъ профессоръ. — А кантовскій Практическій Разумъ развѣ вамъ не подсказываетъ, что при чтеніи "Критики Чистаго Разума" вы улавливаете неопровержимую истину?

— Практическій Разумъ, Николай Николаевичъ, устанавливаетъ черезъ категорическій императивъ истинность нравственныхъ идей и идею Бога, но вовсе не истинность произведеній кенигсбергскаго философа, хотя бы и геніальнаго! Вообще, по-моему, чтобы избѣжать противорѣчій, теорію познанія нужно создавать или на интуиціи или просто на мистикѣ.

— Въ такомъ случаѣ, я вамъ скажу вотъ что... — вставъ съ мѣста и презрительно взглянувъ на меня, проговорилъ Николай Николаевичъ. — Идите въ Духовную Академію и постарайтесь получить профессуру тамъ. А я не могу имѣть своимъ ученикомъ того, кто отрицаетъ въ корнѣ всякую философію. Во всякомъ случаѣ свою кафедру я впослѣдствіи передать вамъ отказываюсь.

Будь я тогда старше и благоразумнѣе, я бы попросилъ Николая Николаевича разсѣять мои сомнѣнія и объяснить, въ чемъ я неправъ. Да и будь самъ Николай Николаевичъ болѣе снисходителенъ

и терпимъ къ моему молодому задору, онъ могъ бы легко ликвидировать этотъ идеологическій конфликтъ. Но мы еще немного оффиціально поговорили, сухо распрощались. И я ушелъ съ видомъ человѣка, оскорбленнаго въ лучшихъ своихъ мысляхъ.

Передо мною впереди снова оказалась пустота... Съ философіей покончено. Съ научной дѣятельностью тоже не вышло. Газетная работа казалась ничтожной и мелкой. А къ духовному образованію не тянуло: въ тѣ времена я боялся всякаго догматизма, хотя и былъ вѣрующимъ.

Что же дѣлать теперь? Чѣмъ заняться?

ИГРА СЛУЧАЯ.

Послѣ разрыва съ профессоромъ Ланге у меня пропалъ всякій интересъ къ научной дѣятельности, и я снова началъ писать въ "Одесскомъ Листкѣ". Но работалъ тамъ уже безъ особой охоты. Политика мало интересовала, общественная жизнь — тоже.

И, вотъ, пришло мнѣ въ голову написать романъ. Разумѣется, блестящій по формѣ, убійственно - сатирическій по содержанію. Въ общемъ такой, чтобы объ немъ съ изумленіемъ заговорила вся Россія. Фономъ романа должна быть среда провинціальныхъ журналистовъ и провинціальныхъ профес-

соровъ, съ которой я былъ хорошо знакомъ. Придумать фабулу удалось довольно скоро. Но — въ какую форму облечь свое дѣтище?

Беллетристика наша въ тѣ времена, послѣ Толстого, уже вырождалась; большой романъ разсыпался на блестки чеховскихъ разсказовъ, и возстановить его не могли уже ни Купринъ, ни Бунинъ, ни Горькій. Романы стали писать только женщины, да и тѣ — безотвѣтственныя: Вербицкая, Бебутова, Крыжановская... А въ отношеніи стиля была полная путаница: наряду съ прежнимъ нормальнымъ построеніемъ фразъ появилась декадентская и футуристическая манера письма, при которой изложеніе состояло изъ неопредѣленныхъ мазковъ, штриховъ и загадокъ, иногда безъ подлежащаго, иногда безъ сказуемаго, иногда даже безъ намека на то, что авторъ хочетъ сказать.

Возстановить въ полномъ величіи отжившій русскій романъ и было моей скромной задачей.

Составилъ я планъ на 36 главъ; набросалъ чертежъ квартиры, въ которой жилъ мой герой, чтобы тотъ не путался — гдѣ его спальня, гдѣ кабинетъ, гдѣ выходъ на парадную лѣстницу, — и приступилъ къ дѣлу. Особаго стиля изложенія я такъ и не выбралъ, рѣшивъ писать естественно, какъ выходитъ. Вѣдь у Достоевскаго, напримѣръ, стиль тоже не особенно важный, а между тѣмъ, какъ всѣ его читаютъ и какъ увлекаются!

Однако, чѣмъ дальше подвигался я въ своей

работѣ, тѣмъ больше всякихъ трудностей встрѣчалъ на пути. Прежде всего, нужно все время помнить, какъ зовутъ каждаго изъ многочисленныхъ дѣйствующихъ лицъ по фамиліи и по имени - отчеству. Это и автору неловко, и читателю непріятно, когда одна и та же дама утромъ называется Вѣрой Петровной, а вечеромъ Екатериной Ивановной. Кромѣ того, иногда отъ небрежности автора тотъ или иной герой мѣняетъ свой ростъ или цвѣтъ волосъ на разныхъ страницахъ.

Понятно, чтобы избѣжать этого, лучше всего поступить такъ, какъ дѣлалъ, кажется, Александръ Дюма отецъ: вылѣпить изъ глины отдѣльныя фигурки дѣйствующихъ лицъ, раскрасить и разставлять по мѣрѣ надобности на письменномъ столѣ. Но какъ ихъ лѣпить или кому заказать?

Затѣмъ возникло и другое затрудненіе, чисто стилистическаго характера. Сначала, давая діалоги, я писалъ такъ: "Хорошо, — улыбнулась она." "И неужели вы ему повѣрили? — расхохотался онъ." "Да, я ему никогда не довѣряла, — сѣла она на диванъ..."

Но, къ счастью, въ періодъ своего творчества прочелъ я случайно гдѣ-то строгій отзывъ Толстого о новыхъ русскихъ писателяхъ. Толстой говорилъ: "Хорошо пишутъ теперь! Напримѣръ: "Я согласна, — дрыгнула она ногой."

Понявъ, что Толстой, дѣйствительно правъ, сталъ я спѣшно передѣлывать свои діалоги и ста-

вить вездѣ "проговорилъ онъ" или "сказала она". Но какая это работа! Вѣдь въ русскомъ языкѣ очень немного подходящихъ для данной цѣли глаголовъ: сказалъ, проговорилъ, произнесъ, спросилъ, отвѣтилъ, замѣтилъ, прибавилъ, согласился... Есть еще —"молвилъ" или "изрекъ". Но никто сейчасъ не употребляетъ этихъ архаическихъ словъ.

И, наконецъ, — образы или метафоры. Въ прежнія времена писателю легко сходили съ рукъ такія выраженія, какъ "мраморныя плечи", "жгучіе взгляды", "коралловыя губки", "лицо — кровь съ молокомъ". А теперь за такія вещи авторовъ презираютъ. Для плечъ и губъ нуженъ другой матеріалъ. Сравненія должны быть новыя, незаѣзженныя, которыхъ никто не употреблялъ до сихъ поръ. Но хорошо требовать. А какъ найти?

Цѣлый годъ сидѣлъ я надъ романомъ и провелъ это время точно въ забытьи. Чтобы показать окружающимъ, что Аполлонъ призвалъ меня къ священной жертвѣ, придалъ я своей внѣшности соотвѣтственный видъ. Не стригся ежикомъ, какъ раньше, а запустилъ длинные волосы и зачесывалъ ихъ назадъ. И лицу придавалъ выраженіе загадочной томности, необходимой для непрерывнаго общенія съ музой.

Впрочемъ, я и на самомъ дѣлѣ тогда значительно поблѣднѣлъ и похудѣлъ.

— Что съ вами? — участливо спрашивали меня знакомые. — Не катарръ-ли желудка?

— О, нѣтъ. Пишу романъ... небрежно отвѣчалъ я.

Наконецъ работа выполнена. Озаглавилъ я рукопись словами "Сѣятели Вѣчнаго"; въ подзаголовкѣ написалъ "сатирическій романъ", чтобы читатели сразу знали, въ чемъ дѣло; и на свой счетъ издалъ книгу у Вольфа въ Петербургѣ. Въ Одессѣ печатать не хотѣлъ, такъ какъ на провинціальныя изданія у насъ смотрѣли съ пренебреженіемъ.

Получивъ отъ Вольфа часть экземпляровъ, сталъ я ихъ разсылать во всѣ стороны для отзыва. Разослалъ массу; въ столичныя газеты и журналы, по провинціи, отдѣльнымъ выдающимся писателямъ, публицистамъ, литературнымъ критикамъ. Не обошелъ своимъ вниманіемъ, разумѣется, ни Мережковскаго, ни Бунина, ни Куприна, ни Леонида Андреева, ни Буренина, ни Меньшикова...

И, заходя въ редакцію "Одесскаго Листка", сталъ настойчиво искать на столбцахъ всѣхъ получавшихся тамъ изданій: что обо мнѣ пишутъ въ Россіи?

Прошло около двухъ мѣсяцевъ — а въ Россіи обо мнѣ никто ничего не писалъ. А затѣмъ въ нѣкоторыхъ юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ газетахъ стали, наконецъ, появляться рецензіи. И всѣ были — ругательныя.

Одни рецензенты говорили, что подобный романъ — позоръ для русскаго печатнаго слова. Другіе — что такой бездарной вещи они никогда не

встрѣчали. Третьи — что это не романъ, а отвратительный пасквиль... А что касается столичныхъ газетъ и журналовъ, то тѣ обидѣли меня еще больше: они вообще не дали никакихъ отзывовъ. Такъ же какъ и корифеи литературы. Не отозвались ни Мережковскій, ни Бунинъ, ни Купринъ, ни Андреевъ, ни Горькій, хотя я всѣмъ имъ при отправкѣ книги написалъ очень милыя сопроводительныя письма и далъ свой точный адресъ: "Одесса, Торговая, номеръ 10, домъ Руссова."

Можетъ быть почта небрежно работала?

Оскорбленъ я былъ подобнымъ отношеніемъ къ себѣ до крайней степени. Ну, хорошо, пусть произведеніе мое неудачно. Допустимъ. Но къ чему злоба и безпощадность въ оцѣнкѣ? Что я имъ сдѣлалъ? Кому сталъ на пути? Можетъ быть это — черная зависть?

Пересталъ я зачесывать волосы назадъ, сталъ снова стричься "ежикомъ"; сбросилъ съ лица томное выраженіе. сопровождавшее общеніе съ музой. Погрузился въ мрачную меланхолію.

И, вдругъ, какъ-то разъ получаю письмо. На штемпелѣ — Царское Село. А внутри — бисернымъ почеркомъ нѣсколько страницъ. И подпись: М. Меньшиковъ.

Ура! Меньшиковъ! Тотъ самый знаменитый Меньшиковъ, котораго не только друзья, но даже враги считали самымъ блестящимъ публицистомъ въ Россіи. Удивительный талантъ, превзошедшій по

формѣ, по несокрушимой логикѣ, по глубинѣ анализа и Герцена, и Михайловскаго, и А. С. Суворина.

И отъ него письмо!

Подлинникъ у меня, понятно, не сохранился. Но содержаніе было приблизительно слѣдующее:

"Многоуважаемый А. М. Я не знаю, кто Вы. И Вашего имени нигдѣ не встрѣчалъ. Вообще я романовъ теперь не читаю, они не стоятъ того, чтобы на нихъ тратить время. Но, на Ваше счастье, недавно я простудился, слегъ въ постель, доктора запретили временно мнѣ всякую работу, а тутъ съ почты принесли Вашу книгу. Хотя у меня былъ жаръ, — а можетъ быть именно потому, что былъ жаръ, но романъ Вашъ мнѣ понравился. Не буду Васъ сравнивать съ Тургеневымъ или Достоевскимъ; но если Вы еще не очень стары, то изъ Васъ, пожалуй, выйдетъ толкъ. Удивляюсь только Вашей смѣлости, или наивности: какъ Вы рискнули среди прочихъ отрицательныхъ типовъ описать нѣсколькихъ провинціальныхъ журналистовъ евреевъ, не скрывъ отъ читателя ихъ національность? Каждый современный русскій беллетристъ можетъ выставлять сколько угодно негодныхъ личностей русскаго, французскаго, нѣмецкаго происхожденія. Но отрицательный типъ, взятый изъ еврейской среды, — это гробъ для автора. Такому автору дорога въ русскую литературу закрыта. Вѣдь евреи исключительно обидчивые люди: задѣнешь одного изъ нихъ, а они уже считаютъ, что оскорбленъ весь народъ. Не даромъ наши сооб-

разительные писатели выставляютъ въ своихъ произведеніяхъ только хорошихъ евреевъ. У Куприна — идеальный Яшка; у Чехова — страдающая героиня въ одной изъ пьесъ; у Арцыбашева — неудовлетворенный окружающимъ мѣщанствомъ еврей, кончающій самоубійствомъ; а Чириковъ постарался цѣлую пьесу посвятить ужасамъ еврейскихъ погромовъ. Исходя изъ того, что Вы въ своей книгѣ смѣетесь надъ всѣми, я не думаю, чтобы Вы были антисемитомъ. Но этотъ ярлыкъ обязательно пришьютъ Вамъ рецензенты, ознакомившіеся съ Вашимъ романомъ.

Между прочимъ, если хотите, я могу переговорить съ редакторомъ "Новаго Времени" и устроить Васъ сотрудникомъ нашей газеты. Судя по Вашему произведенію, Вы хорошо знаете газетное дѣло и, навѣрно, сами работали въ провинціальныхъ изданіяхъ. Напишите мнѣ, принимаете-ли Вы мое предложеніе..."

Разъ десять, двадцать, а можетъ быть и тридцать перечелъ я письмо Меньшикова и одинъ, и вмѣстѣ съ женой. Немедленно отвѣтилъ, что съ радостью переѣду въ Петербургъ, что работать въ "Новомъ Времени" мнѣ будетъ очень пріятно. А если что меня смущаетъ, то это мой преклонный возрастъ: мнѣ уже 29 лѣтъ и едва-ли я смогу значительно усовершенствоваться въ литературномъ отношеніи.

Въ отвѣтномъ письмѣ Меньшиковъ сообщилъ мнѣ, что мой преклонный возрастъ его не пугаетъ,

что онъ благословляетъ меня на переѣздъ. И черезъ мѣсяцъ мы съ женой были уже въ Петербургѣ.

Но какое свинство! Неужели рецензенты ругали меня именно за антисемитизмъ? Вѣдь я никогда въ жизни антисемитомъ не былъ!

ПЕТЕРБУРГЪ.

"Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгій, стройный видъ..."

Въ сердцѣ каждаго, кто родился и постоянно жилъ въ Петербургѣ, всѣмъ извѣстное вдохновенное обращеніе поэта къ родной столицѣ вызываетъ восторженный откликъ. Державное теченіе Невы; прозрачный сумракъ бѣлыхъ ночей со спящим громадами дворцовъ, съ отблескомъ адмиралтейской иглы; двѣ зари, смѣняющія другъ друга; недвижный воздухъ и морозъ жестокой зимы; бѣгъ санокъ вдоль Невы... Какъ все близко и дорого коренному петербуржцу!

Но провинціалъ, попадавшій въ Петербургъ, ощущалъ это очарованіе не сразу. Южанину съ береговъ Чернаго моря лѣтнее небо казалось здѣсь скромнымъ и блѣднымъ; солнце — чопорно-сдержаннымъ; весна — застѣнчиво - скромной, таящей про себя радость возрожденья природы; и осень —

слишкомъ унылой, со мглой тумановъ, съ моросящимъ дождемъ; и сѣверное море — безцвѣтнымъ.

И даже гордость Петербурга — бѣлыя ночи, съ ихъ беззвучными сказками, были непонятными, чуждыми, вызывавшими не волшебные сны, а нервность безсонницы.

Не скоро уроженцу юга во всей полнотѣ раскрывалась колдовская прелесть столицы. Долго тосковалъ онъ по своимъ лѣтнимъ ночамъ съ темнымъ небомъ чернаго бархата; по огненнымъ лучамъ іюльскаго солнца; по буйной веснѣ, по густому темно-синему морю...

Но проходилъ срокъ — и расцвѣтала любовь къ красавицѣ сѣвера. Закрѣплялась навсегда, до послѣдняго вздоха. И въ восторженномъ созерцаніи и въ сладостныхъ воспоминаніяхъ.

Коренные петербуржцы любили свою столицу отъ рожденія — какъ мать. Петербуржцы же, родившіеся вдалекѣ отъ нея, влюблялись въ нее: была она для нихъ вѣчной невѣстой.

Помню — пріѣхавъ сюда въ концѣ лѣта 1912 года изъ Одессы, былъ я удивленъ и даже огорченъ унылымъ видомъ столицы. Сѣрое небо, сѣрыя зданія. На улицахъ, несмотря на множество народа, какъ будто бы пусто. Нѣтъ столиковъ на троттуарахъ возлѣ ресторановъ, кондитерскихъ. И все сдержанно, тихо, безъ всякаго оживленія. Вмѣсто широкихъ улыбокъ — серьезныя лица. Вмѣсто громкаго говора — едва слышная рѣчь. А главное

— гдѣ полные жизни и смысла одесскіе жесты?

Одесситъ, когда говоритъ, выражаетъ мысли всѣмъ своимъ организмомъ: и глазами, и бровями, и шеей, и руками, и ногами, и, впридачу, разумѣется, языкомъ. А петербуржецъ разговариваетъ такъ, какъ одесситъ молчитъ; не мелькаютъ въ воздухѣ руки, не работаютъ локти, не подергиваются плечи, ноги не принимаютъ участія въ бесѣдѣ. И никто не теребитъ пуговицъ на чужомъ пиджакѣ, когда нужно передать особо важную мысль.

И, вообще... Какимъ безучастно - холоднымъ ко всему показался мнѣ Петербургъ послѣ провинціи! Жители большихъ домовъ не знаютъ, кто живетъ въ сосѣдней квартирѣ. На улицахъ рѣдко кто съ кѣмъ раскланивается, такъ какъ знакомые рѣдко встрѣчаются. Во время очередныхъ сенсацій или происшествій никто не собирается на углахъ улицъ, не комментируетъ событій съ азартомъ, съ горячностью. И всѣ равнодушны къ тому, кто прошелъ мимо или проѣхалъ. У насъ, въ Одессѣ, ѣдетъ прокуроръ Палаты — и всѣ оборачиваются. Промчался полиціймейстеръ — всѣ глядятъ вслѣдъ. А тутъ — мелькаютъ министры, губернаторы, пріѣхавшіе по дѣлу въ столицу, сенаторы, члены Государственной Думы, знаменитости оперы, драмы, живописи, литературы... И почти никакого вниманія.

Стоитъ-ли послѣ этого быть знаменитостью, или играть большую роль въ жизни страны?

. . . .

Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда въ Петербургъ отправился я съ визитомъ къ М. О. Меньшикову въ Царское Село.

Разумѣется, волновался передъ этой поѣздкой изрядно.

Впослѣдствіи Меньшикова узналъ я достаточно хорошо, сохранилъ о немъ трогательное воспоминаніе. Но до личнаго знакомства были у меня о немъ самыя противорѣчивыя свѣдѣнія. Правые, конечно, превозносили его. Лѣвые же, наоборотъ, бранили съ яростью и во всѣхъ отношеніяхъ. Называли Іудушкой въ политикѣ, Плюшкинымъ въ жизни. Но и тѣ и другіе считали его по дарованію выше всѣхъ блиставшихъ въ то время публицистовъ и фельетонистовъ: А. С. Суворина — "Незнакомца", и Сергѣя Атавы, и Буренина, и Амфитеатрова, и Сигмы-Сыромятникова, и Дорошевича.

Однако, въ силу того, что правая печать была у насъ значительно менѣе популярна, чѣмъ лѣвая, то либеральному общественному мнѣнію Меньшиковъ представлялся какимъ-то чудовищемъ, средоточіемъ всего того ужаснаго, что можетъ заключаться въ одномъ человѣкѣ.

Жилъ онъ скромно, замкнуто, экономно, не смотря на то, что получалъ огромный гонораръ — около четырехъ тысячъ рублей въ мѣсяцъ. И это давало поводъ говорить, что онъ феноменально скупъ, что жалѣетъ даже брать извозчика или покупать

железнодорожный билетъ.

Обладалъ Меньшиковъ удивительной работоспособностью, умѣлъ изумительно быстро оріентироваться въ обильныхъ источникахъ для своихъ статей. И это создавало слухъ, будто у него имѣется нѣсколько секретарей, помогающихъ ему готовить очередной матеріалъ.

Меньшиковъ, къ голосу котораго прислушивались и съ которымъ считались всѣ видные бюрократы, начиная съ министровъ, по общечеловѣческой слабости любилъ, чтобы ему со стороны этихъ лицъ оказывались знаки вниманія. Зная это, многіе министры, особенно вновь назначенные, дѣлали ему визитъ, сообщая въ бесѣдѣ о главныхъ линіяхъ своей будущей дѣятельности. А это порождало нелѣпые толки о закулисной связи Меньшикова и вообще "Новаго Времени" съ правительствомъ.

Наконецъ, бранили Меньшикова за то, что сначала писалъ онъ въ лѣвомъ журналѣ "Недѣля" Гайдебурова, а затѣмъ сталъ сотрудникомъ консервативнаго "Новаго Времени". Называли его измѣнникомъ, "ренегатомъ".

А, между тѣмъ, виноватъ-ли былъ Меньшиковъ, что, развивая свое блестящее дарованіе, онъ не глупѣлъ, а умнѣлъ? Мы что-то не встрѣчаемъ въ исторіи русскаго и даже мірового журнализма, чтобы публицисты большого калибра, углубляя свои знанія и опытъ, переходили изъ праваго лагеря въ лѣвый. Поправѣніе есть признакъ нормальнаго разви-

тія всякаго честно-мыслящаго человѣка. Полѣвѣніе же — въ лучшемъ случаѣ признакъ дегенераціи.

Если употреблять жуткое слово “ренегатъ”, то ренегатовъ у лѣвыхъ было не мало, и даже такихъ, которыми можетъ гордиться Россія. “Ренегатомъ” оказался Достоевскій, который отъ кружка петрашевцевъ дошелъ до “Дневника Писателя” и до кабинета “Гражданина” князя Мещерскаго. Въ ренегатствѣ пытались обвинять Тургенева за его “Отцовъ и Дѣтей” и за “Новь”. Ренегатомъ оказался до нѣкоторой степени Лѣсковъ, котораго лѣвые ожесточенно травили за романъ “Некуда”, въ которомъ авторъ осмѣлился описать распадъ “Знаменской Коммуны” нигилистовъ. О ренегатахъ Катковѣ и Львѣ Тихомировѣ говорить нечего: Катковъ, бывшій въ молодости радикаломъ, сталъ ярымъ противникомъ нигилизма и сепаратизма, за что и былъ преданъ анафемѣ въ лѣвыхъ кругахъ. Левъ Тихомировъ изъ революціонера - террориста превратился въ сотрудника “Московскихъ Вѣдомостей”.

А въ послѣднее время передъ революціей — Струве, Булгаковъ, Франкъ и прочіе соціалисты, смѣнившіе вѣхи? А послѣ революціи, въ эмиграціи, сколько поправѣвшихъ, хотя бы Арцыбашевъ, Амфитеатровъ, Тыркова, Мережковскій?

Поэтому какъ-то странно видѣть людей, остающихся соціалистами до глубокой старости. Они кажутся застарѣлыми гимназистами или студентами,

на которыхъ многолѣтній жизненный опытъ не произвелъ никакого впечатлѣнія. Въ разсужденіяхъ этихъ соціалистическихъ старцевъ всегда чувствуется своеобразный склерозъ мышленія. Подобные старики - меньшевики или эсеры, если они искренни, до нѣкоторой степени напоминаютъ престарѣлыхъ поэтовъ, пишущихъ дрожащими руками любовныя вирши. Соціализмъ, анархизмъ и нигилизмъ, какъ и любовная лирика, извинительны только въ молодости. Но они сильно компрометируютъ голову, украшенную почтенной сѣдиной.

. . . .

Меньшиковъ принялъ меня очень любезно. На́ружность его была не представительна. Маленькій ростъ, большая голова, жидкая бородка, очки на носу. Сидѣлъ онъ въ креслѣ, поджавъ подъ себя одну ногу. Говорилъ неторопливо, тѣмъ усталымъ, слегка разочарованнымъ тономъ, какимъ говорятъ обычно люди, избалованные успѣхомъ и общимъ вниманіемъ.

По молодости лѣтъ, я думалъ, что мнѣ слѣдуетъ сразу же разсказать ему свою біографію, чтобы онъ понялъ, какой я умный и образованный. Но Меньшиковъ безъ особаго стѣсненія ликвидировалъ мой монологъ.

— Я вамъ дамъ рекомендательное письмо къ главному редактору Михаилу Алексѣевичу Суворину, — сказалъ онъ. — Вы заранѣе напишите фельетонъ, и лучше не одинъ, а два или три, и захва-

тите съ моимъ письмомъ. Только... вы хорошо-ли обдумали, куда поступаете? — неожиданно добавилъ онъ, пытливо взглянувъ на меня.

— То-есть... какъ?

— Имѣйте въ виду, что быть нововременцемъ — это въ русской литературѣ клеймо. Съ нашимъ клеймомъ васъ уже ни въ какой толстый журналъ или въ книгоиздательство, кромѣ суворинскаго, не пустятъ. Если вы напишете книгу, ни въ одной лѣвой газетѣ объ васъ никакого отзыва не дадутъ, даже ругательнаго. Лѣвый лагерь, отъ котораго зависитъ въ Россіи успѣхъ или неуспѣхъ писателя, накладываетъ на нововременца настоящее библейское прещеніе до седьмого поколѣнія. Всероссійская критика приговариваетъ насъ къ гражданской смерти. Къ такой расправѣ, напримѣръ, надъ Лѣсковымъ открыто призывалъ въ печати Писаревъ, прося критиковъ не писать о Лѣсковѣ абсолютно ничего, ни хорошаго, ни плохого. И вы, навѣрно, замѣчаете, что этотъ прекрасный писатель, въ силу отсутствія благожелательныхъ отзывовъ, сравнительно мало читается. А вотъ Чеховъ... Если бы онъ во-время не ушелъ отъ насъ, такъ бы и остался простымъ Чехонте. Амфитеатровъ отъ насъ тоже перешелъ къ лѣвымъ, чтобы выплыть на большую воду.

Да это все и понятно, и строго осуждать нельзя, — со вздохомъ добавилъ Меньшиковъ. — Вѣдь живопись, литература, музыка — своего рода оран-

жерейные цвѣты, которымъ нуженъ и уходъ и поливка. Самостоятельно и независимо они не въ состояніи существовать. Для обывателей цвѣты только предметъ роскоши, безъ котораго они прекрасно могутъ существовать, кромѣ рѣдкихъ случаевъ похоронъ и свадебъ. Въ прежнія времена, когда существовали тираны, дожи, курфюрсты, короли - меценаты, — художники, поэты, композиторы пристраивались къ нимъ, чтобы творить. И у насъ, въ Россіи, пока все зависѣло отъ крѣпкой императорской власти, поэты писали оды царямъ. А теперь, когда признаніе и средства къ существованію зависятъ не отъ флорентійскихъ властителей или россійскихъ Фелицъ, а отъ международныхъ банкировъ и революціонной печати, всѣ представители литературы и искусства принуждены искать почвы и поливки въ либерально - соціалистическихъ кругахъ...

Меньшиковъ еще нѣкоторое время продолжалъ развивать свою мысль. Затѣмъ снялъ ногу съ кресла, всталъ и съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на меня.

— Ну, что же? — спросилъ онъ.—Не боитесь?

— Ничуть, — покраснѣвъ, отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ, съ Богомъ. Я сейчасъ напишу письмо.

"НОВОЕ ВРЕМЯ".

Довольно мрачный снаружи, огромный темносѣрый домъ въ Эртелевомъ переулкѣ, номеръ ше-

стой. Редакція — въ первомъ этажѣ. Просторная передняя; слѣва — большой залъ съ гигантскими зеркалами, съ глубокими кожаными креслами; кабинеты главнаго редактора и его помощника; длинный корридоръ, въ который выходятъ многочисленныя комнаты для отдѣльныхъ сотрудниковъ, для хроники, телеграммъ, отдѣла внутреннихъ извѣстій. Послѣ провинціальныхъ газетъ кажется, будто это не редакція, а департаментъ какого-то необыкновеннаго министерства.

Съ замираніемъ сердца вошелъ я въ переднюю и былъ встрѣченъ редакціоннымъ курьеромъ.

— Вамъ кого? — спросилъ онъ, увидѣвъ, что я безпомощно озираюсь по сторонамъ, вертя въ рукѣ конвертъ.

— Отъ Михаила Осиповича Меньшикова... Къ господину Суворину.

Курьеръ взялъ письмо, удалился и вернулся минутъ черезъ десять, которыя показались мнѣ весьма продолжительными.

— Пожалуйте.

Кабинетъ Суворина, несмотря на свои размѣры, казался тѣснымъ отъ громоздкой старинной мебели, отъ полокъ съ блестящими переплетенными книгами, отъ тумбъ со статуями. На стѣнахъ — картины извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Самъ Михаилъ Алексѣевичъ сидѣлъ за столомъ, на которомъ вздымался ворохъ типографскихъ оттисковъ, и ожесточенно перечеркивалъ краснымъ каранда-

шемъ гранки со статьями сотрудниковъ.

— Какая расправа! — со страхомъ подумалъ я, глядя на карандашъ. — Не къ добру это!

— Я прочелъ письмо Михаила Осиповича, — строго произнесъ Суворинъ, внимательно глядя на меня сквозь пенснэ. — Вы — изъ Одессы?

— Да... — нерѣшительно отвѣчалъ я, почувствовавъ въ словѣ "Одесса" нѣкоторое пренебреженіе и недовѣріе. — Но я не одесситъ. Только учился въ Университетѣ... А раньше, на Кавказѣ...

Мою попытку разсказать свою біографію онъ, какъ и Меньшиковъ, пресѣкъ въ самомъ началѣ.

— Да, да. Это неважно. Вы принесли что-нибудь?

— Вотъ это... Маленькіе фельетоны.

— Давайте.

Суворинъ съ безразличнымъ видомъ углубился въ чтеніе. Пока онъ читалъ, я то краснѣлъ, то блѣднѣлъ. Отъ волненія ладони стали влажными. Какъ-никакъ — рѣшалась моя судьба. А онъ продолжалъ читать съ каменнымъ видомъ и не улыбался. Пропало мое дѣло!

— Что-же... Недурно, — произнесъ, наконецъ, онъ.- Это пройдетъ. А остальные придержите у себя, мнѣ некогда. Только что здѣсь за подпись: "Калій"? Въ чемъ дѣло?

— Мой псевдонимъ, Михаилъ Алексѣевичъ... Изъ химіи...

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста. Безъ всякой химіи.

Тутъ вамъ не Одесса. Вотъ, Михаилъ Осиповичъ пишетъ вашу фамилію. Какая-то длинная. Сократите ее и сдѣлайте псевдонимъ. Сядьте всторонку, подумайте. А я буду работать.

Онъ продолжалъ свое прежнее страшное занятіе - черкать гранки накрестъ карандашемъ. Какъ потомъ я узналъ, всѣ статьи сотрудниковъ, ненапечатанныя на машинкѣ, для удобства чтенія редакторомъ и помощникомъ сначала посылались въ типографію, а затѣмъ уже читались въ оттискахъ и одобрялись или браковались.

— Ну, что? — спросилъ черезъ нѣсколько минутъ Суворинъ. — Какъ дѣла?

— А вотъ, колеблюсь. Можетъ быть, подписываться: Тренниковъ?

— Тренниковъ? Не особенно... Будутъ васъ называть Тренниковъ - Бренниковъ.

— Въ такомъ случаѣ — Ренниковъ?

— Ренниковъ? Что-же... Хотя Хрѣнникова напоминаетъ, но можно. Подпишите. А теперь идемте къ моему помощнику Мазаеву. Я васъ познакомлю, и вы обычно будете приносить свои рукописи ему.

Помощникъ главнаго редактора Михаилъ Николаевичъ Мазаевъ оказался очень милымъ меланхолическимъ человѣкомъ. Онъ положилъ одобренный Суворинымъ фельетонъ на столъ, предложилъ сѣсть и молча уставился на меня своими добрыми усталыми глазами. Эти глаза, какъ мнѣ показалось, съ покорной грустью говорили: "Вотъ еще одинъ

лишній человѣкъ, который будетъ мнѣ надоѣдать."

Почувствовавъ въ Мазаевѣ деликатнаго и безропотнаго собесѣдника, я немедленно началъ разсказывать ему свою біографію. И онъ поступилъ со мною совсѣмъ не такъ рѣзко и безжалостно, какъ Меньшиковъ или Суворинъ. Мило кивалъ головой, грустно улыбался и о чемъ-то усиленно думалъ, время отъ времени заглядывая въ какую-то лежавшую передъ нимъ чужую рукопись.

И, вотъ, съ того дня сталъ я сотрудникомъ "Новаго Времени". Однако, странное дѣло. Прежде́, въ провинціи, писалъ я непринужденно, легко, не задумываясь надъ тѣмъ, что скажетъ читатель. А здѣсь, въ продолженіе долгаго времени, садился за фельетонъ и ощущалъ какую-то робость. Напишешь, и самому не нравится. Перечеркнешь, начнешь заново — опять нехорошо. И, главное — никакого контакта съ тѣми, для кого стараешься. Бывало, въ Одессѣ, а особенно въ Кишиневѣ, — выйдешь на улицу, встрѣтишь знакомаго, и сразу догадаешься, понравилась-ли ему моя очередная статья, или нѣтъ. Если самъ о ней заговоритъ, значитъ неплохо; если же станешь разговоръ наводить на нее, а собесѣдникъ увиливаетъ и говоритъ о погодѣ или объ общихъ знакомыхъ, значитъ дѣло неважно.

А тутъ, въ "Новомъ Времени", тиражъ около ста тысячъ. Если одну газету читаетъ на кругъ пять человѣкъ, то полъ-милліона критиковъ. И какихъ! Премьеръ-министръ, министры, придворные чины

— камергеры, шталмейстеры, егермейстеры, не считая камеръ-юнкеровъ; затѣмъ—члены Государственнаго Совѣта, сенаторы, члены Святѣйшаго Синода, директора департаментовъ, губернаторы, жены ихъ, дѣти, родственники... Есть отъ чего взволноваться!

Пишешь для нихъ, дрожитъ въ рукѣ перо. И хотя сидишь въ своемъ кабинетѣ одинъ, все равно — страхъ охватываетъ. Кажется, будто изъ одного угла смотрятъ сенаторы, изъ другого губернаторы, изъ третьяго члены Святѣйшаго Синода и съ негодующимъ удивленіемъ говорятъ: "Кто это еще появился? Почему веселится? Кому это надо?"

Съ ужасомъ увидѣлъ я, что изъ-за подобнаго страха статьи мои стали выходить блѣдными. А, въ довершеніе всего, печатали ихъ рѣдко. Какъ-то разъ, встрѣтивъ въ редакціи Меньшикова, я рѣшилъ пожаловаться ему на свое тяжелое положеніе.

— А почему вы волнуетесь? — съ удивленіемъ спросилъ Михаилъ Осиповичъ. — Вамъ, вѣдь, опредѣлили жалованье?

— Да.

— Вотъ и будьте довольны. А что рѣдко печатаютъ, не бѣда. У насъ такъ много сотрудниковъ, что нельзя удовлетворить всѣхъ. Вы должны писать непрерывно; бить, такъ сказать, какъ фонтанъ. Ну, а редакторъ иногда подойдетъ къ вашему бассейну и зачерпнетъ.

Фонтанъ Меньшикова меня, разумѣется, не утѣ-

шилъ. Но дѣлать нечего. Началъ я писать каждый день; нѣкоторыя статьи самъ браковалъ, нѣкоторыя браковалъ Суворинъ, перечеркивая ихъ своимъ зловѣщимъ карандашемъ; но нѣкоторыя, все-таки, проходили. Какъ я замѣтилъ, къ "Новому Времени", какъ къ газетѣ солидной и въ нѣкоторой степени "величественной", къ голосу которой прислушивалась вся Россія и чужія державы, не подходила та легковѣсность и развязность, съ которой писали провинціальные газетные авторы.

Такъ, въ упорной работѣ надъ выработкой хорошаго петербургскаго тона прошло у меня нѣсколько мѣсяцевъ. И, вдругъ, — о, радость! Пришелъ счастливый день, когда я отличился передъ всѣми сотрудниками и всѣми читателями:

Изъ-за моего фельетона издательство Суворина оштрафовали на три тысячи рублей!

Произошло это радостное событіе такъ. Написалъ я о С. Д. Сазоновѣ статью, обвиняя министра иностранныхъ дѣлъ въ провалѣ нашей политики на Балканахъ въ вопросѣ о Босніи и Герцеговинѣ. Михаилу Алексѣевичу фельетонъ понравился, но онъ у себя въ "Новомъ Времени" напечатать его не рѣшился и передалъ своему брату Борису въ "Вечернее Время". Въ фельетонѣ Сазоновъ изображался въ довольно каррикатурномъ видѣ. Задорный и смѣлый Борисъ Суворинъ статью напечаталъ немедленно, безъ колебаній. А на слѣдующій день получилъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ черезъ цензур-

ный комитетъ извѣщеніе, что его газета подвергнута штрафу.

Такіе случаи бывали и раньше. Не только "Вечернее Время", но и болѣе сдержанное "Новое Время" за время своего существованія нерѣдко подвергались административнымъ карамъ въ видѣ предупрежденій, запрещенія розничной продажи и штрафовъ, что явно указывало на полную независимость этихъ газетъ отъ правительства.

Дня два спустя послѣ моей статьи къ намъ въ контору явился полицейскій чиновникъ и потребовалъ уплаты штрафа.

— Вотъ, пожалуйста, — любезно отвѣтилъ завѣдующій, который дѣйствовалъ по инструкціи Бориса Суворина. — Получите.

И онъ галантнымъ жестомъ указалъ чиновнику на два огромныхъ тяжелыхъ мѣшка, перевязанныхъ сверху веревкой.

— То-есть, что это? — изумился представитель власти.

— Причитающіяся правительству три тысячи. Въ мѣдныхъ монетахъ.

— Позвольте, но я въ такомъ видѣ не желаю принять!

— Простите... Въ какомъ видѣ получаемъ отъ читателей, въ такомъ и выдаемъ. А если вамъ самому трудно, вызовите городовыхъ или пожарныхъ.

. . . .

Въ день оштрафованія газеты чувствовалъ я

себя бенефиціантомъ.

Всѣ шутливо поздравляли, жали руку. Меньшиковъ, встрѣтивъ меня въ редакціи, одобрительно похлопалъ по плечу.

И съ тѣхъ поръ статьи мои въ "Новомъ Времени" стали появляться все чаще и чаще. Спасибо цензурному вѣдомству!

А. С. СУВОРИНЪ.

Мнѣ было очень жаль, что я не засталъ въ живыхъ знаменитаго Алексѣя Сергѣевича Суворина. Онъ скончался за нѣсколько мѣсяцевъ до моего поступленія въ "Новое Время".

Память о немъ была еще жива въ редакціи. Про покойнаго редактора часто говорили, вспоминали съ любовью и съ уваженіемъ.

До основанія своего "Новаго Времени" Алексѣй Сергѣевичъ былъ сотрудникомъ "Санктъ-Петербургскихъ Вѣдомостей" Корша, и его талантливые фельетоны за подписью "Незнакомецъ" пользовались уже тогда большимъ успѣхомъ. Однако, молодого энергичнаго журналиста не удовлетворяла работа въ чужой газетѣ. Его мечтой было — создать свой собственный печатный органъ, въ которомъ онъ могъ бы быть вполнѣ независимымъ.

И, вотъ, въ 1876 году представился случай ку-

пить по дешевой цѣнѣ небольшую, влачившую жалкое существованіе газетку "Новое Время", издававшуюся Киркоромъ и Трубниковымъ. Суворинъ сразу преобразовалъ дѣло. Отмежевался отъ прежняго издательства въ передовой статьѣ своего перваго номера, выпущеннаго 29-го февраля, въ день Кассіана; пригласилъ въ число сотрудниковъ наиболѣе талантливыхъ старыхъ коллегъ по "Петербургскимъ Вѣдомостямъ" — Виктора Петровича Буренина, К. А. Скальковскаго, Софью Смирнову, Б. В. Гея, — и газета сразу привлекла вниманіе публики.

Въ это время начинались событія на Балканахъ, приведшія къ русско-турецкой войнѣ. Произошло возстаніе въ Герцеговинѣ. Черняевъ со своими добровольцами направился на фронтъ. Будучи ярымъ славянофиломъ, Алексѣй Сергѣевичъ сталъ горячо призывать русское общество къ защитѣ угнетенныхъ славянъ. Поѣхалъ на Балканы въ качествѣ военнаго корреспондента собственной газеты. Затѣмъ вернулся, отправилъ вмѣсто себя на театръ военныхъ дѣйствій Буренина, самъ сталъ писать свои "Маленькія письма", призывавшія къ полному освобожденію балканскихъ братьевъ...

И постепенно въ "Новое Время" стали стекаться лучшія литературныя силы. Съ середины 80-хъ годовъ въ числѣ сотрудниковъ газеты находились поэтъ Фофановъ, Антонъ Павловичъ Чеховъ, Амфитеатровъ, Потапенко, Сигма-Сыромятни-

ковъ, В. В. Розановъ, Сергѣй Атава, Невѣжинъ, Ю. Бѣляевъ. Въ литературномъ приложеніи къ газетѣ печатались произведенія Майкова, Полонскаго, Костомарова, Мордовцева.

А параллельно съ возраставшимъ успѣхомъ газеты развивалась и техническая сторона издательства. Были созданы прекрасная типографія, цинкографія, типографская школа; открыты собственное книгоиздательство и книжные магазины въ Петербургѣ, Москвѣ, Саратовѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Ростовѣ на Дону. Наконецъ, пріобрѣтено желѣзнодорожное контрагентство съ многочисленными книжными кіосками на большихъ станціяхъ.

Національзмъ во внутренней полииткѣ и славянофильство съ франкофильствомъ — въ политикѣ внѣшней сдѣлали "Новое Время" самой вліятельной въ Россіи и заграницей газетой. По передовымъ и руководящимъ статьямъ его иностранные политическіе дѣятели опредѣляли настроеніе и мнѣнія русскаго общества по тѣмъ или инымъ международнымъ вопросамъ. Однажды за статью, направленную противъ агрессивнаго поведенія Германіи, Бисмаркъ потребовалъ отъ Императора Александра III немедленнаго закрытія "Новаго Времени", на что императоръ, конечно, отвѣтилъ категорическимъ отказомъ.

Будучи независимымъ націоналистомъ, безъ всякихъ партійныхъ шоръ, Алексѣй Сергѣевичъ имѣлъ въ составѣ сотрудниковъ лицъ разныхъ по-

литическихъ оттѣнковъ, за исключеніемъ, разумѣется, республиканцевъ и соціалистовъ, что создало изъ "Новаго Времени" своего рода "Парламентъ мнѣній." Сообразовываясь съ государственными интересами Россіи, Суворинъ поддерживалъ правительство, когда находилъ его мѣропріятія разумными, но нерѣдко и возставалъ противъ дѣйствій тѣхъ или иныхъ министровъ, когда находилъ ихъ вредными.

Широкій внѣпартійный націонализмъ Алексѣя Сергѣевича политическіе враги старались представить русскому общественному мнѣнію какъ неустойчивость взглядовъ; лѣвые круги даже дали "Новому Времени" кличку "Чего изволите", распространяя клевету о заискиваніи Суворина передъ правящими кругами. Сами завися отъ подачекъ внутреннихъ и внѣшнихъ недоброжелателей Россійской Имперіи, эти клеветники по своей психологіи не допускали мысли, что могутъ существовать издатели или редакторы, не заглядывающіе въ чужой карманъ. И если многіе либерально настроенные люди считали "Новое Время" зависимымъ "черносотеннымъ" органомъ, то только потому, что сами не читали его, а судили со словъ соціалистическихъ газетъ и листковъ.

Старые сотрудники Алексѣя Сергѣевича сообщили мнѣ многое о личныхъ качествахъ этого удивительнаго русскаго человѣка.

Къ концу жизни престарѣлаго редактора - из-

дателя стали одолѣвать разные недуги, и сдѣлался онъ тогда слишкомъ строгимъ, даже ворчливымъ, и редакціонная молодежь сильно боялась его. Нѣкоторые, входя въ редакцію, со страхомъ спрашивали въ передней курьера Василія, спустился-ли изъ своей квартиры Алексѣй Сергѣевичъ? Когда на лѣстницѣ раздавался кашель суроваго старца, и слышался стукъ его палки, всѣ настораживались. За малѣйшій промахъ или упущеніе въ информаціи Алексѣй Сергѣевичъ разносилъ и громилъ хроникеровъ, стуча палкой по столу, на которомъ обычно эта палка покоилась во время работы владѣльца. И особенно зловѣще звучалъ этотъ грозный предметъ, когда редактору приходила въ голову мысль, что авторъ замѣтки нарочито кого-то рекламируетъ, думая извлечь изъ этого личную выгоду. Самъ до щепетильности честный, Алексѣй Сергѣевичъ требовалъ абсолютной честности и отъ другихъ. Отдѣлъ хроники и театральныхъ рецензій были областями особенно уязвимыми для злоупотребленій. И тутъ Суворинъ безъ безпощаденъ.

Однако, если старикъ видѣлъ, что напрасно заподозрѣлъ кого-либо въ недобросовѣстности, онъ тутъ же мѣнялъ тонъ, начиналъ разспрашивать обиженнаго, какъ онъ живетъ, какъ себя чувствуетъ, и затѣмъ — предлагалъ авансъ.

Система авансовъ широко примѣнялась у щедраго Алексѣя Сергѣевича и продолжалась при его сыновьяхъ. Этими авансами, которые рѣдко пога-

шались, сотрудники могли бы легко разорить издателя, если бы не тѣ огромные доходы, которые тотъ получалъ съ книгоиздательства, съ книжныхъ магазиновъ и съ контрагентства на желѣзныхъ дорогахъ. Алексѣй Сергѣевичъ выдавалъ ихъ направо, налѣво, иногда только для проформы ворча и вздыхая, или журя молодыхъ сотрудниковъ за неумѣніе жить въ рамкахъ бюджета. Зная слабыя струны старика, нѣкоторые въ подобномъ мирномъ ограбленіи издателя доходили до виртуозности. Такъ, напримѣръ, Юрій Бѣляевъ, ведшій довольно разсѣянный образъ жизни, нерѣдко являлся къ Алексѣю Сергѣевичу съ радостнымъ извѣстіемъ, что только-что узналъ новый совершенно свѣжій анкдотъ. Старикъ уже изъ опыта зналъ, чѣмъ этотъ анекдотъ пахнетъ; но, все-таки, заинтересовывался. Анекдоты значительно успокаивали его подагрическ. боли. И Бѣляевъ разсказывалъ. Разсказывалъ талантливо, съ большимъ мастерствомъ. А потомъ, когда Алексѣй Сергѣевичъ, вдоволь насмѣявшись, съ удовольствіемъ потиралъ свою больную ногу, какъ бы невзначай спрашивалъ:

— Между прочимъ... Вы не могли бы мнѣ дать любовную записку къ кассиршѣ?

Все это происходило мило, по-семейному. Но бывали случаи, когда сотрудники въ авансовой вакханаліи переходили всякія рамки приличія.

Нѣкій Г. однажды прибѣгъ даже къ явной нечестности. Явился къ Алексѣю Сергѣевичу и сталъ

просить авансъ въ 500 рублей.

— Да вы же на прошлой недѣлѣ у меня брали! — ворчливо отвѣтилъ старикъ.

— Это вѣрно, но сейчасъ мнѣ до зарѣза нужно. Вопросъ касается моей чести.

— Проигрались?

— Еще хуже. Но сказать не могу, секретъ.

Самъ очень чуткій въ вопросахъ чести, Алексѣй Сергѣевичъ пожалѣлъ несчастнаго сотрудника, котораго должна была, по его мнѣнію, сильно мучить совѣсть, и безропотно подписалъ заранѣе заготовленную просителемъ записку: "Выдать Г. 500 рублей".

Конторой, находившейся на Невскомъ Проспектѣ, завѣдывала тогда очень дѣловая и энергичная дама. Г. принесъ ей подписанную Суворинымъ записку, но заранѣе къ числу 500 приписалъ ноль. Выходило пять тысячъ.

Завѣдующая удивилась, что авансъ такъ великъ, но выдала деньги безъ возраженій. А когда Г. ушелъ, на всякій случай позвонила по телефону въ редакцію.

— Вы дѣйствительно разрѣшили Г. получить авансъ въ пять тысячъ рублей? спросила она Алексѣя Сергѣевича.

— Пять тысячъ? Нѣтъ. Только пятьсотъ.

— А въ вашей запискѣ стоитъ пятерка съ тремя нулями!

Суворинъ сначала изумился, затѣмъ разсердил-

ся, потомъ разъярился и потребовалъ, чтобы преступный сотрудникъ явился къ нему. Понявъ, что наивный подлогъ не прошелъ, испуганный Г. предсталъ предъ грозныя очи издателя и съ покорнымъ видомъ сталъ выслушивать его обвинительную рѣчь.

Конечно, если бы это было не внутреннимъ дѣломъ редакціи, а касалось взятки или мошенничества, совершеннаго насторонѣ, никакой обвинительной рѣчи вообще не было бы. Старикъ просто выгналъ бы Г. и исключилъ изъ состава сотрудниковъ. Но въ данномъ случаѣ Алексѣй Сергѣевичъ считалъ себя до нѣкоторой степени строгимъ отцомъ, а Г. — до нѣкоторой степени своимъ распутнымъ сыномъ. И поэтому онъ громилъ его какъ могъ. Стучалъ палкой по столу, кричалъ. И затѣмъ дрогнувшимъ голосомъ воскликнулъ, самъ, очевидно, изумляясь своей жестокости:

— А теперь — прочь съ моихъ глазъ! Убирайся къ Борису Алексѣевичу въ "Вечернее Время" и скажи, что я тебя туда перевелъ!

Несмотря на свой тяжелый характеръ, Алексѣй Сергѣевичъ былъ по существу очень добрымъ и незлопамятнымъ человѣкомъ. Характерно, напримѣръ, его отношеніе къ Амфитеатрову. Покинувъ "Новое Время" и начавъ писать въ газетѣ "Россія", Амфитеатровъ сталъ поносить тамъ Алексѣя Сергѣевича, чтобы завоевать симпатіи лѣвой общественности. Въ 1902-омъ году, подъ пьяную ли руку, или въ припадкѣ радикальнаго задора, написалъ

онъ фельетонъ "Обмановы", въ которомъ каррикатурно изобразилъ Императора и нѣкоторыхъ членовъ Дома Романовыхъ. Фельетонъ былъ слабый по формѣ, гнусный по содержанію, но авторъ достигъ цѣли: получился всероссійскій скандалъ. Несмотря на то, что газета "Россія" была закрыта, а номеръ съ "Обмановыми" конфискованъ, фельетонъ въ спискахъ ходилъ по рукамъ, его всѣ читали, о немъ всѣ говорили... Акціи Амфитеатрова въ лѣвомъ лагерѣ поднялись на необычайную высоту.

Но, понятно, автору пришлось поплатиться за свою выходку. Въ административномъ порядкѣ его выслали въ одну изъ сѣверныхъ губерній.

И наканунѣ отъѣзда Амфитеатрова къ нему съ визитомъ пріѣхалъ Алексѣй Сергѣевичъ. Забывъ несправедливыя нападки на "Новое Время", участливо сталъ разспрашивать отъѣзжавшаго, какъ онъ устроилъ свои дѣла и есть-ли у него на зиму теплыя вещи для жизни въ ссылкѣ.

— Да, есть фуфайка... Пальто... — сконфуженно отвѣчалъ растроганный Амфитеатровъ.

— Погодите, я что-нибудь у себя поищу...

Суворинъ уѣхалъ домой и прислалъ своему политическому противнику великолѣпную шубу.

СТАРЫЕ СОТРУДНИКИ А. С. СУВОРИНА

Постепенно познакомился я со старыми соратниками А. С .Суворина- съ Буренинымъ, съ Геемъ, съ М. М. Ивановымъ, съ Гофштеттеромъ. Сейчасъ я бы сказалъ, что это были люди средняго возраста; но тогда казались они мнѣ глубокими стариками. Да и неудивительно. Въ наше время, теперь, всѣ лица обоего пола до 60 лѣтъ считаются молодежью; совершеннолѣтіе сейчасъ наступаетъ приблизительно въ шестьдесятъ пять лѣтъ, когда люди начинаютъ ощущать свои годы. А въ прежнія времена — не то. Кто изъ насъ, нынѣшнихъ совершеннолѣтнихъ, можетъ безъ возмущенія читать тургеневскія "Записки Охотника", гдѣ сказано: "Вошелъ старикъ, лѣтъ пятидесяти"? Какъ глупо и безтактно! Навѣрно, Тургеневъ сильно раскаивался въ этомъ легкомысленномъ опредѣленіи, когда доживалъ свою жизнь возлѣ Парижа въ Буживалѣ.

Такъ вотъ, суворинская сѣдая старая гвардія внушала мнѣ не только уваженіе, но и нѣкоторый страхъ. Держались всѣ они какъ-то особнякомъ отъ насъ, молодыхъ сотрудниковъ, и рѣдко удостаивали своими бесѣдами. Тогда мнѣ казалось, что они насъ презирали; но теперь понимаю, что у нихъ, навѣрно, что-нибудь болѣло въ какой-нибудь части организма. Помню, напримѣръ, жуткую картину, которую пришлось видѣть въ первые мѣсяцы своего сотрудничества... Идетъ по коридору мрачный Бог-

данъ Веніаминовичъ Гей, редактировавшій отдѣлъ Внутреннихъ Извѣстій. Голова опущена, сѣдая борода своимъ концомъ упирается въ поясъ. А навстрѣчу ему легкой походкой, съ жизнерадостнымъ видомъ, движется молодой репортеръ К. Шумлевичъ.

—Здравствуйте, Богданъ Веніаминовичъ! Какъ ваше здоровье? — учтиво спрашиваетъ тотъ.

— Убирайтесь къ чорту! Какое вамъ дѣло до моего здоровья?

Впослѣдствіи я убѣдился, что Богданъ Веніаминовичъ — добрѣйшій человѣкъ, и что сердитымъ былъ не онъ, а его желчный пузырь. Но тогда мнѣ стало страшно.

Суровымъ и необщительнымъ казался мнѣ и М. М. Ивановъ, извѣстный музыкальный критикъ, гроза композиторовъ, дирижеровъ и солистовъ. Каковымъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, я такъ и не выяснилъ: за нѣсколько лѣтъ совмѣстной работы въ газетѣ мы только обмѣнивались словами "здравствуйте" и "до-свиданья", что мало способствуетъ проникновенію въ душевный міръ собесѣдника.

А вотъ, передовикъ по вопросамъ внутренней политики И. А. Гофштеттеръ оказался очень привѣтливымъ и разговорчивымъ. Онъ даже нѣсколько разъ пригласилъ меня къ себѣ въ гости въ Финляндію. Однако, несмотря на привѣтливость и гостепріимство, я боялся часто навѣщать его. Считалъ онъ себя толстовцемъ, воспитывалъ дѣтей по-толстовски и былъ вообще чудакомъ. Въ квартирѣ царилъ пол-

ный хаосъ; мебель состояла изъ голыхъ некрашенныхъ столовъ, табуретовъ: умывался Гофштеттеръ изъ бутылки, которая была привѣшена веревкой къ потолку, и которую надо было толкать головой или рукой, чтобы изъ нея добыть тонкую струйку воды. А во время завтрака или чаепитія въ столовой каждый гость долженъ былъ соблюдать сугубую осторожность и проявлять напряженное вниманіе, чтобы не подвергнуться сбоку или сзади внезапной атакѣ дѣтей. Они ждали, пока гость углубится въ бесѣду, и съ побѣдными кликами сбрасывали гостя на полъ, выхватывали изъ подъ него стулъ, или вскакивали къ нему на колѣни и дергали за носъ. Въ нынѣшнее время эта толстовская педагогика, развивающая дѣтскую самодѣятельность и иниціативу, широко распространена и въ Западной Европѣ и въ Америкѣ; но тогда, въ эпоху отсталаго воспитанія, глубокія идеи Толстого только слегка проникали въ русское общество.

Впрочемъ, послѣ революціи, когда русскимъ интеллигентамъ пришлось опрощаться поневолѣ, безъ всякихъ толстовскихъ рецептовъ, Гофштеттеръ потерялъ вкусъ къ умыванію изъ бутылки, а дѣти выравнялись и стали симпатичными молодыми людьми.

Изъ старыхъ сотрудниковъ А. С. Суворина особое мое вниманіе привлекалъ Викторъ Петровичъ Буренинъ, писавшій подъ псевдонимомъ "Графъ Алексисъ Жасминовъ". Во время поѣздки Алексѣя

Сергѣевича на балканскій фронтъ въ качествѣ военнаго корреспондента, Буренинъ замѣнялъ его на посту редактора и вообще былъ впослѣдствіи однимъ изъ ближайшихъ помощниковъ. Викторъ Петровичъ считался выдающимся литературнымъ критикомъ; его фельетоны, помѣщавшіеся обыкновенно по пятницамъ, весьма нравились читателямъ своимъ ѣдкимъ тономъ и безпощадностью ко всякимъ литературнымъ фиглярамъ, которые въ изобиліи стали появляться уже съ начала нашего вѣка. Онъ стойко защищалъ русскую литературу отъ всевозможныхъ новаторовъ и реформаторовъ модернистскаго, символистскаго и футуристическаго толка, чѣмъ, конечно, создалъ себѣ не мало враговъ.

Къ сожалѣнію, лично мнѣ сблизиться съ Буренинымъ не удалось. Какъ и всѣ остальные старые сотрудники преклоннаго возраста, онъ тоже не проявлялъ особаго вниманія къ молодымъ нововременцамъ. А навязываться ему не хотѣлось.

Узналъ я, однако, за время совмѣстнаго сотрудничества, что мнѣніе публики о немъ, какъ о человѣкѣ злобномъ и черствомъ, совершенно ошибочно. Много хорошаго слышалъ я о немъ въ редакціи. Всѣ близко знавшіе его говорили, что Викторъ Петровичъ — въ частной жизни человѣкъ очень добрый, отзывчивый, деликатный и совсѣмъ незлобивый. Его сатирическій умъ былъ самъ по себѣ, а сердце — само по себѣ.

Между тѣмъ, сколько нелѣпыхъ обвиненій воз-

водилось на Буренина литературными врагами! Говорили, напримѣръ, будто именно онъ своей "травлей" вогналъ въ чахотку поэта Надсона. Надсонъ былъ въ тѣ времена очень популярнымъ среди многочисленныхъ читателей, не обладавшихъ изысканнымъ вкусомъ. Надъ его стихами, насыщенными слащавымъ пессимизмомъ, вздыхали и проливали слезы умиленія гимназистки, институтки, акушерки, а главное — старыя дѣвы. Его произведенія къ 1908-му году выдержали уже семнадцать изданій. Такимъ образомъ "травля" Буренина нисколько не отразилась на успѣхѣ поэта, а можетъ быть даже оказалась своеобразной рекламой. И говорить, что буренинскія насмѣшки отражались на здоровьѣ Надсона, по меньшей мѣрѣ наивно. Гораздо больше нервничалъ бы поэтъ, если бы "Новое Время" его совершенно замалчивало, какъ это дѣлали и до сихъ поръ дѣлаютъ газеты специфически - лѣваго толка, чтобы не рекламировать враждебнаго автора.

Вѣдь Буренинъ впослѣдствіи гораздо больше чѣмъ надъ Надсономъ издѣвался надъ декадентами и футуристами. А, между тѣмъ, никто изъ этихъ нервныхъ людей, ни Валерій Брюссовъ, ни Вячеславъ Ивановъ, ни Гиппіусъ, ни Маяковскій не получили изъ-за буренинскихъ сатиръ и пародій не только туберкулеза, но даже легкаго насморка.

И, все-таки, молва о злобности Буренина прочно укрѣпилась въ лѣвыхъ кругахъ. Поэтъ Минаевъ написалъ даже на него ѣдкую эпиграмму, которую

съ удовольствіемъ смаковали враги "Алексиса Жасминова":

> "По улицѣ бѣжитъ собака,
> За ней — Буренинъ, тихъ и милъ.
> Городовой, смотри, однако,
> Чтобъ онъ ее не укусилъ."

Эпиграмма острая, словъ нѣтъ. Но зато наводящая на мысль о дальнѣйшемъ развитіи этой жуткой картины: впереди собака, за нею Буренинъ, а за Буренинымъ — поэтъ Минаевъ и цѣлая свора его единомышленниковъ...

Помимо Буренина въ области сатирическаго фельетона работалъ и другой старый сотрудникъ Суворина — Венцель. Буренинъ, разумѣется, затмевалъ его. Но Венцеля публика хорошо знала не столько по "Новому Времени", сколько по блестящему юмористическому и сатирическому журналу "Плювіумъ". Этотъ журналъ въ общемъ былъ праваго направленія, но безъ узкой партійности, высмѣивая и революціонеровъ, и правящіе круги, и буржуазію, не считаясь ни съ кѣмъ изъ сильныхъ міра сего. Бывали случаи, когда въ редакцію являлись лица, попавшіе подъ обстрѣлъ журнала, поднимали скандалъ, или рѣзко требовали объясненій и опроверженій.

Чтобы обезопасить себя отъ такихъ визитеровъ, редакція придумала оригинальный планъ самозащиты. Въ качествѣ отвѣтственнаго редактора "Плювіумъ" пригласилъ одного негра, бывшаго

сначала борцомъ, а потомъ швейцаромъ одной изъ петербургскихъ гостиницъ.

Два раза въ недѣлю, въ пріемные часы для посѣтителей, этотъ негръ снималъ съ себя пиджакъ, рубашку, и, оголенный до пояса, садился въ редакторскомъ кабинетѣ за столъ, объявляя секретарю, что пріемъ начинается. Мирныхъ посѣтителей, обычно приходившихъ съ рукописями, секретарь направлялъ въ боковую комнату, куда на это время укрывался настоящій редакторъ, а посѣтителей возбужденныхъ и нервныхъ впускалъ къ негру.

Оскорбленный врывался туда, намѣреваясь излить на редактора потокъ бранныхъ словъ, и внезапно останавливался у порога.

Передъ нимъ за столомъ возвышалась могучая фигура съ блестящей темно-коричневой кожей, подъ которой зловѣще играли мощныя мышцы.

— Чѣмъ могу служить? — со страннымъ акцентомъ спрашивалъ редакторъ, вставая и расправляя грудную клѣтку.

— Ничѣмъ... — растерянно отвѣчалъ посѣтитель. — Я лучше въ другой разъ...

ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ РОЗАНОВЪ.

Среди всѣхъ старыхъ сотрудниковъ "Новаго Времени" наиболѣе интересной фигурой былъ В. В. Розановъ.

Въ силу своеобразія своего безпокойнаго мышленія этотъ оригинальный философъ политически не укладывался въ опредѣленныя рамки и бывалъ то правымъ, то лѣвымъ, смотря по тому, къ какому самостоятельному выводу приходилъ въ томъ или въ другомъ вопросѣ. Оставаясь всегда честнымъ передъ самимъ собою, онъ одновременно сотрудничалъ и въ "Новомъ Времени", и въ "Новомъ Пути", и въ "Русскомъ Словѣ", и въ "Русской Мысли". И, какъ ни странно, лѣвые критики не предавали Розанова анафемѣ за участіе въ изданіяхъ Суворина. Имъ казалось, что "основной" Розановъ принадлежитъ именно имъ. Точно такъ же, какъ нововременцы считали его своимъ. На самомъ же дѣлѣ онъ не принадлежалъ никому: ни имъ, ни намъ, и даже — ни самому себѣ, а чему то внѣ его, что говорило и писало при помощи его страннаго мозга.

Разсказывали, что Розановъ иногда смѣшивалъ редакціи, въ которыя давалъ статьи. Придетъ въ "Русскую Мысль" и принесетъ съ собой то, что предназначалось имъ для "Новаго Времени" или "Русскаго Вѣстника". Въ "Русской Мысли" статью прочитывали, морщились и укоризненно говорили:

— Василій Васильевичъ, простите... Но это не для насъ.

—Ахъ, да, — спохватывался Розановъ. — Совершенно вѣрно. Но ничего: я и для васъ напишу.

А иногда наоборотъ. Придетъ въ "Русскій Вѣстникъ", дастъ статью, а ему отвѣчаютъ:

— Вы ошиблись, Василій Васильевичъ. Это для либераловъ.

Въ сущности, опредѣленнаго стройнаго міровоззрѣнія у Розанова не было. Было только чуткое ирраціональное мірощущеніе. Его книга "О пониманіи", логически излагавшая планъ возможнаго познанія міра путемъ изученія первоначальнаго строенія ума, не внесла ничего значительнаго въ исторію классической гносеологіи. Но отдѣльные его прорывы въ суть бытія бывали иногда геніальны. Онъ не умѣлъ осаждать тайну міра систематически, упорно, хладнокровно, какъ это дѣлали прославленные западные философы при помощи дальнобойныхъ орудій своего тяжеловѣснаго мышленія; но ему замѣчательно удавались темпераментные набѣги на истину, въ результатѣ чего бралъ онъ въ плѣнъ и глубокія мысли и блестящіе парадоксы. Его скепсисъ проявлялся не столько въ сомнѣніяхъ о возможности познанія, сколько въ сомнѣніяхъ о цѣнности разсудочныхъ и научныхъ методовъ проникновенія въ загадки міра.

— "Что такое наши университеты и науки сравнительно съ Церковью? — спрашиваетъ онъ. — Науки, университеты, студенты — только трава, цвѣточки: пройдетъ серпъ и скоситъ."

И органическое недовѣріе Розанова къ систематическому логическому мышленію особенно ясно сказывалось въ его афористической манерѣ изложенія мыслей. Онъ эти мысли не развивалъ путемъ

связнаго ряда силлогизмовъ, а бросалъ просто въ видѣ образовъ и неразработанныхъ утвержденій, чтобы читатель самъ ихъ не столько понялъ, сколько прочувствовалъ.

Поэтому теоретики соціальной жизни, партійные люди и разнаго рода утописты были чужды Розанову и вызывали въ немъ не то страхъ, не то отвращеніе. Всѣ эти доктринеры съ "общественнымъ интересомъ", какъ онъ выражался, казались ему угасшими людьми, живыми покойниками.

Изъ всѣхъ загадокъ бытія вниманіе Розанова особенно привлекалъ вопросъ сексуальный. Онъ много работъ посвятилъ ему, часто къ нему возвращался въ отдѣльныхъ статьяхъ. Но стройнаго изслѣдованія и общей системы тутъ тоже не далъ, какъ и въ другихъ областяхъ своего философствованія. Къ тайнѣ пола подходилъ онъ мистически, находя въ ней нѣчто отъ божественной сущности міра; и потому особенно подчеркивалъ присутствіе этого элемента въ различныхъ религіяхъ.

Дружественное отношеніе Василія Васильевича мнѣ очень льстило. Тѣмъ болѣе, что сравнительно съ нимъ я былъ тогда еще молодымъ человѣкомъ. Мнѣ иногда даже казалось, что было бы заманчиво сдѣлаться его ученикомъ. Послѣ разочарованія въ умствованіяхъ классической западной философіи меня тянуло къ этой чисто-русской мудрости, основанной не на опредѣленномъ міровоззрѣніи, а на интуитивномъ прозрѣніи.

Но какъ быть ученикомъ того, который ничему не училъ, ничего не проповѣдывалъ, а только метался вокругъ вѣчной правды, чувствуя, что всецѣло овладѣть ею невозможно? Розановъ самъ признавался, что "душа моя — полная путаница".

Отъ него можно было не научиться мудрости, а заразиться. И эту "заразу" я радостно воспринималъ, несмотря на легкомысліе молодости.

Какъ-то, говоря о свойствахъ нашего національнаго характера, Василій Васильевичъ писалъ:

"Посмотришь на русскаго человѣка острымъ глазкомъ... Посмотритъ онъ на тебя острымъ глазкомъ...

И все понятно.

И не надо никакихъ словъ.

Вотъ чего нельзя съ иностранцемъ."

Именно этотъ "острый глазокъ" взаимнаго созвучія въ міроощущеніи и связывалъ Розанова со своими почитателями. На все окружающее Розановъ тоже смотрѣлъ острымъ глазкомъ. Смотрѣлъ не какъ человѣкъ, надолго обосновавшійся на нашей планетѣ, а какъ проѣзжій наблюдатель, какъ любопытствующій странникъ. И хотя жилъ онъ осѣдло, и жилъ какъ всѣ, часто вникая въ мелочи жизни, однако все это только скользило по немъ. Онъ былъ немного блаженнымъ и чуть-чуть даже юродивымъ въ глубокомъ смыслѣ этого слова. А странничество было основнымъ свойствомъ его мысли и чувства. Отсюда — его нѣкоторая чудакова-

тость, дѣтская наивность, неумѣніе оріентироваться въ простыхъ житейскихъ вопросахъ.

До нѣкоторой степени напоминалъ онъ бродягу - философа "старчика" Григорія Сковороду. И смѣло могъ выбрать для себя эпитафію, которую Сковорода составилъ для своей будущей надгробной плиты: "Міръ ловилъ меня, но не поймалъ."

Въ редакціи "Новаго Времени" у насъ съ Розановымъ была общая комната, гдѣ находилась часть отдѣла "Внутреннихъ Извѣстій"; и мнѣ приходилось видѣть, какъ онъ работаетъ. Писалъ Василій Васильевичъ свои статьи нервно, иногда въ какомъ-то странномъ возбужденіи. Онъ не садился за столъ такъ, какъ всѣ, не усаживался плотно на стулъ, не раскладывалъ спокойно листы бумаги и другія письменныя принадлежности. Стулъ ставилъ куда попало, иногда у угла стола; садился на кончикъ его и подергивалъ ногой все время, пока писалъ. А иногда, вдругъ, вскакивалъ, ходилъ по комнатѣ, не обращая ни на кого вниманія, и затѣмъ порывисто возвращался къ столу.

Впрочемъ, такъ нервно писалъ Василій Васильевичъ только статьи, въ которыя вкладывалъ свои любимыя мысли и свой темпераментъ. Когда же у него бывала другая, болѣе спокойная работа, сидѣлъ онъ чинно и дѣловито, какъ всѣ. Иногда приносилъ съ собой матеріалы для очередной книги и разбирался въ нихъ съ видомъ кабинетнаго ученаго.

Какъ-то разъ подозвалъ онъ меня къ своему столу и показалъ, какъ хорошо перерисовалъ въ "Публичной Библіотекѣ" планъ древне-египетскаго храма. Ему это было нужно для книги о религіи древняго Египта, въ которой онъ старался показать наличіе значительной доли эротическаго элемента.

На самомъ дѣлѣ рисунокъ былъ сдѣланъ ужасно. Контуры храма вышли волнообразными; параллельныя линіи сходились подъ острымъ угломъ. Все напоминало дѣтскій рисунокъ.

— И это вы хотите вставить въ свое изслѣдованіе? — испуганно, но достаточно вѣжливо спросилъ я.

— Да. Клише уже заказано.

— А не лучше ли было бы, Василій Васильевичъ, все это начертить какъ слѣдуетъ, по линейкѣ?

— Ты ничего не понимаешь. Такъ уютнѣе.

Надъ книгами Розановъ работалъ съ любовью, усердно. Но что на него наводило уныніе, это — очередныя рецензіи на нѣкоторыя книги, присылавшіяся въ редакцію для отзыва. Въ этой области онъ нерѣдко проявлялъ даже обидное отношеніе къ авторамъ. И не то что къ начинающимъ, но и къ имѣющимъ громкое имя.

Какъ-то разъ, разбирая свой ящикъ со старой корреспонденціей, Василій Васильевичъ показалъ мнѣ письмо Побѣдоносцева, адресованное ему касательной одной изъ рецензій. Побѣдоносцевъ писалъ;

"Многоуважаемый Василій Васильевичъ! Я ознакомился съ Вашимъ отзывомъ о книгѣ "Соціологическія основы гражданскаго права". Я привыкъ къ тому, что критики меня ругаютъ. Но обычно они ругаютъ меня за то, что я написалъ или сдѣлалъ. Вы же перещеголяли всѣхъ этихъ господъ: вы выругали меня за ту книгу, которую я никогда не писалъ. Авторъ ея — приватъ-доцентъ М., а я далъ вначалѣ только нѣсколько вступительныхъ словъ объ авторѣ. О томъ, что Вы, глубокоуважаемый Василій Васильевичъ, обычно не читаете тѣхъ книгъ, о которыхъ пишете, я хорошо знаю. Но что Вы не даете себѣ труда прочесть хотя бы обложку критикуемаго произведенія, это мнѣ до сихъ поръ не было извѣстно. Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи къ вашей литературной работѣ и къ Вамъ. К. Побѣдоносцевъ."

— Должно быть вамъ было очень непріятно,— сочувственно произнесъ я, когда Розановъ съ виноватой улыбкой всунулъ письмо обратно въ ящикъ.

— Да, конечно, — задумчиво согласился онъ.— Но ничего. Въ видѣ извиненія я похвалилъ его за какую-то другую книгу. Надѣюсь, что на этотъ разъ авторомъ былъ дѣйствительно онъ.

— А вамъ, Василій Васильевичъ, много приходится читать книгъ для отзыва въ теченіе мѣсяца?

— Да, порядочно. Только я ихъ цѣликомъ не читаю. Просмотрю нѣсколько страницъ, затѣмъ закрываю глаза и нюхаю. Это даетъ мнѣ полную кар-

тину и стиля и содержанія...

В. В. РОЗАНОВЪ ВЪ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ.

Оригинальный въ своихъ мысляхъ, Розановъ былъ оригиналомъ и въ своихъ поступкахъ.

Наружностью онъ обладалъ довольно невзрачной; когда говорилъ, шепелявилъ и, кромѣ того, съѣдалъ нѣкоторыя слова, замѣняя ихъ бормотаніемъ. Все это не мало огорчало бѣднаго Василія Васильевича, имѣвшаго очень мало успѣха у женщинъ, несклонныхъ увлекаться философіей. Будь онъ поэтомъ при такой внѣшности, у него, какъ у Лермонтова, могъ развиться пессимизмъ маскараднаго байроновскаго типа. Но внутренній обликъ Розанова подавилъ и отодвинулъ на второй планъ обликъ внѣшній; вмѣсто пессимизма выработалъ онъ въ себѣ блаженную покорность судьбѣ, а любопытство къ жизненнымъ вопросамъ пола перенесъ въ область теоретическую, болѣзненно связывая сексуальность съ религіозностью.

Внѣшній "мизерабельный видъ", какъ говоритъ Розановъ въ своей книгѣ "Уединенное", заставлялъ его въ молодости "украдкой проливать слезы".

"Лицо красное, волосы торчатъ кверху, совсѣмъ нелѣпо... Стою передъ зеркаломъ: ну кто такого противнаго полюбитъ? Просто ужасъ бралъ. Что же остается? Уходить въ себя, жить съ собой..."

При своемъ увлеченіи теоретическими вопросами пола, Василій Васильевичъ оставался практи-

чески въ этой области чрезвычайно деликатнымъ, застѣнчивымъ. Душа его въ глубинѣ своей была чиста, нѣжна, чужда грубости реальныхъ житейскихъ отношеній. Когда мы съ нимъ достаточно сблизились, онъ иногда повѣрялъ мнѣ свои милые секреты...

Какъ-то разъ были мы съ женой приглашены къ Розановымъ на обѣдъ. Собралось довольно много народа. Сначала всѣ сидѣли въ гостиной, бесѣдуя на разнообразныя темы, начиная съ загробной жизни и кончая игрою Варламова на сценѣ Александринскаго театра. Затѣмъ радушная хозяйка пригласила гостей въ столовую. Изъ гостиной туда нужно было идти по узкому корридору, въ которомъ почему-то не горѣло электричество.

На слѣдующій день Василій Васильевичъ по обыкновенію пришелъ въ редакцію. Кромѣ насъ двоихъ въ комнатѣ никого не было. Естественно заговорили о вчерашнемъ обѣдѣ, о гостяхъ. И, вотъ, Розановъ оглядывается, придвигаетъ свой стулъ ко мнѣ и взволнованно, съ явнымъ чувствомъ раскаянія, говоритъ:

— Послушай, Ренниковъ, какой ужасный случай со мной вчера произошелъ!

Кстати сказать, всѣмъ молодымъ сотрудникамъ, къ которымъ онъ относился благожелательно, Василій Васильевичъ говорилъ "ты".

— А что случилось? — тревожно спросилъ я.

— Подумай, какъ постыдно! Когда гости прохо-

дили по коридору, я стоялъ, прижавшись къ стѣнѣ, пропускалъ ихъ впередъ... А послѣдней шла эта самая... — онъ назвалъ фамилiю дамы. — Не знаю, что со мною случилось. Никогда раньше не бывало! Идетъ она, такая красивая, такая пышная, духи у нея какiя-то замѣчательные... Проходитъ совсѣмъ возлѣ меня, чуть-ли не задѣваетъ плечомъ. А тутъ, рядомъ съ плечомъ, — огромное декольте. Чертикъ-ли меня толкнулъ, или просто кровообращенiе нарушилось, но совершенно невольно, совсѣмъ того не желая, протянулъ я руку и на мгновенiе обнялъ ее.

Розановъ смолкъ, опустилъ голову.

— Ну, и что? — съ сочувственной осторожностью спросилъ я. — Какъ она отнеслась?

— Замѣчательно благородно! Даже не разсердилась. Посмотрѣла только съ глубокимъ упрекомъ, покачала головой, и пошла дальше. Нѣтъ, ты скажи: почему я обнялъ? Въ чемъ дѣло? Можетъ быть у меня прогрессивный параличъ начинается?

— Ну, что вы, Василiй Васильевичъ! Съ какой стати параличъ?

— Ты увѣренъ?

— Разумѣется! Такiя вещи случаются и безъ всякаго прогрессивнаго паралича.

Я успокаивалъ Василiя Васильевича, какъ могъ, а про себя думалъ: "Удивительно! Человѣкъ обслѣдовалъ проблему пола у древнихъ евреевъ, у грековъ, у египтянъ, — а у себя лично не успѣлъ!"

Наивность Розанова въ мелкихъ житейскихъ

вопросахъ была всѣмъ извѣстна въ редакціи. Въ общей комнатѣ съ нами работалъ одинъ изъ молод. техническихъ сотрудниковъ, нѣкій Коростелевъ, занимавшійся вырѣзками и сводкой свѣдѣній изъ провинціальныхъ газетъ. Этотъ Коростелевъ любилъ говорить Василію Васильевику всякую чепуху, чтобы убѣдиться, до какихъ предѣловъ можетъ дойти его довѣрчивость. Однажды Розановъ попросилъ у него совѣта: какой кафешантанъ лучше всего посѣтить, чтобы получить полную психологическую картину современныхъ нравовъ.

— А вы мостъ Петра Великаго знаете? — серьезно спросилъ Коростелевъ.

— Да.

— Башенки съ двухъ сторонъ его видѣли?

— Ну?

— Такъ вотъ, въ правой, если идти отъ насъ, и помѣщается самый пикантный кафешантанъ "Монъ Плезиръ."

— А можетъ быть, онъ очень циничный?

— Ничего. Побываете нѣсколько вечеровъ, привыкнете.

А было въ другой разъ — явился утромъ на работу Коростелевъ послѣ бурно проведенной ночи внѣ семейнаго очага. Сѣвъ за столъ и желая достать изъ кармана платокъ, онъ неожиданно для себя вытащилъ оттуда совершенно посторонній предметъ: женскую подвязку съ бантомъ. Отъ этой предательской подвязки, конечно, нужно было спѣшно

избавиться, чтобы не забыть и не прійти съ нею домой. И Коростелевъ, не зная, куда ее выкинуть, рѣшилъ надѣть эту вещь на небольшой абажуръ лампы Василія Васильевича.

Придя въ редакцію значительно позже и расположившись у стола, Розановъ замѣтилъ необычное украшеніе на своей лампѣ.

— Коростелевъ! — обратился онъ къ сосѣду. — Ты не знаешь, откуда на абажурѣ атласная лента съ бантомъ?

— Знаю. Это редакторъ Михаилъ Алексѣевичъ только что приходилъ, нацѣпилъ вамъ. Сказалъ, что такая лента будетъ знакомъ отличія для тѣхъ главныхъ сотрудниковъ, которые хорошо пишутъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Пріятно. А Меньшиковъ тоже получилъ?

— Навѣрно и Меньшиковъ тоже.

Около мѣсяца Василій Васильевичъ любовался женской подвязкой въ перерывахъ между писаніемъ статей, пока безсовѣстный обманъ случайно не обнаружился. Какъ-то разъ Суворинъ зашелъ въ нашу комнату и заговорилъ съ Розановымъ.

— Между прочимъ, Михаилъ Алексѣевичъ, — сказалъ тотъ. — Спасибо за украшеніе для абажура. Я очень тронутъ.

— Какое украшеніе? — удивился Суворинъ.

— А это.

Редакторъ направилъ удивленный взглядъ на абажуръ, надѣлъ пенснэ, чтобы лучше разглядѣть

странный предметъ, и изумленно воскликнулъ:

— Дорогой мой! Да вѣдь это женская подвязка! Откуда вы ее взяли?

Негодному Коростелеву сильно влетѣло отъ Михаила Алексѣевича за то, что онъ обижаетъ своимъ враньемъ Василія Васильевича.

Въ общественныхъ мѣстахъ и въ собраніяхъ Розановъ обычно терялся, не зналъ, куда войти, куда выйти, а иногда спрашивалъ незнакомаго сосѣда: ради какой цѣли люди собрались.

Однажды мы съ женой повели Василія Васильевича въ кинематографъ.

Войдя въ вестибюль, онъ прежде всего объявилъ, что ему спѣшно нужно въ уборную, чтобы вымыть руки. Пропустивъ начало представленія изъ-за неожиданнаго мытья, мы вошли въ темный залъ и при помощи барышни съ электрическимъ фонарикомъ стали пробираться къ свободнымъ мѣстамъ. Василій Васильевичъ совершалъ это путешествіе очень сложно. Натыкался на расположенныя по бокамъ прохода кресла, хваталъ за головы сидящихъ зрителей, которые издавали въ отвѣтъ какія-то угрожающія восклицанія; въ одномъ мѣстѣ повалился на барышню съ фонарикомъ, умудрившись споткнуться на гладкомъ коврѣ прохода. И, наконецъ, со вздохомъ облегченія сѣлъ между мной и женой, съ любопытствомъ воззрившись на экранъ.

Нѣсколько минутъ онъ молчалъ. А затѣмъ началъ засыпать меня и жену вопросами:

— А это кто?

— А это что?

Понятно, фильмъ тогда былъ нѣмой. Но надписи поясняли, что происходитъ.

— Да вы бы читали, что написано, — осторожно посовѣтовалъ я.

— Не успѣваю. Я очень нервничаю. А, въ общемъ, что происходитъ? Комедія или трагедія?

— Трагедія, Василій Васильевичъ.

— Ага.

Въ антрактѣ мы разсказали Розанову подробно содержаніе того, что онъ видѣлъ. И потому вторую часть фильма Василій Васильевичъ смотрѣлъ уже болѣе спокойно, почти не задавая вопросовъ. Но зато, когда вся драма уже приходила къ концу, когда герой съ героиней проводили послѣднюю сцену, разлучаясь навѣки другъ съ другомъ по волѣ жестокой судьбы, и когда нѣкоторые зрители плакали, Василій Васильевичъ нагнулся ко мнѣ и удивленно спросилъ:

— А кто этотъ незнакомый субъектъ, который съ ней разговариваетъ?

— Такъ это же возлюбленный!

— Ахъ, вотъ что, теперь понимаю.

Какъ-то разъ Розановъ завтракалъ у насъ въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ приглашенныхъ. Въ такихъ случаяхъ онъ обычно мало говорилъ, или говорилъ о незначительныхъ вещахъ, причемъ часто безъ всякой связи съ общей бесѣдой. Въ театрахъ

онъ бывалъ рѣдко, нетвердо зналъ фамиліи знаменитыхъ артистовъ, иногда путалъ пѣвцовъ съ актерами, актеровъ съ художниками. На нашемъ завтракѣ Василій Васильевичъ тоже особеннаго краснорѣчія не проявилъ. А когда послѣ сладкаго подали кофе, выпилъ чашечку, всталъ, отвелъ меня всторону и заявилъ, что хочетъ немного поспать.

— Конечно, конечно, — слегка испуганно, но любезно отвѣтилъ я. — Сейчасъ жена распорядится, чтобы вамъ постлали въ кабинетѣ.

— Да, но только я какъ слѣдуетъ раздѣнусь.

— Разумѣется, Василій Васильевичъ.

Кожаный диванъ въ кабинетѣ былъ спѣшно превращенъ въ уютную постель. Оставивъ Василія Васильевича и пожелавъ ему спокойнаго сна, я вернулся къ гостямъ. Оживленная бесѣда за столомъ продолжалась. Всѣ засидѣлись послѣ завтрака часа на два.

И, вдругъ, въ сосѣдней гостиной, куда была открыта дверь изъ столовой, раздаются шаги. Кто-то кашляетъ. И на порогѣ появляется загадочная бѣлая фигура. Эту фигуру можно было бы смѣло принять за привидѣніе, если бы дѣло происходило ночью. Но былъ еще день. Кромѣ того, башмаки за ногахъ и растрепанный галстухъ, съѣхавшій насторону изъ подъ воротника на крахмальную грудь рубашки, указывали, что это вовсе не призракъ.

То былъ Василій Васильевичъ, безъ костюма, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ. Остановившись въ две-

ряхъ, и тревожно осматривая сидѣвшихъ гостей, онъ отыскалъ меня взглядомъ и нерѣшительно проговорилъ:

— Послушай. Я, кажется, заблудился. Покажи, пожалуйста, гдѣ можно вымыть руки...

РЕДАКЦІОННЫЯ НОЧИ.

Такъ какъ "Новое Время" выходило рано утромъ, то горячая работа по составленію номера начиналась вечеромъ и тянулась до глубокой ночи. Съѣзжались сотрудники для просмотра корректурныхъ оттисковъ своихъ статей; хроникеры Государственой Думы, Государственнаго Совѣта; редакторы отдѣловъ — внутренняго и иностраннаго; передовики, уже сдавшіе днемъ свои статьи, но готовые къ тому, что при неожиданномъ событіи придется спѣшно писать новую передовую; наконецъ, къ часу ночи появлялись театральные рецензенты — драматическіе, музыкальные.

Изъ типографіи непрерывно раздавались звонки внутренняго телефона. Главный метранпажъ, верставшій очередной номеръ, начиналъ свои вѣчныя жалобы помощнику главнаго редактора на то, что всѣ помѣченныя статьи и замѣтки не лѣзутъ въ страницы и что надо что-нибудь выбросить. И для подобной ампутаціи помощникъ редактора вызы-

валъ къ себѣ на совѣщаніе редакторовъ отдѣловъ. А въ огромномъ редакціонномъ залѣ тѣмъ временемъ царило оживленіе. Собирались здѣсь не только сотрудники, присутствіе которыхъ было необходимо, но и тѣ, которымъ было пріятно встрѣтиться со своими коллегами, поговорить и провести ночь въ атмосферѣ редакціонной работы.

На этихъ ночныхъ собраніяхъ я быстро перезнакомился со всѣми старыми и молодыми сотрудниками газеты. Особенное вниманіе мое привлекалъ тутъ знаменитый театральный критикъ и писатель Юрій Бѣляевъ, пріѣзжавшій обычно очень поздно, не сразу послѣ спектакля, а съ обязательнымъ заѣздомъ въ какой-нибудь ресторанъ. На нашихъ собраніяхъ его всѣ цѣнили какъ остроумнаго собесѣдника и прекраснаго разсказчика. Его романъ "Барышни Шнейдеръ", изображавшій жизнь въ Павловскѣ, имѣлъ у петербуржцевъ огромный успѣхъ. Пьесы тоже создали ему немалую популярность. А рецензіи иногда бывали великолѣпны.

Помню, напримѣръ, такой случай. Какъ-то разъ Александринскій Театръ, въ погонѣ за новинками, рѣшилъ поставить пьесу украинскаго самостійника Винниченки подъ названіемъ "Ложь". Газеты лѣваго направленія создали постановкѣ предварительную большую рекламу, такъ какъ для этого лагеря Винниченко былъ своимъ человѣкомъ, усердно заботившимся о развалѣ кацапской Россійской Имперіи. Наканунѣ спектакля репортеръ

"Биржевыхъ Вѣдомостей" помѣстилъ пространное интервью съ маститымъ авторомъ "Лжи", причемъ почтительно указалъ, что пьеса написана Винниченкой на родномъ украинскомъ языкѣ и на этомъ языкѣ носитъ названіе "Брехня". Однако, авторъ, уступая настойчивымъ просьбамъ русской публики, великодушно согласился перевести "Брехню" на русскій языкъ и въ качествѣ "Лжи" дать Александринскому Театру.

Спектакль прошелъ вяло, слушателямъ пьеса не понравилась. А на слѣдующій день въ "Новомъ Времени" появилась небольшая рецензія Бѣляева слѣдующаго содержанія:

"Вчера на сценѣ Александринскаго Театра шла пьеса извѣстнаго украинскаго дѣятеля Винниченки. Изъ предварительнаго интервью, помѣщеннаго въ одной изъ петербургскихъ газетъ, мы узнали, что пьеса эта написана по-украински, называется "Брехня" и переведена самимъ авторомъ на русскій языкъ подъ названіемъ "Ложь".

Мы внимательно ознакомились съ этимъ иностраннымъ произведеніемъ, вникли въ его содержаніе, въ сценическія достоинства, въ напряженность драматическаго дѣйствія — и горячо совѣтуемъ автору спѣшно перевести свою "Брехню" съ русскаго языка обратно на украинскій".

На нашихъ ночныхъ собраніяхъ часто бывали— проф. Пиленко, ведшій отдѣлъ Государственной Думы; художникъ Кравченко; каррикатуристъ Бобъ,

умѣвшій въ нѣсколькихъ штрихахъ дать блестящій рисунокъ; передовикъ по вопросамъ внѣшней политики Егоровъ, писавшій свои статьи въ строгомъ "великодержавномъ" стилѣ. Велись бесѣды и споры на политическія или литературныя темы. Говорили о новыхъ авторахъ, о книжныхъ новинкахъ.

Какъ то разъ группа сотрудниковъ оживленно обсуждала вопросъ, дѣйствительно-ли Соллогубъ въ своемъ "Мелкомъ Бѣсѣ" въ лицѣ Передонова создалъ новый типъ, не существовавшій до тѣхъ поръ въ русской литературѣ. Возлѣ этой группы въ креслѣ сидѣлъ Юрій Бѣляевъ и съ безразличнымъ видомъ слушалъ, что говорятъ.

— Юрочка, а какого ты мнѣнія о Передоновѣ? — обратился къ нему одинъ изъ собесѣдниковъ.

— А кто это такой?

— Какъ кто? Развѣ ты не читалъ "Мелкаго Бѣса"?

— Нѣтъ.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на другихъ авторовъ. Заговорили о Мережковскомъ, о трилогіи, о другихъ его книгахъ.

— Юрочка, а какого ты мнѣнія о "Юліанѣ Отступникѣ"? — снова спросилъ Бѣляева тотъ же сотрудникъ.

— Никакого.

— Да что ты? Неужели и это не читалъ?

— Нѣтъ.

— Такъ ты, братъ, видно ничего вообще не чи-

таешь!

— Ну да. А къ чему мнѣ читать, когда я самъ пишу?

Помимо литературныхъ и политическихъ темъ ночныя бесѣды сотрудниковъ часто касались вопроса чистоты русскаго языка въ современной печати. Обсуждалось примѣненіе словъ иностраннаго происхожденія, говорилось о возможности замѣны ихъ русскими.

Этотъ послѣдній вопросъ — о засореніи языка иностранными словами — часто поднимался и на офиціальныхъ редакціонныхъ собраніяхъ съ участіемъ главнаго редактора и его помощника Мазаева. Конечно, мнѣнія сильно раздѣлялись. "Западники", въ родѣ профессора Пиленки, отстаивали иностранную терминологію, сознавая, что если бы не было иностранныхъ словъ, не было бы и русскихъ профессоровъ; "Славянофилы" же, въ родѣ Д. Н. Вергуна, требовали примѣненія русскихъ и западно-славянскихъ корней.

Крайнія предложенія этихъ филологическихъ славянофиловъ оказывались мало пріемлемыми. Напримѣръ, замѣнить "галоши" "мокроступами". Но часто ихъ мнѣнія принимались во вниманіе. Особенно любили они ссылаться на Даля, который уже давно предостерегалъ русскую интеллигенцію отъ излишнихъ языковыхъ засореній и предлагалъ цѣлые списки народныхъ словъ, могущихъ вполнѣ замѣнить иностранныя. Такъ, Даль, совѣтовалъ вве-

сти вмѣсто "атмосферы" — "міроколицу", вмѣсто "инстинкта" — "побудокъ", вмѣсто "канделябра" "свѣчникъ", вмѣсто "портьеры" — "завѣсъ", вмѣсто "діагонали" — "долонь", вмѣсто "эхо" — отгулъ"...

Разумѣется, ни отгулъ, ни міроколица, ни побудокъ, ни долонь не могли замѣнить установившуюся старую терминологію. И "Новое Время" на это не претендовало. Но изрѣдка наши попытки достигали успѣха. Напримѣръ, слово "здравница", которое мы стали употреблять въ газетѣ вмѣсто слова "санаторія", пріобрѣло среди публики и даже въ официціальной терминологіи право гражданства.

Но зато попытка наша пріучить и авторовъ и читателей къ правильному склоненію малороссійскихъ фамилій, оканчивающихся на "ко", не привела ни къ чему. Нѣкоторое время мы склоняли эти фамиліи по образцу словъ средняго рода, какъ "лукошко" или "окошко": Шевченко, Шенченка, Шевченку. Но, въ концѣ концовъ, сдались.

Слѣдуетъ-ли говорить, съ какой осторожностью мнѣ нужно было писать въ началѣ своего сотрудничества въ "Новомъ Времени", чтобы не обнаружить въ стилѣ или въ оборотахъ рѣчи южныхъ "идіомъ". На югѣ у насъ не только въ низшихъ классахъ населенія, но и у интеллигентовъ, встрѣчалось не мало неправильностей: землянику называли клубникой, пасху именовали сырной пасхой, вмѣсто "такъ же" говорили "такъ само".

А Одесса въ этомъ отношеніи была особенно страшна. Одесситы входили во дворъ своего дома черезъ форточку, прыгали съ трамвая передомъ взадъ, посѣщали театры битками набитые; въ словѣ магазинъ ставили удареніе на второмъ слогѣ, въ словѣ молодежь переносили удареніе съ послѣдняго слога на первый.

Разумѣется, я всѣмъ этимъ въ Одессѣ не заразился. Но мало ли что можетъ быть совершенно случайно! Вѣдь Купринъ, напримѣръ, писалъ, въ общемъ, правильно, а все-таки подъ вліяніемъ юга употреблялъ въ своихъ разсказахъ выраженіе "стояли хорошія погоды"...

Вскорѣ послѣ своего поступленія въ "Новое Время" получилъ я отъ главнаго редактора командировку въ Сѣверо-Западный Край для зарисовки бытовыхъ особенностей въ глухихъ углахъ. Командировка оказалась интересной. Выполнивъ задачу, вернулся я въ Петербургъ, въ ближайшую же ночь явился въ редакцію на обычное собраніе сотрудниковъ и, полный впечатлѣній, съ увлеченіемъ сталъ разсказывать коллегамъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ.

— А какъ трудно было добираться до нѣкоторыхъ мѣстъ! — говорилъ я. — Приходилось ѣхать сначала поѣздомъ, потомъ — пароходомъ, затѣмъ — лошадьми...

Возлѣ той группы, которая собралась вокругъ меня, въ глубокомъ креслѣ сидѣлъ мрачный передо-

викъ Е. А. Егоровъ. Онъ хмуро слушалъ, что я говорилъ, непрерывно курилъ. А когда я окончилъ свое повѣствованіе, и слегка утомленные слушатели стали расходиться въ разныя стороны, Егоровъ, вдругъ, обратился ко мнѣ:

— Можно попросить васъ объ одномъ одолженіи? — холодно спросилъ онъ.

— Ну, конечно, Ефимъ Александровичъ! А въ чемъ дѣло?

— Я хотѣлъ бы, чтобы вы повторили мнѣ то, что я въ вашемъ разсказѣ не совсѣмъ хорошо разслышалъ.

— Пожалуйста.

— Если не ошибаюсь, вы говорили, будто въ послѣднюю деревню вы сначала ѣхали поѣздомъ?

— Да. Поѣздомъ.

— А потомъ — пароходомъ?

— Пароходомъ, Ефимъ Александровичъ.

— Такъ, А послѣ — лошадьми?

— Лошадьми.

— Очень хорошо. Любопытно. Ну, а скажите пожалуйста, вамъ въ этомъ своемъ путешествіи ни разу не приходилось ѣхать осломъ?

Для отвѣта на подобный оскорбительный вопросъ мнѣ представлялось два выхода: или обидѣться, или сдѣлать видъ, что не понимаю насмѣшки. Но, зная хорошее отношеніе Егорова ко мнѣ, я, слава Богу, догадался найти третій выходъ.

Подошелъ къ нему и съ виноватой улыбкой про-

тянулъ руку:

— Спасибо, Ефимъ Александровичъ. Запомню.

Послѣ этого памятнаго случая никогда персонажи моихъ разсказовъ и статей не ѣздили ни поѣздомъ, ни пароходомъ, ни лошадьми. И я самъ тоже не ѣзжу.

В. В. КОМАРОВЪ И Э. Э. УХТОМСКІЙ

За время работы своей въ "Новомъ Времени" присмотрѣлся я и къ остальной петербургской печати.

Правыя газеты были немногочисленны и мало вліятельны. Не могли онѣ похвастать и составомъ сотрудниковъ. Ничего яркаго, никого изъ выдающихся авторовъ. Общественнымъ мнѣніемъ, особенно въ интеллигентскихъ кругахъ, владѣли оппозиціонныя и революціонныя изданія, изъ которыхъ одни невольно, другія намѣренно расшатывали государственныя основы Имперіи.

Изъ умѣренно правыхъ газетъ, кромѣ "Новаго Времени", наибольшее распространеніе имѣлъ "Свѣтъ" В. В. Комарова. Печатался "Свѣтъ" въ видѣ газеты небольшого формата, съ убористымъ шрифтомъ, и читался главнымъ образомъ въ провинціи, среди національно-настроенныхъ мелкихъ помѣщиковъ и чиновниковъ.

Издатель его, Виссаріонъ Виссаріоновичъ Комаровъ былъ красочный фигурой того времени. Убѣжденный патріотъ, ярый славянофилъ, участвовалъ онъ въ борьбѣ за освобожденіе "братушекъ" и состоялъ у ген. Черняева начальникомъ штаба. Послѣ балканской войны, издавая газету, онъ продолжалъ поддерживать связь съ западными славянами, и рѣдко кто изъ сербовъ, болгаръ или македонцевъ, пріѣзжая въ Петербургъ, не считалъ своимъ долгомъ побывать у Комарова, позавтракать, пообѣдать, а иногда даже переночевать. Милѣйшій Виссаріонъ Виссаріоновичъ не только кормилъ всѣхъ этихъ гостей, но и давалъ имъ деньги на обще-славянское дѣло или на дѣло славянско-личное, не считаясь со своими средствами и съ бюджетомъ газеты.

А бюджетъ этотъ былъ довольно неяснымъ и опредѣлялся не бухгалтеромъ, а просто ящикомъ письменнаго стола, куда издатель клалъ выручку отъ розницы и подписокъ. Какія суммы находились въ этомъ хранилищѣ, ни самъ Виссаріонъ Виссаріоновичъ. ни его завѣдующій конторой, точно не знали. Но зато редакторъ-издатель всегда могъ быстро и въ любую минуту опредѣлить, какъ идутъ дѣла. Если въ ящикѣ, — кстати сказать, никогда не запиравшемся на ключъ, — пачки пятирублевокъ, десятирублевокъ и сторублевокъ не вполнѣ прикрывали дно, образуя проплѣшины, это значило, что доходъ уменьшается; если же въ ящикѣ,

наоборотъ, не только не видно дна, но онъ наполненъ доверха и даже съ трудомъ выдвигается, Виссаріонъ Виссаріоновичъ догадывался, что бюджету газеты ничто, слава Богу, не угрожаетъ.

Братья-славяне, пріѣзжавшіе въ Петербургъ для личнаго внѣшняго займа у русскихъ славянофиловъ, хорошо знали ящикъ Комарова, изъ котораго владѣлецъ его въ ихъ присутствіи вытягивалъ ту или иную бумажку и передавалъ на неотложныя славянскія нужды. Въ силу этого, естественно, въ квартирѣ Виссаріона Виссаріоновича всегда царило необыкновенное оживленіе: кто-то приходилъ, кто-то уходилъ.

А такихъ братушекъ-славянъ, будившихъ у нашихъ славянофиловъ лучшія христіанскія чувства, наѣзжало въ Петербургъ не мало. Существовала у насъ, напримѣръ, славянофильская организація подъ названіемъ "Славянскія трапезы". Вдохновителями ея были графъ В. А. Бобринскій и сотрудникъ "Новаго Времени" Д. Н. Вергунъ. Время отъ времени организація эта устраивала банкеты съ рѣчами и докладами по славянскимъ вопросамъ, и на подобные банкеты, разумѣется, приглашались пріѣзжіе гости — сербы, болгары, македонцы. Гости сообщали собравшимся о жизни въ ихъ странахъ, жаловались на происки Австро-Венгріи, Турціи, Англіи. Собранія были довольно интересны, а иногда даже принимали страстный характеръ, какъ напримѣръ, во время "Марма-

рошъ-сигетской" исторіи, когда Австрія, дѣйствительно, показала себя неприкрытой угнетательницей славянъ.

Комаровъ на подобныхъ собраніяхъ знакомился съ гостями-братушками и гостепріимно приглашалъ ихъ къ себѣ на домъ. Какъ-то разъ его чрезвычайно растрогалъ одинъ македонецъ, который горячо говорилъ о своей обездоленной Македоніи, не имѣющей не только самостоятельности, но даже простой автономіи. Потрясенный этой рѣчью, Комаровъ пригласилъ оратора къ себѣ, сталъ ежедневно кормить его завтраками, обѣдами и подолгу бесѣдовалъ.

Однажды македонецъ явился къ нему съ опечаленнымъ видомъ. Поговорилъ сначала о своихъ подвигахъ въ качествѣ повстанца въ турецкую войну; высказалъ послѣ этого нѣсколько цѣнныхъ соображеній о томъ, какъ можно было бы изъ Македоніи сдѣлать великую славянскую державу. А затѣмъ вздохнулъ и сказалъ:

— А у меня лично, знаете, непріятность. Мой другъ, который ѣхалъ сюда, въ Петербургъ, изъ Скоплье, арестованъ по дорогѣ австрійцами, а всѣ деньги, посланныя мнѣ родными вмѣстѣ съ нимъ, конфискованы. Не знаю, какъ теперь буду я платить за номеръ въ гостиницѣ.

— Вотъ негодяи австрійцы! — возмутился Виссаріонъ Виссаріоновичъ. — Объ этомъ вы обязательно доложите на очередномъ нашемъ собра-

ніи! Но лично не волнуйтесь, пожалуйста. Оплату номера я беру на себя.

— Нѣтъ, нѣтъ, — возразилъ македонецъ. — Вы и такъ мнѣ много давали. А, можетъ быть, я смогъ бы спать у васъ гдѣ-нибудь на кухнѣ или въ коридорѣ?

— Что вы! Славянскаго гостя — на кухнѣ? Господь съ вами! Въ такомъ случаѣ, дорогой мой, спите у меня въ кабинетѣ! Я рѣдко работаю по ночамъ.

Гордый македонецъ не долго отказывался. Перетащилъ изъ гостиницы чемоданъ и поселился у Комарова.

Сначала все шло хорошо. Македонецъ держалъ себя прилично, скромно; много и долго разсказывалъ о своей родинѣ за завтракомъ, за обѣдомъ, за чаемъ, на ночь. Въ промежуткахъ куда-то исчезалъ; къ ѣдѣ, какъ воспитанный человѣкъ, всегда возвращался точно.

И все было бы прекрасно, если бы не одна странная вещь. Какъ-то днемъ, въ отсутствіе гостя, отправился Виссаріонъ Виссаріоновичъ въ свой кабинетъ, чтобы достать изъ завѣтнаго ящика деньги, и натолкнулся на необъяснимое, даже вѣрнѣе сказать — таинственное явленіе: ящикъ, нѣсколько дней тому назадъ до верху набитый ассигнаціями и едва выдвигавшійся, теперь двигался совершенно свободно. Мало того. Правый передній уголъ его былъ совсѣмъ пустъ, и имѣлъ видъ не легкихъ

проплѣшинъ, а начисто оголеннаго деревяннаго дна.

Виссаріонъ Виссаріоновичъ застылъ отъ изумленія. Въ чемъ дѣло? Изъ домашнихъ никто этого сдѣлать не могъ. Слѣдовъ того, что въ кабинетъ проникли воры снаружи, тоже замѣтно не было. Можетъ быть — македонецъ?

Послѣднюю кощуственную мысль Виссаріонъ Виссаріоновичъ съ негодованіемъ отбросилъ. Ему даже стало стыдно за себя: какъ низко нужно пасть морально и умственно, чтобы заподозрѣть въ нечестности брата-славянина, бывшаго повстанца, проливавшаго кровь свою и турецкую!

Если бы Виссаріонъ Виссаріоновичъ былъ спиритомъ. какъ профессора Бутлеровъ, Вагнеръ и многіе интеллигентные люди его времени, онъ могъ бы получить объясненіе. Вѣдь на спиритическихъ сеансахъ бываютъ не только таинственныя появленія новыхъ предметовъ въ видѣ "аппортовъ", но и обратно — уносъ вещей неизвѣстно куда, "ампоръ"

Но Виссаріонъ Виссаріоновичъ въ подобную чертовщину не вѣрилъ. И послѣ мучительныхъ колебаній рѣшилъ посвятить въ тайну денежнаго ящика одного своего друга.

Другъ внимательно выслушалъ, подумалъ и твердо сказалъ:

— Гони его въ шею!

— Кого? — изумился Виссаріонъ Виссаріоновичъ.

— Да этого самого македонца!

— Ну что ты... Какъ не стыдно! Человѣкъ въ молодости героемъ былъ, кровь проливалъ за освобожденіе. . .

— Все равно гони!

Виссаріонъ Виссаріоновичъ, конечно, циничному совѣту своего друга не послѣдовалъ. Наоборотъ, сталъ съ македонцемъ особенно вѣжливымъ и даже при разговорѣ съ нимъ стыдливо опускалъ глаза, чувствуя себя виноватымъ. Онъ даже не заперъ на ключъ ящика стола, чтобы не обидѣть гостя, а вмѣсто этого рѣшилъ подвернуть ящикъ внимательному наблюденію: будетъ-ли съ каждымъ днемъ уменьшаться его содержимое, или увеличиваться.

Наблюденія, однако, привели къ печальному выводу. Послѣ каждой ночи денегъ внутри оказывалось не больше, а меньше. Съ правой стороны пустота перестала измѣняться. Зато въ лѣвомъ углу стало показываться грозное дно. Теперь сомнѣній не было; если дѣло будетъ такъ продолжаться, газету "Свѣтъ" придется закрыть.

Мучился Виссаріонъ Виссаріоновичъ, мучился, не зная, какъ отказать македонцу, и наконецъ рѣшилъ быть жестокимъ. Послѣ завтрака вызвалъ гостя въ кабинетъ и твердо сказалъ:

— Ну, дорогой Мирко, простите меня. . . Но съ сегодняшняго дня я приступаю къ одной большой литературной работѣ и буду писать по ночамъ. Вотъ вамъ пятсотъ рублей на переѣздъ въ гостиницу. И

затѣмъ буду я вамъ выдавать по сто рублей въ мѣсяцъ, пока не получите денегъ изъ Македоніи.

Кромѣ газеты "Свѣтъ" и ея редактора-издателя вспоминается мнѣ и другая газета изъ нашего національнаго лагеря — "С. Петербургскія Вѣдомости" Эспера Эсперовича Ухтомскаго.

Въ Россіи всѣ "Вѣдомости", за исключеніемъ "Русскихъ Вѣдомостей", были казеннаго происхожденія. Предназначались онѣ сначала для печатанія правительственныхъ распоряженій и матеріала оффиціознаго характера. Однако, иногда давались такія газеты на откупъ и частнымъ лицамъ, извѣстнымъ своимъ правымъ направленіемъ. Князь Ухтомскій, если не ошибаюсь, получалъ отъ правительства двѣнадцать тысячъ рублей въ годъ за обязательное печатаніе правительственныхъ объявленій и распоряженій, но въ помѣщеніи остального матеріала считалъ себя вполнѣ независимымъ.

"С. Петербургскія Вѣдомости" были скучнѣшей газетой. Когда-то раньше, въ семидесятыхъ годахъ во времена Корша, въ нихъ сотрудничали А. С. Суворинъ и В. П. Буренинъ, теперь же эти "Вѣдомости" влачили жалкое существованіе.

Помѣщались въ нихъ статьи о продовольственныхъ нуждахъ, о развитіи промышленности, о ростѣ населенія Имперіи и масса всякихъ сухихъ корреспонденцій, особенно изъ балканскихъ странъ. Обычно никакого живого литературнаго матеріала въ нихъ не встрѣчалось.

Въ силу этого газета имѣла очень скромный тиражъ, бумаги потребляла мало. И князь-редакторъ былъ доволенъ. Расходы не большіе, отъ двѣнадцати тысячъ кое-что оставалось.

И вотъ, по собственной-ли иниціативѣ, или по совѣту друзей, Эсперъ Эсперовичъ пригласилъ въ число сотрудниковъ Александра Аркадьевича Столыпина, брата будущаго премьер-министра. Александръ Аркадьевичъ оказался талантливымъ публицистомъ-фельетонистомъ и сразу обратилъ на себя вниманіе читателей. На его имя и на имя редактора стали поступать письма съ выраженіемъ удовлетворенія по поводу того, что "Петербургскія Вѣдомости" становятся интересной газетой.

Но, по мѣрѣ того, какъ Столыпинъ все болѣе оживлялъ текстъ своими статьями, самъ Эсперъ Эсперовичъ становился мрачнѣй и мрачнѣй. Терпѣлъ онъ успѣхъ своего изданія одинъ мѣсяцъ, другой, третій... И подъ конецъ не выдержалъ. Какъ-то разъ прочелъ въ присутствіи Александра Аркадьевича принесенную имъ очередную статью и съ негодованіемъ воскликнулъ:

— Это чортъ знаетъ что! Опять интересный фельетонъ написали!

— Ну такъ что-жъ? —удивился Столыпинъ. — Слава Богу, если интересный.

— Да, вамъ легко говорить — слава Богу! А каково мнѣ? Я, въ концѣ концовъ, разорюсь! До вашего сотрудничества выпускалъ ограниченное ко-

личество номеровъ. . . На бумагу пустяки тратилъ. Кое-какъ перебивался. А теперь — розница увеличилась, подписка удвоилась. А я не коммерсантъ! Я не могу перестраивать газету на коммерческій ладъ! Пощадите мои нервы.

Послѣ такой оригинальной бесѣды Александръ Аркадьевичъ не зналъ, что предпринять. Нарочно писать хуже? Но это обидно. Писать рѣже? Тоже не выходъ из положенія.

Поработалъ онъ у князя еще нѣсколько недѣль. И перешелъ въ "Новое Время", куда до самой революціи давалъ талантливыя "Замѣтки" на различныя темы.

БУЛЬВАРНАЯ ПРЕССА

Справедливость требуетъ указать, что наша политическая пресса, какъ правая, такъ и лѣвая, стояла на большой высотѣ въ смыслѣ профессіональной честности. Брать деньги за рекламныя статьи или замѣтки считалось у насъ позоромъ. Рецензенты, уличенные въ подобныхъ взяткахъ, презирались коллегами и обычно изгонялись изъ состава редакціи. И сами читатели привыкли вѣрить отзывамъ и искренности мнѣній той газеты, которую покупали или выписывали. Только въ области партійной полемики наши журналисты прибѣ-

гали иногда ко лжи и подтасовкамъ, чтобы очернить политическихъ недруговъ. Но это дѣлалось уже не изъ корыстныхъ или личныхъ соображеній, а ради "общественнаго блага".

Помню я, какъ однажды въ редакцію "Новаго Времени" къ передовику по вопросамъ внѣшней политики Е. А. Егорову явились дипломаты одного из враждовавшихъ между собой балканскихъ государствъ и наивно предложили 80 тысячъ рублей за рядъ статей въ пользу проводимой ихъ правительствомъ политики.

Обычно хладнокровный и флегматичный Егоровъ на этотъ разъ впалъ въ чрезвычайное оживленіе. Схватилъ одного изъ дипломатовъ, болѣе молодого, за шиворотъ и выкинулъ за дверь; а другому, болѣе пожилому, показалъ рукой въ сторону исчезнувшаго его компаньона и крикнулъ такимъ громкимъ голосомъ, какимъ не кричалъ, кажется, съ ранняго дѣтства:

— Вонъ отсюда!

Конечно, дикая у насъ была страна. Люди — грубые. И много лѣтъ спустя послѣ указаннаго случая, находясь на Западѣ въ качествѣ эмигранта, я часто вспоминалъ Егорова, при видѣ изысканныхъ европейскихъ газетныхъ нравовъ.

Тутъ, въ нѣкоторыхъ странахъ, считается совсѣмъ не зазорнымъ брать за рецензіи, за отзывы, за "покровительство". Мой пріятель русскій эмигрантъ журналистъ, проживавшій въ одной изъ сто-

лицъ Западной Европы, разсказывалъ мнѣ:

Познакомился онъ съ однимъ старымъ мѣстнымъ журналистомъ, занимавшимъ во вліятельной столичной газетѣ постъ редактора финанс. и промышленнаго отдѣла. Редакторъ этотъ изъ-за преклоннаго возраста и по состоянію здоровья вышелъ въ отставку, получалъ отъ издательства пенсію, но по привычкѣ время отъ времени заходилъ въ редакцію поговорить съ бывшими коллегами и подышать газетнымъ воздухомъ.

Пріятель мой часто встрѣчался съ этимъ старикомъ, такъ какъ жили они оба въ одномъ домѣ. Отношенія у нихъ создались дружескія. И, вотъ, какъ то разъ приходитъ старикъ къ нему и возмущенно жалуется:

— Подумайте, дорогой, какіе теперь нравы! Какъ низко пали современные журналисты! Въ мое время, когда я писалъ статьи по вопросамъ промышленности, обычно бывало такъ: приходили ко мнѣ представители консорціума банковѣ или акціонеры новаго предпріятія и за опредѣленную цѣну заказывали рядъ статей, въ которыхъ нужно было доказать пользу этого начинанія для государства. Я соглашался, и когда деньги вносились, шелъ къ главному редактору, тотъ вызывалъ къ себѣ издателя, и мы втроемъ честно дѣлили полученную сумму.

А теперь — представьте, что случилось надняхъ въ нашей газетѣ! Мой молодой замѣститель

сговорился съ однимъ крупнымъ заводомъ, что поддержитъ его въ вопросѣ о правительственной субсидіи, написалъ статью, получилъ деньги, а ни главному редактору, ни издательству не далъ ничего. Мало того, онъ увѣряетъ, что написалъ это безплатно, руководствуясь собственнымъ убѣжденіемъ. Какъ вамъ нравится? Убѣжденіемъ! Нѣтъ вы скажите, куда мы идемъ? До чего докатится міръ въ своемъ паденіи? И гдѣ у современной молодежи мораль? Гдѣ честность?

Такихъ точекъ зрѣнія на честность и на священное предназначеніе печати у насъ, въ Россіи, среди солидныхъ вліятельныхъ газетъ не встрѣчалось. Не было у насъ и того, чтобы начинающіе артисты, художники или писатели дѣлались извѣстными только при помощи денегъ, которыя на Западѣ необходимы для полученія рекламныхъ восторговъ.

Другой мой знакомый эмигрантъ-журналистъ разсказывалъ про эпизодъ, происшедшій уже съ нимъ лично. Хорошо изучивъ языкъ той страны, въ которой онъ жилъ, журналистъ сталъ сотрудничать въ большой мѣстной газетѣ. Его тамъ оцѣнили, какъ хорошаго работника, назначили постоянное жалованіе. Попутно съ работой въ газетѣ написалъ онъ книгу, нашелъ издателя. И когда книга вышла изъ печати, отправился къ редактору, передалъ два экземпляра и попросилъ помѣстить хотя бы небольшой отзывъ.

— Только, если рецензентъ меня очень выругаетъ, вы лучше ничего не печатайте, — скромно попросилъ онъ.

— А почему выругаетъ? — удивился редакторъ. — Вы же свой человѣкъ! Наоборотъ, отзывъ будетъ очень хорошій, и я его напечатаю на второй страницѣ.

Трепетно ждалъ авторъ появленія рецензіи. И она, наконецъ, появилась. Прекрасная, хвалебная, въ два столбца, на видном мѣстѣ. Нѣсколько дней авторъ не могъ прійти въ себя отъ радостнаго волненія. А когда, въ концѣ мѣсяца, отправился онъ въ контору получать жалованіе, кассиръ, вдругъ, даетъ ему сумму на треть меньшую, чѣмъ причиталось. И безъ указанія причины.

Автору ничего не оставалось, какъ обратиться за разъясненіями къ редактору.

— Да, да, это я распорядился сдѣлать вычетъ, — сказалъ тотъ. — Вѣдь надо же заплатить рецензенту за трудъ по прочтенію книги и по составленію отзыва!

То, что на Западѣ относительно печатанія платныхъ рекламныхъ статей принято даже въ солидныхъ изданіяхъ, то у насъ встрѣчалось только въ специфическихъ газетахъ бульварнаго типа. Сотрудники такихъ газетъ носили кличку "буттербродныхъ" журналистовъ, и съ мнѣніемъ ихъ въ средѣ культурныхъ читателей никто не считался. Буттербродные газетчики не брезгали ничѣмъ, на-

чиная съ дарового угощенія на купеческихъ свадьбахъ и кончая крупными кушами за восторженные отзывы о вновь открытомъ ресторанѣ или торговомъ домѣ. Вели они широкій образъ жизни, въ расходахъ не стѣснялись такъ же, какъ въ приходахъ. И хотя офиціально получали за свои замѣтки не больше двѣнадцати копѣекъ за строчку, что давало въ мѣсяцъ всего рублей сто, полтораста, фактически тратили ежемѣсячно нѣсколько тысячъ, прекрасно одѣвались, кутили у цыганъ, и если не имѣли собственнаго выѣзда, то ѣздили на заарендованныхъ извозчикахъ, платя имъ опредѣленное жалованье. Всѣ купцы Гостинаго Двора знали этихъ маститыхъ представителей бульварной печати. Судьба нѣкоторыхъ театральных антрепризъ въ значительной степени зависѣла отъ ихъ отзывовъ. Если прогорающій антрепренеръ давалъ взятку, буттербродный рецензентъ писалъ въ своемъ отчетѣ о спектаклѣ, что театръ былъ наполовину полонъ; если взятки дано не было, театръ оказывался наполовину пустъ. А если антрепренеръ или владѣлецъ театра долгое время не вносили своей дани, появлялись замѣтки о томъ, что зданіе театра неблагополучно въ пожарномъ отношеніи, или что потолокъ въ зрительномъ залѣ отъ ветхости можетъ обрушиться.

А у нѣкоторыхъ буттербродныхъ журналистовъ былъ даже особый ритуалъ полученія взятокъ, о которомъ знали купцы и организаторы коммерче-

скихъ предпріятій. Напримѣръ, приходилъ одинъ изъ нихъ на открытіе ресторана или крупнаго магазина. Хозяинъ съ подобострастнымъ видомъ водилъ его по своему помѣщенію, все показывалъ, все объяснялъ. А къ концу осмотра управляющій, получившій отъ хозяина опредѣленныя инструкціи и почтительно шедшій сзади, окликалъ высокаго газетнаго гостя и протягивалъ ему туго набитый бумажникъ:

— Простите, сударь... Вы только что обронили изъ кармана эту вещицу.

— А! Въ самомъ дѣлѣ. Очень вамъ благодаренъ.

— Только, если тамъ деньги, будьте любезны пересчитать — не вывалилось-ли что нибудь.

Гость величаво пересчитывалъ. И, если сумма его удовлетворяла, заявлялъ, что все въ порядкѣ. Если же ему казалось, что содержимое бумажника не велико, онъ съ легкой досадой замѣчалъ, что не хватаетъ одной тысячи или двухъ. Недостающія деньги управляющій тотчасъ же восполнялъ съ извиненіемъ за то, что выпавшія ассигнаціи навѣрно подобралъ кто-нибудь изъ приглашенныхъ гостей.

Изъ среды подобныхъ буттербродныхъ талантовъ выходили иногда настоящіе разбойники печатнаго слова. Въ Петербургѣ среди нихъ весьма прославился нѣкій "Графъ Амори", продолжатель чужихъ романовъ.

Когда пресловутая Вербицкая выпустила свой романъ "Ключи Счастья", имѣвшій огромный успѣхъ среди акушерокъ и передовой молодежи, мечтавшей о свободной любви, "Графъ" рѣшилъ принять благосклонное участіе въ этомъ великомъ литературномъ событіи. Прочитавъ оповѣщеніе Вербицкой, что въ скоромъ времени выйдетъ второй томъ ея произведенія, "Графъ" засѣлъ за работу, спѣшно написалъ собственное продолженіе "Ключей Счастья" и издалъ его раньше, чѣмъ это сдѣлала Вербицкая. Точно также поступилъ Графъ Амори и съ Купринымъ, который выпустилъ романъ "Яма" изъ быта продажныхъ женщинъ и сталъ готовить къ печати продолженіе книги.

Пока Купринъ любовно собиралъ новые матеріалы въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ группировались его героини, предпріимчивый графъ не дремалъ. Снова засѣлъ за работу и быстро написалъ второй томъ "Ямы", значительно опередивъ неповоротливаго и медлительнаго Александра Ивановича.

Какимъ литературнымъ стилемъ обладали сотрудники бульварныхъ газетъ, вообразить трудно. Въ Петербургѣ я одно время вырѣзывалъ нѣкоторые шедевры изъ "Петербургскаго Листка" или "Петербурской Газеты". Вырѣзки эти, конечно, пропали. Но кое-что вспоминаю. Напримѣръ, поэтическое сравненіе изъ романа, печатавшагося въ "Петербургскомъ Листкѣ": "Подобно тому, какъ красавица, просыпаясь утромъ, улыбается и обна-

жаетъ рядъ своихъ ослѣпительно-бѣлоснѣжныхъ зубовъ, такъ и красавица Ялта при восходѣ солнца сверкаетъ своими бѣлыми домиками, разбросанными тамъ и сямъ на склонѣ горы."

Таковой была наша бульварная пресса.

На фонѣ честной россійской печати являлась она темнымъ пятномъ; своимъ дурнымъ вкусомъ, своей аморальностью приносила вредъ и читателямъ и доброму имени русскаго журналиста, въ нравственномъ смыслѣ стоявшаго неизмѣримо выше журналистовъ западныхъ. Но справедливость требуетъ отмѣтить, что по крайней мѣрѣ въ политическомъ смыслѣ эти бульварныя газеты были безобидны. Большей частью держались онѣ умѣреннаго направленія, или, вѣрнѣе, никакого направленія; не увлекались никакими утопіями и не стремились мѣнять одинъ государственный строй на другой.

Да и къ чему мѣнять, когда при всякомъ строѣ умѣлый человѣкъ всегда найдетъ для себя чужой буттербродъ?

О счастливомъ строѣ, который долженъ былъ смѣнить монархическій и дать неслыханное благоденствіе всему населенію отечества, заботились уже лѣвыя газеты, сдѣлавшія общественное благо своей монополіей.

ЛѢВАЯ ПЕЧАТЬ

Къ началу міровой войны 1914 года оппозиціонныя и революціонныя издательства захватили въ свои руки почти все печатное дѣло. Не только примитивнымъ крайне-правымъ газетамъ, какъ "Земщина" или "Русское Знамя", но и солиднымъ умѣреннымъ органамъ, въ родѣ "Новаго Времени", "Голоса Москвы", "Кіевлянина" или харьковскаго "Южнаго Края" не подъ силу было противодѣйствовать усиленію революціонной пропаганды.

Соціалисты - революціонеры издавали газету "День", "Мысль", "Народный Вѣстникъ", еженедѣльникъ "Сознательная Россія", журналы "Современникъ", "Образованіе". Они же пріобрѣли газету Юрицина "Сынъ Отечества", поручивъ редакторство Шрайдеру и его помощнику Ганфману. Они же вмѣстѣ съ "народниками" и соціалъ-демократами заполонили журналы "Русское Богатство", "Міръ Божій", "Недѣлю".

"Народно-соціалистическая" партія, во главѣ съ Мякотинымъ и Пѣшехоновымъ, издавала "Народно-соціалистическое Обозрѣніе", "Народный Трудъ", "Трудовой Народъ". Кадеты при помощи нѣкоего Бака основали "Рѣчь", "Современное Слово", работали въ "Русской Мысли", въ "Вѣстникѣ Европы". А лидеры партіи Милюковъ и Винаверъ пытались прибрать къ рукамъ даже полу-бульварную газету "Биржевыя Вѣдомости", но натолкну-

лись на сопротивленіе издателя Проппера. Проп-перъ понималъ, что гораздо выгоднѣе для тиража оставаться на веселой бульварной платформѣ и со-чувствовать скучнымъ кадетамъ, чѣмъ стоять на скучной кадетской платформѣ и только сочувство-вать веселымъ бульварнымъ идеямъ.

Всѣ возникшіе къ тому времени литературно-художественные журналы и сборники, въ родѣ "Знанія" и "Шиповника", тоже принадлежали лѣ-вымъ. Даже такое, казалось бы, нейтральное дѣло, какъ изданіе энциклопедическихъ словарей, оказа-лось въ лѣвыхъ рукахъ. Желѣзнодорожный подряд-чикъ Ефронъ, съѣздивъ въ Лейпцигъ къ Брокгаузу, началъ совмѣстно съ нимъ издавать самый боль-шой въ Россіи энциклопедическій словарь съ явно лѣвой тенденціей. Точно также лѣвый книгоизда-тель Ф. Павленковъ, начавшій свою дѣятельность съ выпуска полнаго собранія сочиненій Писарева и одно время сидѣвшій въ ссылкѣ въ Вяткѣ за ре-волюціонныя убѣжденія, выпустилъ свой словарь небольшаго размѣра, имѣвшій огромный успѣхъ.

Вся эта лѣвая и оппозиціонная пресса непре-рывно обрабатывала русское общественное мнѣніе со временъ первой неудавшейся революціи до ре-волюціи второй, очень удавшейся. Почва для та-кой обработки, нужно сказать, была весьма подхо-дящей. Съ одной стороны существованіе Государ-ственной Думы, въ которой думали не очень много, но зато много говорили, причемъ говорили без раз-

мышленія о томъ, къ чему слова приведутъ; а съ другой стороны — отсутствіе у правительственной власти сознанія того, что въ странѣ установленъ представительный образъ правленія и что съ нимъ надо честно считаться, а не играть въ прятки.

Самымъ-же главнымъ благопріятнымъ обстоятельствомъ для лѣвой пропаганды была врожденная любовь русскаго интеллигентнаго человѣка къ оппозиціи, къ кому бы то ни было и къ чему бы то ни было, особенно если такая оппозиціонность остается болѣе или менѣе безнаказанной. Въ наши времена въ оппозиціи другъ къ другу были всѣ: дѣти къ отцамъ, зятья къ тещамъ, предсѣдатели окружныхъ судовъ къ губернаторамъ, губернаторы къ архіереямъ, чиновники къ своему начальству, дьяконы къ священникамъ, гимназисты къ директорамъ, и вообще — всѣ подчиненные ко всѣмъ тѣмъ, кому приходилось подчиняться.

Ясно, что объектомъ этой россійской склонности сдѣлалась прежде всего высшая правительственная власть. Оппозиціи правительству не могъ избѣгнуть иногда даже тотъ, кто противъ правительства ничего не имѣлъ, но съ любопытствомъ слѣдовалъ модѣ, чтобы посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ. На революціонную пропаганду откликались не только люди лѣвыхъ взглядовъ, но даже нѣкоторые правые, по природѣ ворчуны и брюзги, страдавшіе болѣзнью печени или несвареніемъ желудка. Даже женщины въ большомъ количествѣ

примыкали къ оппозиціи, и не только курсистки, зубныя врачихи, но свѣтскія дамы, съ увлеченіемъ читавшія отчеты о бурныхъ засѣданіяхъ Думы и смотрѣвшія на столкновенія партій какъ на пикантные скандалы во всероссійскомъ масштабѣ.

Кромѣ всего перечисленнаго было еще одно обстоятельство, значительно облегчавшее революціонную пропаганду въ странѣ. Кромѣ оппозиціи снизу вверхъ, отъ подчиненнаго къ начальствующему, или отъ одного вѣдомства къ другому, быстрые успѣхи стала у насъ дѣлать и оппозиція членовъ сословія к своему же сословію, или членовъ соціальнаго класса къ своему же классу. Дворяне были недовольны тѣмъ, что они дворяне, купцы — что они купцы. Петрункевичи не считали заманчивымъ оставаться въ одном сословіи съ Пуришкевичемъ; князей Долгоруковыхъ не услаждалъ ихъ титулъ при видѣ князя Мещерскаго. Купцамъ Морозовымъ были не по душѣ Прохоровы, Прохоровымъ - Рябушинскіе. Всѣмъ захотѣлось новой модной безсословной жизни, чтобы не встрѣчаться съ нежелательными людьми на общихъ собраніяхъ.

Мечта о томъ блаженномъ будущемъ времени, когда мужичка нельзя будетъ отличить отъ дворянина, дворянина отъ купца, купца отъ покупателя, а промышленника отъ потребителя — охватила многіе умы малаго и средняго калибра. И революціонная печать съ радостью подхватила эту мечту. Правда, въ первое время послѣ прелестей 1905-го

года подавляющее большинство россійскаго населенія революціи не хотѣло, а желало только реформъ. Поэтому крайне-лѣвыя газеты имѣли ничтожный тиражъ, не окупали типографскихъ расходовъ и должны были питаться денежной помощью извнѣ. Въ такомъ же положеніи были и многія изданія болѣе умѣреннаго, опозиціоннаго направленія. Но тѣ, кому революція была нужна, не дремали. И для подогрѣванія необходимаго настроенія начали появляться своеобразные меценаты: изъ русской среды обработанные революціонерами купцы, типа Морозовыхъ, не желавшіе быть купцами, богатые дворяне, не желавшіе оставаться дворянами; состоятельные россійскіе самостійники, не желавшіе считаться русскими; и затѣмъ — многочисленные еврейскіе банковскіе, промышленные и общественные дѣятели: Лѣсины, Животовскіе, Гринберги, Гуревичи, Гликманы, Сліозберги, Грузенберги и прочіе.

Изъ всѣхъ этихъ жертвователей наибольшимъ умомъ и сознаніемъ того, что они дѣлаютъ, обладали, конечно, евреи. Неумѣлая политика россійскихъ правительствъ въ еврейскомъ вопросѣ ничего другого, какъ революціонизированіе еврейскихъ массъ, дать не могла. Ожидать лойяльности отъ подданныхъ, которыхъ дѣлаютъ гражданами второго сорта, едва ли было логично.

И если кѣмъ надо было по справедливости возмущаться въ тѣ времена, то вовсе не революці-

онными меценатами Лѣсиными, Животовскими и Гринбергами, а тѣми полноправными истинно-русскими людьми, которые обладали огромными состояніями, отъ своего государственнаго строя ничего кромѣ хорошаго не видѣли, и въ то же время на противодѣйствіе революціонной пропагандѣ не пожертвовали ни гроша. Чтобы не огорчать упреками ихъ самихъ, если они еще живы, или ихъ дѣтей, влачащихъ жалкое существованіе въ эмиграціи, не будемъ называть именъ. Но сколько было въ Россіи такихъ патріотически настроенныхъ магнатовъ, владѣльцевъ необозримыхъ латифунцій, богатѣйшихъ купцовъ и промышленниковъ, передъ которыми Животовскіе, Гринберги, Гликманы казались бѣдняками? И кто изъ нихъ пожертвовалъ что-либо на развитіе и усиленіе національной печати? Кто открылъ хотя бы одну большую правую газету съ привлеченіемъ опытныхъ и солидныхъ сотрудниковъ?

Знали мы не мало счастливыхъ держателей русскаго золота, по направленію правыхъ, иногда титулованныхъ, иногда даже съ двумя титулами одновременно; знали именитыхъ купцовъ, съ первогильдейскими именами. Тѣ и другіе частенько отдыхали заграницей. Одни — устраивали въ Парижѣ оргіи съ первоклассными кокотками, метали передъ ними жемчугъ для демонстрированія широкой русской натуры; впослѣдствіи, въ эмиграціи, писали даже объ этомъ мемуары во славу рус-

скаго имени. Другіе — везли свои милліоны въ Монте Карло, проигрывали ихъ въ рулетку, чтобы впослѣдствіи за эти подвиги получать пенсію отъ Монакскаго княжества. . .

А Животовскіе, Лѣсины, Гринберги тѣмъ временемъ жертвовали, жертвовали. И въ концѣ концовъ, сдѣлали изъ упомянутыхъ патріотовъ достойныя жертвы.

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ.

Развивая свою дѣятельность, оппозиціонная и революціонная печать успѣшно обрабатывала русское общество.

Въ представленіи передовыхъ интеллигентовъ патріотизмъ сталъ уже понятіемъ опаснымъ и вреднымъ, тормазомъ въ движеніи страны къ лучшему будущему. Слово "патріотъ" пріобрѣло неприличный характеръ, употреблялось только въ кавычкахъ, какъ символъ чего-то презрѣннаго. На каждаго политически-праваго наклеивался ярлыкъ черносотенца; каждый консерваторъ былъ зубромъ.

Имѣя въ Государственной Думѣ, въ земскихъ и во многихъ городскихъ самоуправленіяхъ большинство, радикальная интеллигенція постепенно становилась главной моральной силой Россіи.

При разслоеніи прежнихъ сословій включила

она въ себя представителей разныхъ классовъ — отъ аристократіи до выходцевъ изъ крестьянской среды. При ослабленіи монархической власти естественно считала себя преемницей правящаго слоя, готовя кандидатовъ въ руководители россійской политики. И какія блестящія перспективы рисовались интеллигентамъ въ ихъ мечтѣ о будущихъ временахъ, когда изъ оппозиціи перейдутъ они къ творческой работѣ по созиданію новой Россіи, когда вся законодательная и исполнительная власть перейдетъ въ ихъ справедливыя руки!

Это должно было быть замѣчательнымъ зрѣлищемъ. Историческимъ фейерверкомъ таланта, знанія, опыта, высочайшихъ идеаловъ — на показъ всему цивилизованному міру.

И, какъ мы помнимъ, подобное время обнаруженія талантовъ пришло скоро: уже черезъ нѣсколько лѣтъ.

Нужно, однако, воздать должное нашей интеллигенціи той эпохи — и правой, и лѣвой: не по политическому признаку, а по моральнымъ качествамъ это была самая благородная и лучшая интеллигенція въ мірѣ. Точнѣе говоря, она вообще оказалась единственной въ своемъ родѣ, такъ какъ нигдѣ на Западѣ образованные люди не объединялись въ такой своеобразный внѣсословный и внѣпрофессіональный классъ.

Въ главной массѣ своей интеллигенты были прекраснодушны, идейно-честны, возвышенны въ

мысляхъ. Впитавъ въ себя широту и глубину православнаго міроощущенія, они, даже будучи не православными и даже невѣрующими, стремились къ осуществленію демократическихъ идеаловъ не въ западномъ смыслѣ — для пользы и удобства свободныхъ гражданъ, — а съ нѣкоторымъ религіознымъ оттѣнкомъ, дѣлая изъ свободы, равенства, братства догматы соціально-моральнаго свойства. Поэтому и въ рѣчахъ своихъ нерѣдко казались они не простыми представителями той или иной партіи, а миссіонерами; а на банкетахъ, стоя передъ чашкой съ кофе и рюмкой съ коньякомъ говорили такъ, будто произносятъ слово съ амвона.

Наша литература дала русскому народу весьма отвѣтственное званіе: народъ-богоносецъ. По отношенію ко всѣмъ слоямъ населенія выдача подобнаго паспорта была не совсѣмъ справедливой. Какъ извѣстно, и правящіе круги, и рабочіе и мужички оказались въ критическій послѣдующій періодъ нашей исторіи далеко не богоносными. Во времена революціи массы крестьянъ и рабочихъ были похожи на богоносцевъ такъ же мало, какъ въ средніе вѣка банды, грабившія Византію, мало походили на крестоносцевъ.

А если нѣкоторые признаки богоносности у насъ все-же можно было найти, то прежде всего у интеллигенціи. Хотя и заблуждаясь, хотя и неумѣло, а иногда даже противъ соизволенія Божьяго, она несла Бога въ душѣ. Ея дѣленіе на правыхъ,

на умѣренныхъ, на лѣвыхъ происходило не по линіи выгоды или устроенія личнаго благополучія, а въ большинствѣ случаевъ чисто идейно, съ благородной мечтательностью. Безъ сомнѣнія многіе интеллигенты нашего времени вели свое духовное происхожденіе отъ Манилова, черезъ его подросшаго образованнаго Фемистоклюса, хорошо знавшаго городъ Парижъ.

Чутко воспринимая всѣ вѣянія въ политической и соціально-экономической области, интеллигенція стремилась развить въ себѣ чуткость вообще ко всему новому, модному, и, готовясь къ роли правящаго класса, спѣшно расширяла свои горизонты. Нѣкоторые, подъ водительствомъ Мережковскаго, старались воспитать духъ на засѣданіяхъ Религіозно-философскаго Общества усиленнымъ богоискательствомъ, пытаясь уловить присутствіе внѣцерковнаго общаго Бога на диспутахъ и въ чтеніи протоколовъ предыдущихъ собраній; другіе, болѣе поверхностные, готовились къ будущей руководящей роли въ странѣ на спиритическихъ сеансахъ въ волосолѣчебницѣ на Невскомъ Проспектѣ при содѣйствіи медіума Гузика; третьи уходили съ головой въ изученіе образцовъ западныхъ демократій, мучительно обдумывая, что лучше примѣнить въ будущей Россіи: неписанную англійскую конституцію, или писанную французскую. Четвертые черпали духовныя силы для дѣятельности въ новыхъ теченіяхъ литературы, живописи, музыки.

А въ этой послѣдней области ломка отжившаго стараго, дѣйствительно, шла полнымъ ходомъ, и отставать отъ нея передовому человѣку было немыслимо. Подобно тому, какъ въ политической жизни рушились остатки былого самодержавія императоровъ Николая Павловича и Александра Третьяго, такъ въ области высшей культуры исчезало и самодержавіе Пушкина, Гоголя, Тургенева — подъ давленіемъ новыхъ художественно-демократическихъ образцовъ.

Пушкинъ — примитивенъ, баналенъ. Тургеневъ — устарѣлъ. Достоевскій — писатель криминальныхъ романовъ. Въ живописи не только "Передвижники", но и "Міръ Искусствъ" —пересталъ отвѣчать утонченному вкусу. Интеллигенты благоговѣйно внимали Валерію Брюсову, обѣщавшему, что его новыя книги будутъ гигантской насмѣшкой надъ человѣческимъ родомъ, что въ нихъ "не будетъ никакого здраваго смысла". А любители звуковыхъ переливовъ въ поэзіи цитировали Федора Сологуба:

"Лила, лила, лила, качала
Бокалы тѣльнаго стекла,
Бѣлѣй лилей, алѣе лала
Была бѣла ты и ала."

Однако, декаденты и символисты были довольно умѣрены. Въ литературѣ и въ живописи они соотвѣтствовали кадетскимъ оппозиціонерамъ въ политикѣ. Соціалистамъ же — эсерамъ, эсдекамъ и

большевикамъ — новые поэты и художники могли показать свое духовное сродство только полнымъ революціонизированіемъ формъ и содержанія искусства. И въ результатѣ появились футуристы, эгофутуристы, представители "заумнаго" творчества.

Помню — передъ самой войной — незабываемый вечеръ, данный Маяковскимъ и его сподвижниками въ залѣ Тенишевскаго училища. Нарядившись въ желтую кофту и приколовъ къ костюму цвѣтокъ совсѣмъ не въ надлежащемъ мѣстѣ, Маяковскій декламировалъ какой-то изъ своихъ поэтическихъ шедевровъ, кажется, это:

Восемь,
Девять,
Десять.
Вотъ и вечеръ.
Въ ночную жуть
Ушелъ отъ оконъ
Хмурый Декабрій"...

Затѣмъ, послѣ Маяковскаго, основатель литературнаго Общества "317" Хлѣбниковъ декламировалъ:

"Бобэоби пѣлись губы,
Вээоми пѣлись взоры,
Піээо пѣлись брови,
Ліэээ пѣлся обликъ."

Вслѣдъ за Хлѣбниковымъ выступилъ нѣкто, кажется, Крученыхъ, уже окончательно лѣвый, судя по стихотворенію, начинавшемуся такими словами:

"Убещуръ
Скумъ, скумъ,
Вы-ско-бу."

Въ общемъ, все это было прекрасно, искренно, задушевно, нисколько не напоминая Пушкина, и потому награждалось дружными апплодисментами. Однако, что оказалось самымъ замѣчательнымъ и знаменательнымъ на футуристическомъ вечерѣ, это — заключительное слово самого Маяковскаго. Подойдя къ рампѣ, онъ обвелъ присутствовавшихъ презрительнымъ взглядомъ и произнесъ:

— Господа! Мы, новые поэты, плевать хотимъ на васъ и вообще на всю публику!

Трудно передать тѣ оваціи, которыя явились отвѣтомъ на эти проникновенныя слова оратора. Только нѣсколько человѣкъ смущенно улыбалось, принимая выступленіе Маяковскаго за милую шутку. Всѣ же остальные бѣшенно апплодировали, ревѣли отъ восторга и даже кричали "бисъ". Чувствовалось, что контактъ между эстрадой и зрительнымъ заломъ установленъ вполнѣ и что русская интеллигенція всей душой идетъ навстрѣчу своей новой литературѣ.

Подобный контактъ наблюдалъ я въ тѣ же времена и на выставкахъ художниковъ-футуристовъ или кубистовъ. Одна выставка носила поэтическое названіе "Ослиный Хвостъ"; другая, наоборотъ, названіе строго-научное, кубистическое: "0-10". Нужно было видѣть то священное благоговѣніе, съ

которымъ утонченные интеллигенты обходили залы съ картинами Бурлюковъ и прочихъ мастеровъ "Ослинаго Хвоста", останавливались передъ полотнами и старались среди разноцвѣтныхъ мазковъ и наудачу разбросанныхъ контуровъ отыскать "Автопортретъ", "Натюръ Мортъ" и "Ночь на Волгѣ".

А послѣ подобныхъ литературныхъ вечеровъ и художественныхъ выставокъ тѣхъ же изысканныхъ интеллигентовъ можно было встрѣтить ночью въ кабачкѣ "Бродячей Собаки", гдѣ новая литература и новая живопись заѣдались севрюжиной съ хрѣномъ.

"Русскій народъ иногда бываетъ ужасно неправдоподобенъ", говорилъ Достоевскій. Но это едва-ли вѣрно по отношенію къ простому народу. И рабочіе и мужички были очень правдоподобны, знали, чего хотятъ. А вотъ интеллигенція, дѣйствительно, отличалась нѣкоторымъ неправдоподобіемъ. Въ мечтахъ своихъ металась отъ богоискательства къ марксизму, отъ конституціи къ футуризму, отъ футузима къ севрюжинѣ съ хрѣномъ; была идейна, любвеобильна, образована, даже умна.

Однако, умна как-то странно. Приблизительно такъ, какъ это въ нѣсколько грубой формѣ опредѣлилъ толстовскій мужикъ:

— Баринъ нашъ человѣкъ умный, но умъ то у него дуракъ".

ЗНАКОМСТВО СЪ ДЕРЕВНЕЙ.

Передъ самой войной работы у меня въ "Новомъ Времени" было много. Кромѣ писанія очередныхъ фельетоновъ и разсказовъ, приходилось редактировать въ газетѣ "Отдѣлъ внутреннихъ извѣстій", въ которомъ печатались корреспонденціи со всѣхъ концовъ Россіи и провинціальная хроника. Попутно съ этимъ редактировалъ я и литературно-художественный журналъ "Лукоморье", открытый по моей иниціативѣ издательствомъ А. С. Суворина.

Вся эта работа была интересной, но "Отдѣлъ внутреннихъ извѣстій" иногда тяготилъ. Не потому, что было лѣнь имъ заниматься, а потому, что въ присылавшихся корреспонденціяхъ съ мѣстъ часто затрагивался вопросъ о положеніи русской деревни, о земскихъ нуждахъ, о сельско-хозяйственной экономикѣ, — а къ занятію этимъ у меня не было склонности. Всю молодость свою посвятивъ математикѣ, астрономіи и философіи, я какъ-то не успѣлъ ознакомиться съ мелкой земской единицей, съ чрезполосицей, съ Крестьянскимъ Банкомъ и прочими мало интересовавшими меня вещами. Да и практически я русскую деревню совсѣмъ не зналъ. Дѣтство свое провелъ на Кавказѣ, въ студенческіе годы жилъ исключительно въ городахъ, лѣтомъ къ родственникамъ или къ знакомымъ помѣщикамъ не ѣздилъ. И потому для меня русскій крестьянинъ былъ какимъ-то таинственнымъ незна-

комцемъ, о которомъ справа и слѣва мнѣ разсказывали много легендъ, но котораго я лично видѣлъ очень рѣдко, главнымъ образомъ тогда, когда онъ со своей телѣгой появлялся на городскихъ улицахъ.

Подобное невѣжество, конечно, меня угнетало, но все же не приводило въ отчаяніе. Я утѣшалъ себя мыслью, что многіе горожане-интеллигенты, не только правые, но даже лѣвые, и даже народники, и даже соціалисты - революціонеры, были въ такомъ же положеніи какъ я. И, дѣйствительно, едва ли многіе петербургскіе и московскіе журналисты изъ лѣваго лагеря, особенно изъ профессоровъ, писавшіе статьи объ ужасномъ положеніи крестьянства, знали это крестьянство лучше меня.

Да и когда намъ, горожанамъ-интеллигентамъ, занятымъ своимъ повседневнымъ дѣломъ, можно было ознакомиться съ загадочнымъ крестьянскимъ племенемъ, которое на выставки футуристовъ не ходило, въ славянофильскихъ кружкахъ не участвовало и на засѣданіяхъ религіозно-философскаго общества не присутствовало?

Въ общей массѣ своей знали мы мужичка главнымъ образомъ по литературнымъ типамъ: Хорь и Калинычъ, Касьянъ съ Красивой Мечи, Акимъ изъ "Власти Тьмы", персонажи изъ "Деревни" Бунина. Затѣмъ стихотворенія: "Что ты спишь, мужичекъ", "Ну, тащися, Сивка"...

А, вдобавокъ къ этому, наблюдали мы деревню изъ вагона желѣзной дороги. Мощный локомотивъ

экспресса несетъ изъ Петербурга или изъ Москвы къ далекимъ окраинамъ. Кругомъ — зимнія снѣжныя равнины. Или лѣтнія золотыя поля. Вдали, тамъ и сямъ — деревушки, солома на крышахъ, высокіе журавли колодцевъ, сѣрые стога сѣна. За одинъ, два дня переѣзда, возлѣ желѣзнодорожнаго полотна смѣна почвы, на которой зиждется народное хозяйство: песокъ, черноземъ, суглинокъ. . .

И, наконецъ, встрѣчались мы, городскіе интеллигенты, съ мужиками и бабами на дачахъ во время лѣтняго отдыха. Покупали у нихъ молоко, грибы, малину. Бесѣдовали съ ними, толковали о благодѣтельности интенсивной культуры; а они сочувственно кивали головами, вздыхали и говорили:

— Оно — то, должно быть, хорошо. Только не знаемъ мы, что это такое.

Разумѣется, мнѣ для веденія провинціальнаго Отдѣла нужно было поглубже ознакомиться съ крестьянскимъ вопросомъ. И я пользовался каждымъ случаемъ, когда ко мнѣ въ Отдѣлъ заглядывали земскіе или административные дѣятели, пріѣзжавшіе въ Петербургъ и по разнымъ поводамъ посѣщавшіе нашу редакцію.

Довольно часто, напримѣръ, бывалъ у меня губернаторъ Кошура-Масальскій, человѣкъ очень словоохотливый, хорошо знавшій жизнь своего района. Но о крестьянахъ ему было говорить неинтересно. Начнешь его разспрашивать, а онъ уклонится въ сторону и старается разсказать какую-нибудь

веселую исторію изъ административной практики.

— Вотъ, пріѣхалъ я какъ-то разъ въ одинъ изъ своихъ уѣздовъ, — повѣствуетъ онъ, — и на вокзалѣ, понятно, встрѣчаетъ меня исправникъ. Объѣхали мы съ нимъ тѣ учрежденія, которыя я хотѣлъ осмотрѣть, и когда офиціальная часть поѣздки окончилась, смущенно обращается онъ ко мнѣ и говоритъ:

— Ваше Превосходительство! Я и жена моя почтемъ за большую честь, если вы отобѣдаете у насъ. Жена насчетъ всякихъ блюдъ великая мастерица. Мы были бы весьма счастливы. . .

— Благодарю васъ, съ удовольствіемъ, — отвѣчаю я. — Только мнѣ нужно сначала сдѣлать кое-какіе визиты. А въ которомъ часу вы обѣдаете?

— Если вамъ удобно, въ три часа. Это здѣсь обычное время. Когда дѣти приходятъ изъ гимназіи.

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Только простите, если немного задержусь. Надѣюсь, вы мнѣ дадите каръ д-еръ де грасъ?

— Каръ д-еръ де грасъ? — съ нѣкоторой тревогой переспросилъ онъ. — О, обязательно, ваше превосходительство! Постараюсь.

Отпустилъ я исправника, поѣхалъ дѣлать визиты. И опоздалъ къ обѣду какъ разъ на четверть часа, какъ предупреждалъ. Столъ былъ заставленъ закусками; изъ кухни доносился трескъ горящихъ дровъ, шелъ запахъ чего-то вкуснаго жаренаго, чего-то вкуснаго вареннаго. Обѣдъ оказался прекрас-

нымъ. А когда, къ концу обѣда, подали кофе, и хозяйка вытащила изъ буфетнаго шкапа нѣсколько бутылочекъ съ ликеромъ и поставила на столъ, исправникъ сконфуженно обратился ко мнѣ:

— Простите, ваше превосходительство, но, къ сожалѣнію, никакъ не могъ удовлетворить ваше желаніе. Цѣлый часъ бѣгалъ по всѣмъ магазинамъ, спрашивалъ ликеръ "каръ д-еръ де грасъ", но ни у кого нѣтъ. Бенедиктинъ есть, абрикотинъ есть, какао шуа — тоже. А, вотъ, каръ д-еръ де грасъ не имѣется. Необразованная у насъ публика!

Вообще любопытныхъ эпизодовъ и анекдотовъ разсказывали мнѣ не мало пріѣзжавшіе изъ провинціи дѣятели. Но отъ этого, какъ и отъ дачной малины или грибковъ, знакомство съ русской деревней расширялось у меня очень мало. Только передъ самой войной сталъ я по присылавшимся корресспонденціямъ и по разсказамъ прибывавшихъ въ Петербургъ помѣщиковъ замѣчать, что положеніе в деревнѣ становится болѣе напряженнымъ, что агитація народниковъ и революціонеровъ-соціалистовъ приноситъ плоды. Очевидно, тургеневскіе наивные Неждановы стали теперь болѣе опытными.

А однажды и самъ Кошура Масальскій, снова пріѣхавъ въ Петербургъ, разсказалъ мнѣ, вмѣсто очередной забавной исторіи, объ одномъ тревожномъ случаѣ въ его губерніи. Нѣкій простодушно-либеральный помѣщикъ рѣшилъ подарить сосѣднимъ крестьянамъ участокъ земли, входившій клиномъ въ

ихъ владѣнія. Поѣхалъ онъ въ городъ, юридически оформилъ даръ, объявилъ мужикамъ о своемъ благородномъ поступкѣ. А черезъ двѣ недѣли прискакалъ этотъ жертвователь къ губернатору за помощью. Оказывается, крестьяне подняли бунтъ, стали грозить своему благодѣтелю тѣмъ, что разнесутъ его усадьбу, если онъ не предоставитъ имъ все имѣніе цѣликомъ. — "Царь, — говорили они, — приказалъ, чтобы всѣ помѣщики передали мужичкамъ свои земли, а этотъ мошенникъ царскій приказъ утаилъ, небольшую часть имѣнія отдалъ, а все остальное присвоилъ себѣ".

Какъ ни печально, но пожить нѣкоторое время въ русской деревнѣ и лично ознакомиться съ настроеніями крестьянъ мнѣ такъ и не пришлось. Не было времени. Одинъ разъ только представился случай, да и то — какой это былъ случай!

Непріятно даже вспоминать.

Командировали меня однажды въ Кіевъ для обслѣдованія вопроса объ украинскомъ сепаратизмѣ. Самостійники вели тогда усиленную пропаганду; "мова" Грушевскаго настойчиво рекламировалась австрійскими агентами среди малороссійской интеллигенціи; въ Кіевѣ открыто распространялась самостійная литература съ историческими справками объ исконной независимости Украины, съ этнографическими указаніями на бездну различій между москалями и хохлами, съ приложеніемъ географическихъ картъ, на которыхъ самостоятельное

украинское государство должно занимать весь югъ Россіи отъ Карпатъ до Волги, включая по пути Крымъ и Сѣверный Кавказъ.

Вотъ, во время этого пребыванія въ Кіевѣ, я и рѣшилъ посвятить одинъ день на ознакомленіе съ украинской деревней, отправился съ визитомъ къ дальнимъ родственникамъ - помѣщикамъ, жившимъ въ десяти верстахъ отъ Боярки.

Вылѣзъ я изъ поѣзда въ Бояркѣ, нанялъ какой-то допотопный экипажъ съ хохломъ возницей и двинулся въ путь.

Дѣло было лѣтомъ. Кругомъ колыхались хлѣба, — не знаю что: пшеница или рожь; въ университетѣ я ихъ не проходилъ. Кое-гдѣ возвышались деревья, гдѣ-то вдали виднѣлись рощи. Вспомнилъ я гоголевское "Степи, какъ вы хороши", и согласился, что Гоголь правъ. Хотя теперь уже не степи, а обработанныя поля, все равно — хороши.

Возница мой съ безразличнымъ видомъ сидѣлъ впереди и лѣниво помахивалъ кнутомъ. Проѣхали мы съ нимъ около пяти верстъ; и мнѣ, наконецъ, стало неловко. Нельзя же не сказать ни слова своему спутнику за всю дорогу! Еще, чего добраго, обидится, подумаетъ, что я, баринъ, пренебрегаю его скромнымъ обществомъ.

Предлогъ для разговора представился. Откуда то со стороны, не то изъ оврага, не то изъ рощи, сталъ до насъ доноситься странный звукъ: "у-у-у." Кричало какое-то незнакомое мнѣ существо, оче-

видно, деревенское, украинское. Я прислушался. Крикъ повторился: "у-у-у".

— Скажите, пожалуйста, — стараясь подчеркнуть свое интеллигентское уваженіе къ крестьянскому званію, съ изысканной любезностью спросилъ я. — Вы не знаете, случайно, какая это птица кричитъ?

Возница мрачно покосился на меня и ничего не отвѣтилъ.

— Скажите, пожалуйста, — повторилъ я вопросъ. — Какая это птица кричитъ?

Возница на этотъ разъ рѣшилъ уже отвѣтить. Однако, отвѣтилъ не сразу. Нѣкоторое время посидѣлъ не двигаясь на мѣстѣ; затѣмъ сплюнулъ всторону, на дорогу, слѣдя за траэкторіей своего плевка; и послѣ этого медленно сталъ поворачиваться въ мою сторону.

— Птиця? — съ суровымъ презрѣніемъ проговорилъ, наконецъ, онъ. — Яка-жъ це птиця? Це — жаба!

Приблизительно двѣ версты проѣхали мы, пока я пришелъ въ себя отъ смущенія. Какая глупость! Не умѣть отличить лягушки отъ птицы! Слава Богу, на своемъ вѣку лягушекъ я слышалъ и видѣлъ не мало.

По обѣ стороны хлѣба уже кончились. Прошелъ участокъ голой земли, очевидно, какъ говорится, подъ паромъ. А затѣмъ началась, по-моему, настоящая гоголевская степь. Вся усѣянная травой съ

прелестными розовато-фіолетовыми цвѣточками.

— Скажите, пожалуйста, — стараясь загладить наивность предыдущаго вопроса, снова заговорилъ я. — Вы не можете мнѣ сказать, что это за трава растетъ здѣсь?

— Трава? — уже не поворачивая головы, точно обращаясь къ лошади, переспросилъ возница. — Яка трава?

— А вотъ эта...

— Трава! Да це-жъ гречиха!

Послѣднія три версты мы оба проѣхали молча. Почему-то не хотѣлось говорить ни ему, ни мнѣ.

Родственники искренно обрадовались моему неожиданному визиту, засадили за столъ, стали съ мѣста въ карьеръ поить и кормить настойками, соленьями, вареньями, наливками; послѣ этого — завтракомъ; послѣ завтрака чаемъ; послѣ чая обѣдомъ, опять съ настойками, соленьями, вареньями, печеньями.

Мнѣ очень хотѣлось вырваться изъ заколдованнаго круга ѣды, чтобы пройтись по деревнѣ, впитать въ себя запахъ чернозема и слегка ознакомиться съ крестьянскимъ вопросомъ. Но, къ сожалѣнію, послѣ завтрака пріѣхалъ изъ города маклеръ, которому хозяйка помѣщица продавала свой хлѣбъ. И мнѣ пришлось сидѣть со всѣми въ столовой до самаго отъѣзда.

— Вотъ, дорогой мой, — сказала хозяйка мнѣ, — прошу любить и жаловать нашего Соломона

Ильича. Хотя онъ и еврей, но, какъ исключеніе, прекрасный честнѣйшій человѣкъ. Я ему вѣрю какъ самой себѣ. А это, Соломонъ Ильичъ, — обратилась она съ любезной улыбкой къ гостю, — особенно цѣнно, потому что я страшная антисемитка.

— Охъ, охъ, — съ шутливымъ вздохомъ отвѣтилъ маклеръ. — Что вы жидоѣдка, это всѣ знаютъ. Только послушайте, мадамъ, что я вамъ скажу. Между всѣми русскими антисемитами вы не встрѣтите ни одного человѣка, у котораго не былъ бы, какъ исключеніе, хотя бы одинъ пріятель еврей. Ну, а теперь возьмите арифметику и посчитайте. Въ Россіи сколько всѣхъ чисто русскихъ людей? Сто милліоновъ? А евреевъ сколько? Шесть? Такъ если у каждаго изъ васъ есть исключительный честный еврей-другъ, значитъ всѣ мы ваши друзья и всѣ мы исключительно честные!

Подобнымъ образомъ соприкоснувшись съ населеніемъ малороссійской деревни, я поздно ночью вернулся въ Кіевъ.

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ.

Итакъ, изъ-за слабаго знакомства съ земскимъ дѣломъ, я тяготился веденіемъ Отдѣла внутреннихъ извѣстій. Зато редактированіе литературно-

художественнаго журнала "Лукоморье" было мнѣ по душѣ.

Суворинское издательство не жалѣло на журналъ средствъ, платило сотрудникамъ высокій гонораръ; "Лукоморье" издавалось богато, на прекрасной бумагѣ, съ репродукціями въ краскахъ картинъ современныхъ художниковъ и съ печатаньемъ собственныхъ художественныхъ оригиналовъ.

Въ силу того, что мы въ этомъ дѣлѣ избѣгали всякой политики, сотрудниками журнала оказались люди разныхъ направленій, исключая крайне-лѣвыхъ. Работали у насъ Венцель, Волконскій, Сергѣй Городецкій, Гумилевъ, Анна Ахматова, Кузьминъ, Георгій Ивановъ, Савватій и многіе другіе.

Каждую недѣлю, послѣ выхода очередного номера, собирались мы въ своемъ помѣщеніи при редакціи "Новаго Времени". Со стороны либеральныхъ сотрудниковъ это было довольно мужественно: появляться въ изданіи газеты, преданной анаѳемѣ революціоннымъ общественнымъ мнѣніемъ. Однако, они шли на рискъ. И это показывало, что будь у національнаго лагеря достаточное количество меценатовъ для выпуска солидныхъ изданій, русская литература не оказалась бы на службѣ у революціи.

На еженедѣльныхъ собраніяхъ нашего "Лукоморья" бывало оживленно и весело. Обсуждались темы, читались стихи. Гумилевъ, мечтательной

природѣ котораго была скучна обычная цивилизованная жизнь, уходилъ мыслью въ экзотику, или въ эпоху конквистадоровъ; Савватій — въ литературѣ мужчина, а въ жизни женщина — приносила разсказы, очень часто построенные на скрытой порнографіи, съ чѣмъ я нещадно боролся; Георгій Ивановъ, который впослѣдствіи, въ эмиграціи, поносилъ "Новое Время", посѣщалъ редакцію очень охотно. . .

А жизнерадостный пожилой князь Волконскій, одинъ изъ сотрудниковъ "Кривого Зеркала", былъ на нашихъ собраніяхъ душою общества. Приносилъ обыкновенно какіе-нибудь юмористическіе пустяки, иногда очень милые. И декламировалъ, напримѣръ:

"Ахъ, не всякій тотъ садистъ,
Кто въ саду своемъ гуляетъ,
И не всякій тотъ артистъ,
Артишоки кто сажаетъ.
Лѣвый нынѣшній не левъ
И неправъ бываетъ правый. . ."

И такъ далѣе. Декламируетъ, декламируетъ, до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не запротестуетъ и не скажетъ:

— Довольно, князь.

Давалъ намъ въ "Лукоморье" свои расказы и Купринъ. Но получить ихъ было не легко. Подобное дѣло сопровождалось иногда тяжелыми осложненіями.

Какъ-то разъ попросилъ я секретаря Влагина отправиться къ Куприну въ Гатчину и взять у него разсказъ, который тотъ давно обѣщалъ намъ. Секретарь поѣхалъ въ Гатчину какъ разъ въ день нашего еженедѣльнаго собранія и обѣщалъ къ вечеру вернуться и сообщить о результатахъ поѣздки.

Собрались мы въ девять часовъ, но секретарь не явился. Ждемъ часъ — его нѣтъ. Берусь я за телефонную трубку, звоню къ Влагину на квартиру. Сначала долго не отвѣчаютъ, а затѣмъ слышу — кто-то возится у аппарата, сопитъ и кряхтитъ.

— Маркъ Николаевичъ, вы? — спрашиваю.

— Охъ... Я.

— Мы васъ ждемъ. Почему не приходите на собраніе?

— Уббирайтесь къ чорту!

Голосъ у него странный, неузнавамый. Вмѣсто обычнаго пріятнаго баритона сиплый надтреснутый басъ.

— То-есть, какъ къ чорту? Вы у Куприна были?

— Ббб... былъ.

— Давно вернулись?

— Ттт... только что.

— И что же?

— Тттошнитъ. И — гггoлова...

Понявъ, что Маркъ Николаевичъ пьянъ, но узнавъ изъ дальнѣйшихъ переговоровъ, что разсказъ,

все-таки, полученъ, я прошу незадачливаго секретаря поставить будильникъ, поспать часа полтора, а затѣмъ прійти съ разсказомъ на собраніе; благо жилъ онъ совсѣмъ недалеко отъ редакціи.

Къ двѣнадцати часамъ Влагинъ явился.

Лицо было зеленое, голова взлохмаченная, глаза красные. Такъ какъ обычно онъ никогда ничего не пилъ, видъ у него былъ такой, будто человѣкъ перенесъ тяжелую болѣзнь.

— Ну, что? Ну, какъ? — начали мы разспрашивать.

И онъ разсказалъ:

— Это было что-то ужасное. Пріѣхалъ я въ Гатчину около трехъ часовъ, отправился къ Куприну на квартиру, позвонилъ. И послѣ нѣсколькихъ звонковъ открываетъ дверь онъ самъ. По его виду догадываюсь, что попалъ неудачно.

— Вамъ что? — мрачно спрашиваетъ.

— Вы меня не узнаете, Александръ Ивановичъ? Я у васъ бывалъ. По дѣламъ "Лукоморья"...

— А! Вѣрно! — Лицо Куприна измѣняется, появляется улыбка. И затѣмъ онъ поворачивается назадъ, радостно кричитъ вглубь квартиры:

— Господа! Четвертый партнеръ есть!

Какъ ни старался я убѣдить хозяина, что долженъ сейчасъ же возвращаться въ Петербургъ, что у меня спѣшныя дѣла, — безполезно. Заявилъ онъ, что не дастъ разсказа, если не сыграю съ ними въ винтъ, и потащилъ въ кабинетъ.

Тамъ, за письменнымъ столомъ, поставленнымъ посреди комнаты, сидѣло два человѣка, находившихся въ такомъ же состояніи духа, какъ и самъ Александръ Ивановичъ: репортеръ Манычъ и поэтъ Рославлевъ, фигура котораго отъ выпитаго вина казалась особенно грузной. На столѣ находились бутылки, стаканы, кое-какія закуски. На диванѣ у стѣны — тоже бутылки, но уже пустыя.

— Садись, — приказываетъ мнѣ Купринъ, выдвигая маленькій столикъ для игры. — Сейчасъ начнемъ. Только, господа, — по большой. По маленькой не интересно.

Хотя я и играю въ винтъ, но заниматься этимъ сейчасъ, ни съ того, ни съ сего, да еще въ пьяной компаніи, мнѣ совсѣмъ не хотѣлось. Однако, чтобы получить разсказъ, пришлось покориться. Просидѣли мы такъ часа два, я сталъ выигрывать. И тутъ-то началось самое непріятное.

— Братцы! — мрачно сказалъ, вдругъ, Манычъ, подозрительно взглянувъ въ меня мутными глазами. — А не думаете-ли вы, что онъ шулеръ?

— Очень возможно, — согласился Рославлевъ.

— Въ такомъ случаѣ подождемъ немного, а затѣмъ, если не прекратитъ выигрывать, начнемъ бить.

— Бросьте, господа, бросьте, — вмѣшался Купринъ. — Никакой онъ не шулеръ. Чепуха. Но для игры шансы, дѣйствительно, не равны. Мы пьяны, онъ — трезвъ. Это не годится. Ну-ка, Ма-

нычъ, придвинь къ нему закуски и водку!

— Вѣрно! Пусть пьетъ, подлецъ.

— Только къ чему закуски? Съ закусками не такъ опьянѣетъ!

Купринъ налилъ водки въ винный стаканъ и протянулъ мнѣ:

— Пей.

— Александръ Ивановичъ — взмолился я. — Увольте. Я вообще не люблю ни водки, ни вина. . .

— Пей!

— А чтобы мнѣ не выигрывать, освободите и отъ игры.

— Вотъ какъ? Въ такомъ случаѣ, — вонъ отсюда!

Глаза у Куприна стали зелеными. А всѣ знаютъ: когда дѣлаются они зелеными, можно ожидать чего угодно. Покорился я, выпилъ; сталъ играть, снова выпилъ; началъ проигрывать, опять выпилъ. . .

Въ кабинетѣ было дымно и душно. Иногда въ воздухѣ мелькали пустыя бутылки; это Манычъ освобождалъ столъ, хватая ихъ за горлышко и ловкимъ движеніемъ перебрасывая черезъ свою голову назадъ, на диванъ. До семи часовъ вечера тянулось мое мученіе. Въ глазахъ мутилось, стѣны кабинета качались, столъ плавалъ по полу, физіономіи собутыльниковъ то появлялись откуда-то изъ тумана, то исчезали. Но все-таки, разсказъ я,

въ концѣ концовъ, получилъ.

Иногда, послѣ вечернихъ редакціонныхъ собраній Лукоморья", нѣкоторые изъ насъ цѣлой группой направлялись куда-нибудь въ ресторанъ. Обычно ходили въ "Вѣну", — излюбленное мѣсто писателей, журналистовъ и художниковъ, безъ различія направленій и вкусовъ. Здѣсь всегда было многолюдно и шумно. На стѣнахъ красовались картины, наброски карандашемъ, стихотворныя посвященія — автографы, — поднесенные поэтами и художниками въ даръ ресторану. Кое-кто дарилъ отъ чистаго сердца, кое-кто въ счетъ неуплаченнаго долга за ужинъ.

Между прочими посвященіями и эпиграммами находилось здѣсь и извѣстное двустишіе поэта Потемкина, адресованное двумъ хорошенькимъ кельнершамъ:

"Въ "Вѣнѣ" — двѣ дѣвицы.
"Veni, vidi, vici."

А иногда, вмѣсто "Вѣны", посѣщали мы ресторанъ "Давыдки" на Владимірскомъ. А кто зарабатывалъ много, отправлялся въ болѣе дорогія мѣста. Ночной Петербургъ вообще обладалъ не меньшимъ количествомъ мѣстъ для собраній образованной публики, чѣмъ Петербургъ дневной. Въ дневныхъ собраніяхъ интеллигенты обычно объединялись и раздѣлялись во имя общаго счастья; шумѣли за столами, покрытыми зеленымъ сукномъ; произносили рѣчи ради спасенія ближ-

нихъ. Наряду съ суетливыми лицами свободныхъ профессій, и дневной чиновный Петербургъ тоже исполнялъ свое дѣло. Скрипѣли перья, стучали машинки, фигуры съ почтительно изогнутыми спинами подносили начальству доклады. Страдая исторической одышкой, подгоняемый въ разныя стороны различнаго рода погонщиками, двигался въ будущее дневной Петербургъ, неизвѣстно куда.

А наступала ночь, смѣнялся дневной туманъ ночными огнями со скачущими отблесками въ холодной Невѣ, — и стремленія къ общему счастью смѣнялись у интеллигентовъ стремленіями къ удовлетворенію личныхъ запросовъ.

Вмѣсто Таврическаго Дворца, Соляного Городка, Тенишевскаго зала, редакцій газетъ, банковъ, министерствъ, гвардейскихъ казармъ, — Медвѣдь, Фелисьенъ, Кюба, Эрнестъ, Акваріумъ, Вилла Родэ, цыгане Новой Деревни. Столы уже не съ зеленымъ сукномъ, съ бѣлыми скатертями. На мѣстѣ чернилъ — графинчики съ жизненной влагой. На повѣсткѣ дня икра, кулебяка, омары, грибки въ сметанѣ, осетрина, рябчики, мороженое, кофе, ликеры... И все это — на ночь. На одну ночь, а не на нѣсколько.

Невоздержанная въ своихъ дневныхъ порывахъ къ общему благу, русская публика была невоздержанной и въ ночномъ порывѣ къ личному счастью. Русскій человѣкъ любитъ отягощать не только свой духъ, но и матерію тоже. Ѣли съ конца

вечера до глубокой ночи, ѣли съ перерывами и безъ перерывовъ, ѣли неудержимо, настойчиво, будто въ предчувствіи, что впослѣдствіи уже черезъ нѣсколько лѣтъ, не увидятъ ни икры, ни рябчиковъ, ни осетрины...

Шумѣлъ ночной Петербургъ звономъ ножей, тарелокъ, бокаловъ. Шумѣлъ гудками автомобилей, выкриками лихачей, мчавшихъ разгулявшихся господъ на Острова. Шумѣлъ цыганскою пѣсней...

И, какъ дневной Петербургъ, не зналъ онъ, куда приведетъ его вся эта цыганщина мысли и чувства.

ВОЙНА.

Если, по словамъ Достоевскаго, нашъ русскій народъ бывалъ иногда неправдоподобнымъ, то, естественно, неправдоподобной бывала и наша Имперія.

Въ міровой исторіи мы что-то не встрѣчаемъ такихъ странныхъ царствъ, имперій или республикъ, которыя вмѣсто собственнаго благоустройства занимались прежде всего благотворительностью по отношенію къ другимъ народамъ. Главной цѣлью чужихъ имперій было — у кого-то что-нибудь захватить, кого-то покорить, на кого-то навести страхъ. Главной же цѣлью нашей Импе-

ріи, наоборотъ, было — кому-то помочь, кого-то отъ кого-нибудь защитить.

Возстаютъ греки. Вассалъ турецкаго султана Мегметъ-Али начинаетъ жестоко расправляться съ возставшими. И россійская Имперія идетъ на помощь угнетеннымъ, уничтожаетъ совмѣстно съ союзниками турецко-египетскій флотъ при Наваринѣ.

Права православныхъ христіанъ въ Палестинѣ попираются Турціей. Россійская Имперія требуетъ отъ султана возстановленія правъ. И вовлекается въ войну, окончившуюся паденіемъ Севастополя.

Населеніе Босніи и Герцеговины поднимаетъ противъ турокъ возстаніе. Послѣ неудачи возстанія Сербія и Черногорія объявляютъ войну Турціи, терпятъ пораженіе. И россійская Имперія, изъ-за отказа турокъ заключить перемиріе и выполнить условія константинопольской конференціи, начинаетъ военныя дѣйствія.

Вообще, съ начала 19-го вѣка среди всѣхъ великихъ державъ только Россія во внѣшней политикѣ сообразовалась съ нравственными нормами. Признавая цѣнность индивидуальной морали, Западъ — а особенно Англія — не считалъ нужнымъ вводить мораль въ отношенія между народами. Нація разсматривалась, да и разсматривается до сихъ поръ, какъ животный организмъ, дѣйствующій исключительно на началахъ звѣриной

борьбы. Ради національной выгоды всѣ средства хороши, всякая неправда — правда.

И только дикая Россійская Имперія ощущала себя среди культурныхъ народовъ не какъ животный организмъ, а какъ личность. Личность, несущая въ себѣ христіанскія чувства, сожалѣніе къ слабымъ, вѣрность слову, готовность на безкорыстную помощь.

Начавшаяся въ 1914-омъ году изъ-за Сербіи война съ Германіей была продолженіемъ нравственныхъ традицій Россіи. Такъ она и была понята нашимъ общественнымъ мнѣніемъ, съ энтузіазмомъ откликнувшимся на призывъ къ борьбѣ за правое дѣло. Разумѣется, съ точки зрѣнія государственно-эгоистической, эта война была большой ошибкой, какъ были ошибками и всѣ предыдущія наши заступничества за угнетенныхъ.

Насколько быстрѣе развилась бы русская матеріальная культура, не будь этихъ идеологическихъ войнъ! И у крестьянина была бы курица въ супѣ, и у мѣщанъ появилась бы мебель въ стилѣ рококо, и интеллигентъ жилъ бы не въ двухэтажныхъ домахъ, а въ шестиэтажныхъ.

И, главное, не погибла бы сама Имперія, не пожелавшая отказаться отъ своего христіанскаго лика. И вмѣсто нея не пришелъ бы въ міръ Союзъ совѣтскихъ республикъ, оказавшійся по духу и по международной морали болѣе сродни цивилизованному Западу, чѣмъ православная царская

власть.

Но если не люди, то Господь знаетъ цѣну всему. И воздасть должное всѣмъ.

Въ первые мѣсяцы войны было у насъ много искренняго пафоса. Трогательныя манфестаціи передъ Зимнимъ дворцомъ, патріотическій подъемъ въ населеніи; оппозиція на время исчезла, слово патріотъ не заключалось въ кавычки; революціонеры притихли, партійная рознь стушевалась, искусственно вызывавшееся раздѣленіе національностей исчезло; депутаты разныхъ фракцій въ Думѣ жали другъ другу руки; въ Одессѣ, встрѣтивъ патріотическую процессію, Пуришкевичъ расцѣловался съ раввиномъ...

Русскіе воины самоотверженно двинулись на подвигъ, вѣря въ священный смыслъ своей жертвы. Русскія женщины, призванныя Богомъ въ войска, съ благостной радостью осѣнили свои бѣлыя одежды крестомъ; работѣ въ помощь арміи беззавѣтно отдались лучшіе русскіе люди, союзы, общества, объединенія. Безчисленные лазареты частныхъ лицъ разбросались по лицу русской земли.

Все было по началу торжественно, величаво.

Но затѣмъ — смѣнились праздничные военные дни будними днями. Поэзія войны сдѣлалась прозой. Заколебался фронтъ, начались перебои въ тылу.

И оказалось, что нѣтъ среди руководителей въ достаточномъ количествѣ ни талантовъ, ни круп-

ныхъ организаторовъ, ни выдающихся личностей.

Оказалось, что великихъ людей въ Имперіи вообще нѣтъ. Есть только высокіе и высочайшіе по чину и рангу.

Не даромъ все начало столѣтія наше русское общество постепенно шло къ измельчанію, начиная съ верховъ и кончая низами. Не даромъ революціонная пропаганда въ продолженіе многихъ лѣтъ дѣлала свое преступное дѣло. Не даромъ кавычки сопровождали патріотизмъ. Не напрасно оппозиція и бюрократія одинаково глупо боролись за власть, не считаясь ни съ чѣмъ. Все, что было въ Россіи упадочнаго, извращеннаго, ничтожнаго, все сказалось въ итогахъ неудачной войны. Помогли развалу и дворяне, не желавшіе быть дворянами, и купцы, не желавшіе быть купцами; и губернаторы, воевавшіе съ архіереями; и чиновники, не любившіе начальство за то, что ему надо повиноваться; и писатели, вслѣдъ за Толстымъ отрицавшіе воинскую повинность; и даже декаденты, символисты и футуристы, приведшіе сознаніе наиболѣе утонченныхъ русскихъ людей къ тому пониманію событій, которое выражено въ стихотвореніи Крученыхъ:

"Убещуръ
Скумъ
Вы-ско-бу."

Кто изъ насъ, пережившихъ эту роковую войну, не помнитъ печальныхъ ошибокъ не только чу-

жихъ, но и своихъ собственныхъ? Кромѣ погибшихъ героевъ, память о которыхъ навсегда останется священной для насъ; кромѣ исключительно рѣдкихъ людей, поведеніе которыхъ было безупречно во всѣхъ отношеніяхъ, — всѣ мы, остальные, такъ или иначе, виновны во всемъ происшедшемъ. Повинны передъ отечествомъ и придворные круги, и правительство, и Дума, и всѣ слои населенія.

А наряду съ другими общественными силами оказалась въ огромной степени виновной и наша печать. Не стоитъ говорить уже о печати пораженческой, революціонной, игравшей открыто предательскую роль. И умѣренныя газеты были тоже не на высотѣ. Въ томъ числѣ и наше "Новое Время".

Когда въ началѣ войны петербургскіе подонки громили германское посольство, выкидывали изъ оконъ мебель, стягивали канатами съ фронтона зданія дородныя тевтонскія статуи, чтобы повергнуть ихъ въ прахъ, — это было еще извинительно. Подобный примитивный патріотизмъ понятенъ у толпы, привыкшей воплощать высокія идеи въ грубыя матеріальныя формы.

Когда въ Москвѣ такая же толпа устраивала погромъ, разбивая нѣмецкіе магазины и попутно присваивая себѣ золотые хронометры, это было уже значительно хуже. Краденные часы сильно понижаютъ высоту патріотическихъ взлетовъ.

Но когда мы, культурные люди, въ своихъ правыхъ газетахъ повели кампанію по провѣркѣ

лойяльности нашихъ русскихъ нѣмцевъ и стали многозначительно перечислять россійскихъ гражданъ съ нѣмецкими фамиліями, это было уже совсѣмъ не извинительно.

Правда, въ придворныхъ кругахъ у насъ находилось слишкомъ много лицъ нѣмецкаго происхожденія изъ прибалтійскаго Края. На высшихъ административныхъ постахъ въ Имперіи тоже встрѣчалось не мало нѣмецкихъ именъ. Случалось даже, что нѣкоторые остзейскіе бароны и графы, будучи вполнѣ вѣрными россійскому Престолу, съ презрѣніемъ относились къ самому населенію Россіи.

Но, исходя изъ такихъ исключеній, дѣлать общіе выводы было нелѣпо. Очень многіе граждане съ нѣмецкими фамиліями бывали гораздо большими русскими патріотами, чѣмъ Ивановы и Сидоровы. Мало того, среди всѣхъ нашихъ народностей, населявшихъ Имперію, нѣмцы являлись политически наиболѣе надежнымъ элементомъ. Среди нихъ почти не встрѣчались крайніе лѣвые. Не говоря о прибалтійцахъ, даже простые колонисты, жившіе въ общей массѣ зажиточно, оказывались равнодушными къ идеямъ соціализма, этой религіи озлобленія и зависти.

А если среди нихъ оказывались отдѣльные предатели, то пропорціонально ихъ было не больше, чѣмъ среди русскихъ эсеровъ, грузинскихъ меньшевиковъ и еврейскихъ большевиковъ.

Въ значительной степени былъ причастенъ въ этой далеко не похвальной кампаніи и пишущій настоящія строки. Помню свои поѣздки по Прибалтійскому Краю и по нѣмецкимъ колоніямъ. Не любившіе бароновъ латыши и эстонцы съ радостью пошли мнѣ навстрѣчу, стали снабжать матеріаломъ, въ которомъ, кромѣ крупицъ правды, заключались кучи сплетень и фантастическихъ выдумокъ. Весь этот матеріалъ былъ использованъ мною въ очеркахъ, печатавшихся въ "Новомъ Времени" подъ общимъ заголовкомъ "Въ странѣ чудесъ". Затѣмъ очерки вышли отдѣльно книгой, выдержавшей въ короткое время три изданія.

Какъ-то разъ, сейчасъ же послѣ выхода книги, зашелъ я въ магазинъ А. С. Суворина и преисполнился гордостью: на моихъ глазахъ за какихъ-нибудь полъ-часа нѣсколько отдѣльныхъ покупателей потребовало у прилавка мое произведеніе. Завѣдующій магазиномъ поздравилъ меня съ тѣмъ, что запасъ экземпляровъ съ каждымъ днемъ таетъ.

Вспоминаю теперь это — и такъ обидно! Какъ хорошо было бы, если бы когда-нибудь не эта моя глупая и вредная книга, а какая-либо другая, болѣе умная и болѣе безобидная, имѣла такой огромный успѣхъ!

МУРМАНСКАЯ ДОРОГА.

Среди рѣдкихъ разумныхъ мѣръ, предпринятыхъ нашимъ правительствомъ во время войны, несомнѣнно нужно считать постройку и открытіе мурманской желѣзной дороги, столь важной для связи съ союзниками. Правда, эту дорогу слѣдовало бы построить раньше, передъ войной; но, къ сожалѣнію, у насъ обычно все умное дѣлалось значительно позже чѣмъ глупое. Во всякомъ случаѣ, съ созданіемъ мурманской дороги вышло нѣсколько удачнѣе, чѣмъ съ приготовленіемъ военныхъ припасовъ: пока армія оставалась боеспособной, снарядовъ у нея не было; а когда она развалилась, снаряды стали поступать въ огромномъ количествѣ. Мурманскій же путь, какъ никакъ, открылся до революціи и около года приносилъ свою пользу.

Открытіе дороги вышло довольно торжественнымъ. Первый поѣздъ, долженствовавшій дойти до береговъ Ледовитаго Океана, составили изъ пульмановскихъ вагоновъ перваго класса. Во главѣ "экспедиціи" находился министръ путей сообщенія, вскорѣ получившій постъ премьера, А. Ф. Треповъ. Вторымъ лицомъ въ поѣздѣ оказался морской министръ адмиралъ Григоровичъ.

Кромѣ обоихъ министровъ участвовали въ поѣздкѣ приглашенные члены Государственнаго Совѣта, Государственной Думы, высшіе представите-

ли разныхъ вѣдомствъ. Петербургской печати оставили одно только мѣсто, которое Треповъ предложилъ "Новому Времени". Нашъ редакторъ М. Суворинъ рѣшилъ отправить меня.

— А почему вы сами не хотите поѣхать, Михаилъ Алексѣевичъ? — изъ вѣжливости спросилъ я, обрадованный перспективой побывать у береговъ Ледовитаго Океана.

— Куда тамъ! — пренебрежительно отвѣчалъ онъ. — Я человѣкъ пожилой, для моего здоровья вредны желѣзнодорожныя катастрофы.

Путешествіе на дальній сѣверъ вышло чудеснымъ. Хотя война была въ разгарѣ, однако казалось, что мы отправились не по дѣламъ національной обороны, а въ увеселительное турнэ. Министры имѣли свои салонъ-вагоны; мы, остальные, ѣхали по два человѣка въ купэ.

Страннымъ являлось присутствіе здѣсь, въ этихъ дикихъ краяхъ, поѣзда залитаго по вечерамъ электричествомъ. Гигантская, сверкающая четыреугольными глазами змѣя съ шипѣніемъ и гуломъ пробиралась среди лѣсовъ, извивалась между озерами и болотами, тревожа звѣриный покой. Въ началѣ навстрѣчу намъ выходили степенные поморы, чтобы взглянуть на рѣдкихъ гостей; дальше, въ тундрѣ, къ станціямъ съѣзжались по снѣгу въ своихъ нартахъ, запряженныхъ оленями, лопари, съ жуткимъ любопытствомъ разсматривая тѣхъ загадочныхъ людей, которые правятъ ими изъ

далекой столицы.

Въ Кеми, у Бѣлаго Моря, къ намъ присоединились архангельскіе владыка архіепископъ и губернаторъ. Сначала настроеніе у владыки было благостное; но въ первый же день оно сильно испортилось, а именно — послѣ того, какъ адмиралъ Григоровичъ въ интимной бесѣдѣ разсказалъ ему какой-то очень скользкій морской анекдотъ.

Пользуясь довольно продолжительной остановкой въ Кеми, нѣкоторые изъ насъ съѣздили на Соловецкіе Острова, куда желающихъ доставили монахи на своемъ суднѣ съ крестами на мачтахъ. Главный островъ съ монастыремъ окруженъ высокой стѣной и кажется крѣпостью. Внутри, во дворѣ монастыря — сплошной рябиновый садъ, пылающій ярко-красными гроздьями.

Во время обѣда въ трапезной я успѣлъ разглядѣть кое-какія картины на стѣнахъ. На одной — изображенъ крутой скатъ горы, на немъ старецъ съ нимбомъ вокругъ головы; вокругъ, тамъ и сямъ, черти развертываютъ рыболовныя сѣти, прикрѣпляютъ ихъ къ кольямъ. И подъ картиною подпись: "Бѣсы завлекаютъ въ свои сѣти святого Антонія".

А на другой — изображено два человѣка въ древнихъ иконописныхъ одеждахъ. Оба обращены лицами другъ къ другу. У одного изъ глаза растетъ сухая вѣточка; у другого изъ такого же мѣста выдвигается толстая палка. И тоже подпись: "Что

ты смотришь на сучёкъ въ глазѣ брата твоего, а бревна въ твоемъ глазѣ не чувствуешь?"

Послѣ Кеми добираемся до станцiи "Полярный Кругъ". Здѣсь лѣтомъ и зимой бываетъ два знаменательныхъ дня: 23-го iюня солнце не заходитъ, спускается до горизонта и вновь поднимается; а 22-го декабря оно не восходитъ, а только показывается у горизонта и снова уходитъ внизъ.

Недалеко отъ полярнаго круга къ сѣверу находится Кандалакша, село расположенное въ глубокомъ узкомъ заливѣ Бѣлаго Моря. Здѣсь кончается ходъ сельди, огибающей Кольскiй полуостровъ; и рыбы тутъ собирается столько, что воткнутый въ воду шесть не падаетъ; три недѣли жители лихорадочно собираютъ сельдь на берегу, сваливая ее въ холмики, которые къ зимѣ замерзаютъ, а прiѣзжiе купцы топорами отрубаютъ то количество, которое имъ нужно. Населенiю до будущаго года можно уже не работать: продаваемой сельди хватаетъ, чтобы прожить это время.

Очевидцы разсказывали мнѣ о томъ величественномъ зрѣлищѣ, которое представляетъ собой ходъ сельди у мурманскихъ береговъ. Если смотрѣть съ высокаго берега на Океанъ, то вся поверхность воды сверкаетъ и движется на востокъ: это чешуя рыбы серебрится на солнцѣ. Затѣмъ, вслѣдъ за сельдью, движется треска; за треской — палтусы; за палтусами — дельфины. Шествiе величаво завершаютъ киты, бросающiе вверхъ фонтаны во-

ды. А надъ всѣмъ этимъ — до горизонта — тучи чаекъ, то бросающихся внизъ, то взлетающихъ къ небу. Жуткая картина объединенія живыхъ существъ на грѣшной землѣ. И на грѣшной землѣ тоже.

Отъ Кандалакши мы пересѣкаемъ Кольскій полуостровъ и приближаемся къ тундрѣ. Оставшіеся позади высокіе олонецкіе лѣса смѣняются низкорослыми, превращаются въ карликовыя березы и сосны. Вокругъ уже снѣжный покровъ — стоитъ октябрь мѣсяцъ. И странно для тѣхъ, кто не знаетъ далекаго сѣвера. Обычно думаютъ, что тундра обязательно бываетъ равниной; а тутъ видны покрытые снѣгомъ холмы, иногда настоящія горы.

И, вотъ, наконецъ, городъ Кола, узкій заливъ, Александровскъ — и выходъ въ Ледовитый Океанъ, гдѣ у береговъ вода никогда не замерзаетъ изъ-за теплаго теченія Гольфштрема.

Осенью и весной здѣсь, какъ повсюду во времена равноденствій, ночь и день равномѣрно дѣлятъ между собою сутки. Но какая необычная картина зимы и лѣта! Чѣмъ дальше къ сѣверу отъ полярнаго круга, тѣмъ длиннѣе зимнія ночи, тѣмъ продолжительнѣе лѣтніе дни. У мурманскаго побережья зимой около мѣсяца солнце не показывается надъ горизонтомъ; сначала бываютъ только утренне - вечернія зори — легкій разсвѣтъ; затѣмъ и онѣ исчезаютъ, наступаетъ сплошная полярная ночь. Отъ полнаго мрака мѣстныхъ жителей спа-

сають или лунный свѣтъ, или сѣверныя сіянія. Фантастичны эти трепетно мерцающіе огни полярнаго неба: то свѣтящіяся цвѣтныя короны, то вѣера яркихъ лучей, то складки таинственныхъ занавѣсей, то разноцвѣтныя волны по всему небу, отъ края до края.

А лѣтомъ, наоборотъ, нѣтъ отдыха отъ непрерывнаго солнечнаго свѣта на протяженіи недѣль. Солнце описываетъ круги въ небѣ, не опускаясь подъ горизонтъ; стоитъ не имѣющій конца томительный день.

И строители дороги разсказывали мнѣ, какъ иногда путали они здѣсь условное время ночи и дня. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ возникали даже затрудненія. Такъ, напримѣръ... Наряду съ русскими рабочими на постройкѣ пути находились плѣнные турки. Лѣтомъ, когда наступилъ магометанскій двадцатидевятидневный постъ Рамазанъ, туркамъ нельзя было въ теченіе дня до наступленія сумерекъ ни ѣсть, ни пить. Но какъ дождаться сумерекъ, которыхъ нѣтъ? Среди рабочихъ начался ропотъ. И находившійся при плѣнныхъ туркахъ мулла, наконецъ, догадался, какъ выйти изъ положенія: при наступленіи теоретическаго времени сумерекъ, онъ велъ своихъ единовѣрцевъ къ какому-нибудь возвышенію — къ холму или къ горѣ — и, когда солнце исчезало за возвышеніемъ, объявлялъ объ очередномъ прекращеніи поста.

За время путешествія отъ Петербурга до Колы

много любопытнаго разсказывали мнѣ инженеры, принимавшіе участіе въ постройкѣ дороги. Сколько препятствій, сколько трудностей надо было преодолѣвать! Приходилось работать въ условіяхъ полярныхъ дней и ночей, среди болотъ и озеръ, въ дикихъ лѣсахъ Олонецкаго края, въ карликовыхъ заросляхъ, на мшистыхъ пространствахъ тундры. При свѣтѣ факеловъ пробивались просѣки; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устанавливались шпалы "времянки" прямо на льду; часто вбитые въ землю телеграфные столбы исчезали, затянутые болотомъ; приходилось надъ исчезнувшимъ столбомъ ставить другой...

Однажды вечеромъ, когда поѣздъ пробирался по лѣснымъ болотамъ между Кемью и Кандалакшей, къ намъ въ купэ явился курьеръ и сказалъ, что его превосходительство господинъ министръ проситъ меня къ себѣ въ вагонъ.

— Мнѣ очень интересно было бы знать ваши впечатлѣнія, — сказалъ Треповъ, любезно усадивъ меня въ кресло и предложивъ чашку чая. — Надѣюсь, вы не будете насъ очень бранить въ своихъ описаньяхъ поѣздки.

— О, почему же бранить? — горячо возразилъ я. — Наоборотъ — я въ восторгѣ. Столько интереснаго, столько необычнаго. Какая природа! Созданіе этого пути, дѣйствительно, завоеваніе сѣвера. А наши инженеры, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать о постройкѣ мостовъ, о прокладкѣ

пути, показали въ своей работѣ чудеса изобрѣтательности, настойчивости, самоотверженности....

Треповъ съ удовольствіемъ слушалъ. Воодушевившись, я рѣшилъ продолжать. Мнѣ хотѣлось поддержать инженеровъ въ глазахъ ихъ министра.

И, вдругъ, вагонъ подскочилъ. Накренился сначала на одинъ бокъ, затѣмъ на другой, хрустнулъ всѣмъ тѣломъ. И, растерянно стуча колесами, трясясь точно въ лихорадкѣ, побѣжалъ по шпаламъ.

Этотъ сходъ съ рельсъ и послѣдовавшая за нимъ сумятица въ поѣздѣ, къ сожалѣнію, не дали мнѣ высказать до конца мою мысль.

А на слѣдующій день, встрѣтивъ Трепова въ вагонѣ - ресторанѣ и увидѣвъ, что онъ находится въ обычномъ сдержанно - благожелательномъ настроеніи, я подошелъ къ нему, поздоровался и хотѣлъ, было, въ осторожной дипломатической формѣ оправдать строителей пути въ происшедшей вчера непріятности.

— Нужно изумляться, какъ въ такой краткій срокъ, на льду и на болотѣ, наши инженеры... — началъ я.

Но министръ замахалъ руками.

— Ради Бога, не хвалите никого! — испуганно воскликнулъ онъ. — Я боюсь! Не надо!

ЗАКЛАДКА ГОРОДА.

Конечнымъ пунктомъ Мурманской желѣзной дороги былъ маленькій рабочій поселокъ на берегу Кольскаго залива, между городкомъ Колой и Александровскомъ. Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, мы должны были заложить новый городъ Романовскъ, отъ котораго ожидали, что онъ впослѣдствіи явится сѣвернымъ "окномъ" въ Европу. Благодаря Гольфштрему, судоходство отсюда мимо норвежскихъ береговъ могло происходить круглый годъ.

Увы, мы не предполагали тогда, что въ скоромъ времени не только это сѣверное окно, но и то, западное, которое прорубилъ Великій Петръ, будутъ оба наглухо заколоченными.

Передъ закладкой Романовска мы успѣли посѣтить и Колу и Александровскъ. Александровскъ стоитъ на скалахъ, имѣетъ свой маленькій заливъ, напоминающій норвежскіе фіорды, и для роли "окна" не годится; Кола, наоборотъ, находится на ровномъ мѣстѣ; но заливъ тутъ мелководенъ и тоже для окна не подходитъ. Жители ея, разумѣется, были очень огорчены, что выборъ не палъ на ихъ городъ, которымъ они очень гордились. Да и въ самомъ дѣлѣ, — у нихъ здѣсь есть двѣ незаурядныя достопримѣчательности: одна старинная церковь и одна старинная пушка. Церковь создана необыкновеннымъ плотникомъ-мастеромъ, который построилъ ее исключительно при помощи

одного топора; этотъ топоръ послѣ окончанія постройки мастеръ бросилъ въ заливъ, чтобы не осквернять его дальнѣйшей повседневной работой. А что касается пушки, то съ нею произошла, дѣйствительно, замѣчательная исторія.

— Скажите, — спросилъ я одного из жителей, подойдя къ орудію, у котораго бокъ былъ оторванъ и лежалъ рядомъ. — Что случилось съ этой пушкой?

— А при ея помощи наши дѣды отражали англичанъ во времена крымской кампаніи, — съ гордостью отвѣтилъ тотъ. — Англичане тогда подходили къ мурманскимъ берегамъ, заглянули въ заливъ... И наши артиллеристы какъ пальнули, такъ восемь человѣкъ и погибло.

— Англичанъ?

— Нѣтъ, своихъ. Пушку разорвало.

И вотъ, несмотря на недовольство кольскихъ гражданъ, городъ Романовскъ все же рѣшено было закладывать на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, къ сѣверу. На пустынномъ, слегка холмистомъ берегу залива уже стояли въ разныхъ мѣстахъ заранѣе вбитые столбы съ надписями на деревянныхъ табличкахъ: "Соборъ", "Почта и Телеграфъ", "Казначейство", "Городское Самоуправленіе", "Судъ" и такъ далѣе. Кромѣ того, маленькіе столбики указывали направленіе улицъ. На одномъ большомъ пустырѣ красовался телеграфный столбъ съ заманчивымъ указаніемъ "Город-

ской садъ".

Первый камень заложили на мѣстѣ будущаго собора. Богослуженіе и обрядъ закладки совершалъ архангельскій архіерей. Пѣлъ небольшой хоръ изъ Колы и пѣлъ бы недурно, если бы ему не подтягивали товарищи министровъ, директора департаментовъ и члены Государственной Думы. Никогда не умѣвшіе спѣться бюрократы и депутаты различно истолковывали и гармонію и мелодію пѣснопѣній.

По окончаніи службы стали подходить къ кресту. И тутъ всталъ во всю свою величину трудный вопросъ: кому подходить первому и кому послѣднему? Кто выше — министръ путей сообщенія или министръ военно-морской? Архангельскій губернаторъ или директоръ департамента неокладныхъ сборовъ? Или — кто важнѣе для жизни государства, сухопутные инженеры-путейцы или моряки?

А кромѣ того, если одни будутъ подходить къ кресту по должности, а другіе по чину, получится страшная путаница. По чину, напримѣръ, депутатъ Шингаревъ и я были самыми послѣдними; университетскій дипломъ первой степени давалъ только чинъ девятаго класса, коллежскаго секретаря. Ну, хорошо, я пойду посслѣднимъ; но Шингаревъ какъ? Согласится-ли онъ быть предпослѣднимъ?

Къ счастью, Владыка самъ разрѣшилъ этотъ тяжелый вопросъ. Затаивъ недовольство противъ

адмирала Григоровича за опрометчиво разсказанный морской анекдотъ, онъ рѣшительно направился къ Трепову, любезно поднесъ крестъ ему, послѣ него высшимъ путейскимъ чиновникамъ, а затѣмъ уже всѣмъ другимъ, въ томъ числѣ адмиралу.

Адмиралъ принялъ ударъ мужественно. Но втайнѣ рѣшилъ показать архіерею свою власть въ ближайшемъ будущемъ.

Послѣ торжества закладки Романовска мы двинулись въ обратный путь. Однако, по другому маршруту. Рѣшено было ѣхать въ томъ же поѣздѣ только до Кандалакши; затѣмъ — пересѣчь Бѣлое Море на военномъ суднѣ до Архангельска; а оттуда уже по желѣзной дорогѣ на Вологду — въ Петербургъ.

Въ Кандалакшѣ насъ ждало военное судно, что-то въ родѣ канонерки, должно быть передѣланной изъ пассажирскаго парохода. Не помню точно названія — не то "Паллада", не то "Канада"; во всякомъ случаѣ названіе не совсѣмъ русское. Возлѣ "Канады" покачивался на водѣ скромный полуштатскій конвоиръ, долженствовавшій сопровождать насъ до Архангельска и вылавливать изъ моря министровъ и всѣхъ остальныхъ въ случаѣ кораблекрушенія.

Вечеръ передъ посадкой на "Канаду" былъ свободный, и нѣкоторые изъ насъ отправились бродить по городу. Сопровождавшій нашу группу

инженеръ, участникъ постройки дороги, разсказывалъ не мало любопытнаго изъ пребыванія своего въ этихъ краяхъ. По ходу работъ ему часто приходилось переплывать на моторной лодкѣ озеро Имандру; чтобы обепечить себя продовольствіемъ въ случаяхъ недостатка казенныхъ продуктовъ, они передъ отплытіемъ привязывали къ бортамъ бечевки съ крючками безъ всякой наживки; и, послѣ переѣзда, на всѣхъ крючкахъ оказывалась рыба. Вообще, не говоря уже о сельди у береговъ Океана, весь Кольскій полуостровъ чрезвычайно богатъ озерной рыбой. Только лопарямъ и мѣстнымъ поморамъ простая свѣжая рыба не нравится; они ѣдятъ ее полугнилой, считая, что въ такомъ видѣ она имѣетъ и настоящій вкусъ и настоящій запахъ.

Разсказывалъ намъ инженеръ и многое другое. Напримѣръ, про картину религіознаго содержанія въ одной поморской избѣ: на кровати лежитъ благообразнаго вида старецъ съ длинной сѣдой бородой; ноги разуты, сапоги стоятъ рядомъ, возлѣ кровати. Старецъ съ удовольствіемъ потягиваетъ трубку, изъ которой вьется струйка дыма. И подъ картиной текстъ:

"И почилъ Господь въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ своихъ".

— А, кстати, — спросилъ меня инженеръ, — вы въ мѣстной церкви были?

— Да.

—На стѣнѣ муки ада видѣли?

— Нѣтъ, не замѣтилъ.

— Такъ пойдите еще разъ, посмотрите.

Я послѣдовалъ совѣту и не раскаялся. Муки, въ самомъ дѣлѣ оказались жуткими. Чего только ни изобразилъ художникъ въ десяти небольшого размѣра картинахъ! На одной черти варятъ грѣшниковъ въ котлѣ, изъ котораго высовываются головы, не столько со страдающимъ выраженіемъ лицъ, сколько съ веселымъ удивленіемъ; на другой фигурируетъ раскаленная сковорода съ языками пламени подъ нею; грѣшники стараются со сковороды улизнуть и перелѣзть черезъ бортъ; но черти относятся къ работѣ добросовѣстно, протыкаютъ старающихся бѣжать огромными вилами и бросаютъ ихъ на прежнее мѣсто. Что изображалось на слѣдующихъ картинахъ, точно не помню; кажется, были тамъ змѣи, скорпіоны и различные гады, мучавшіе несчастныхъ вѣчными своими укусами. Но послѣднюю картину я запомнилъ хорошо, такъ какъ по рисунку оказалась она очень простой, а по содержанію глубокой и сложной: весь четыреугольникъ полотна талантливый авторъ-художникъ покрылъ равномѣрно черной краской, а снизу подписалъ:

"Тьма египетская".

Итакъ, намъ предстояло плыть въ Архангельскъ. Вечеромъ мы покинули мурманскій поѣздъ и перебрались на "Канаду", гдѣ размѣсти-

лись въ каютахъ довольно удобно. Однако, время было военное, въ Бѣломъ Морѣ, согласно имѣвшимся свѣдѣніямъ, иногда появлялись нѣмецкія подводныя лодки; а потому адмиралъ Григоровичъ, вступивъ на корабль, принялъ на себя всю полноту власти — законодательной, судебной и исполнительной. Моряки изъ его свиты повеселѣли, сдѣлались болѣе самоувѣренными, такъ какъ теперь не они были в гостяхъ у штатскихъ путейцевъ, а путейцы у нихъ. Да и самъ адмиралъ, видимо, чувствовалъ себя не плохо: теперь и Александръ Федоровичъ Треповъ и Архіерей до нѣкоторой степени находились у него въ плѣну.

Во всякомъ случаѣ, когда адмиралъ въ каютъ компаніи сообщилъ намъ правила, которымъ мы всѣ должны слѣдовать во время плаванья, онъ вглянулъ на Архіерея, на министра путей сообщенія и многозначительно произнесъ:

— Исключеній не допускается ни для кого.

НѢМЕЦКІЯ ПОДВОДНЫЯ ЛОДКИ.

Весь день плыли по Бѣлому Морю благополучно. Стало холодно. Дулъ рѣзкій вѣтеръ, но море не было бурнымъ. На стальной зыби тамъ и сямъ вспыхивала пѣна гребней. Закутавшись потеплѣе, мы, пассажиры, иногда выбирались изъ каютъ на-

верхъ подышать морскимъ воздухомъ; но для многихъ воздухъ былъ только предлогомъ. При мысли о непріятельскихъ подводныхъ лодкахъ какъ-то не хотѣлось сидѣть внизу. У борта я видѣлъ не мало чиновъ разныхъ вѣдомствъ, добровольно принявшихъ на себя роль вахтенныхъ, зорко слѣдившихъ за поверхностью моря и, очевидно, съ замираніемъ сердца ожидавшихъ — не появится-ли гдѣ-нибудь перископъ.

А къ вечеру стало особенно жутко. Принимались особыя мѣры предосторожности. Огней на суднѣ не зажигали; иллюминаторы прикрывались, чтобы не пропускать свѣта; запретили курить на палубѣ и пользоваться спичками; выходы съ траповъ на палубу задрапировывались брезентомъ.

Послѣ ужина большинство насъ, штатскихъ, оставалось въ каютъ-компаніи; спать не хотѣлось. Правильнѣе говоря, спать-то хотѣлось, но не хотѣлось идти спать. Всѣ понимали, что нѣмцы при помощи своей развѣдки легко могли узнать о нашемъ плаваніи; а пустить ко дну двухъ русскихъ министровъ, нѣсколькихъ членовъ Государственнаго Совѣта, Государственной Думы, товарищей министровъ, Архіерея и губернатора — имъ, разумѣется, было бы лестно.

Однако, всѣ присутствовавшіе, особенно дѣйствительные статскіе совѣтники и выше, изъ чувства собственнаго достоинства старались показать, что ничуть не волнуются. Одни, со скошенными ли-

цами, весело улыбались; другіе благодушно бесѣдовали, въ то же время чутко къ чему-то прислушиваясь; а нѣкоторые пытались потопить свою боязнь въ анекдотахъ, предварительно убѣдившись, что Владыки вблизи нѣтъ.

И, вдругъ, ужасное извѣстіе... Сообщенное однимъ морякомъ своему штатскому пріятелю и по секрету обошедшее всѣхъ насъ. По искровому телеграфу неизвѣстно отъ кого и неизвѣстно откуда полученъ позывной сигналъ и загадочный вопросъ "Гдѣ Канада?"

Ясно, что кромѣ нѣмцевъ, съ ихъ манерой садически шутить со своей жертвой, никто подобной радіотелеграммы отправить не могъ. Адмиралъ Григоровичъ, въ отвѣтъ на наши вопросы, правда-ли это и, если правда, то что онъ думаетъ о таинственномъ вопросѣ относительно мѣстонахожденія нашего корабля, не хотѣлъ ничего отвѣчать, ограничиваясь загадочнымъ пожатіемъ плечъ и неопредѣленной улыбкой.

Однако, все говорило за то, что положеніе серьезно. Моряки о чемъ-то шептались, матросы суетились на палубѣ, а корабль нашъ, до сихъ поръ шедшій по прямой линіи, измѣнилъ курсъ, сталъ дѣлать зигзаги, чтобы обмануть непріятеля. Рулевыя цѣпи время отъ времени жалобно скрежетали.

Поздно вечеромъ, соблюдая всѣ правила, выбрался я на палубу. Ни одного огонька кругомъ, ни одного луча свѣта. Невидимое море шумѣло у бор-

товъ; только поднятая носомъ судна пѣна смутно бѣлѣла въ черномъ провалѣ. Но постепенно глазъ сталъ привыкать къ темнотѣ; звѣздное небо отдѣлилось отъ горизонта ясной чертой. А затѣмъ, неожиданно, стало какъ-будто свѣтать...

Я посмотрѣлъ въ сторону сѣвера. Тамъ, у видимаго соприкосновенія неба съ водой, появилась свѣтящаяся золотистая арка, изъ которой въ разныя стороны исходили блѣдно-голубые лучи. Точно нащупывая путь среди звѣздъ, эти лучи нерѣшительно продвигались впередъ, останавливались на мгновеніе, снова двигались и затѣмъ, вдругъ, изнеможенно возвращались назадъ, чтобы опять начать свое блужданіе по небу.

Это сіяніе было однимъ изъ тѣхъ прекрасныхъ видѣній, которыми такъ богатъ полярный сѣверъ. Я давно, съ ранняго дѣтства, мечталъ увидѣть въ натурѣ то, что зналъ только по изображеніямъ въ книгахъ. Незабываемое, чудесное зрѣлище, полное таинственности, величія, красоты.

И, вотъ, мечта осуществилась. Оно, сѣверное сіяніе, тутъ, передъ глазами. Во всемъ великолѣпіи...

А, между тѣмъ, какая гадость! Теперь нѣмцамъ гораздо легче насъ потопить!

Съ испуганнымъ восхищеніемъ смотрѣлъ я, какъ разгораются цвѣтные огни, какъ свѣтлѣетъ все больше и больше золотистая арка, какъ все смѣлѣе и смѣлѣе становятся голубые лучи, — и

одновременно разгорался въ душѣ страхъ. "Гдѣ Канада"? Вотъ она! Ясно очерченная. Искать ее долго не надо, можно прямо пустить мину. Прощай земля, Петербургъ, прощайте родные, друзья! Какъ глупо кончается жизнь, безъ всякаго сопротивленія врагу. А, главное, — вода такая холодная.

А лучи растутъ, растутъ. Точно щупальцы гигантскаго спрута, притаившагося за золотой аркой и съ вожделѣніемъ ожидающаго подходящаго момента, чтобы схватить въ свои объятья "Канаду" и увлечь въ морскія глубины.

Стало такъ противно, что я рѣшилъ спуститься въ каютъ-компанію. А въ каютъ-компаніи новый ударъ:

Пріемникъ искрового телеграфа опять получилъ позывной сигналъ и зловѣщій вопросъ:

— "Гдѣ Канада"?

Едва-ли кто-нибудь изъ нашихъ штатскихъ путешественниковъ, начиная съ А. Ф. Трепова, въ эту ночь спалъ хорошо. Я лично заснулъ очень поздно, только тогда, когда усталъ бояться. А когда проснулся и обнаружилъ себя вполнѣ живымъ и здоровымъ, наступилъ уже день. Мы входили въ устье Сѣверной Двины.

Въ Архангельскѣ на площади у пристани ждали войска съ оркестромъ музыки. И тутъ, когда корабль ошвартовался, адмиралъ Григоровичъ показалъ всю свою неограниченную власть надъ ввѣренными ему пассажирами.

Стоя у сходень, онъ обернулся назадъ и громко распорядился:

— Не выпускать никого, пока я не приму парада!

Всѣ мы, такимъ образомъ, оказались временно арестованными. Подойдя къ борту, я сталъ смотрѣть на площадь, гдѣ гремѣла музыка, гдѣ адмиралъ бодро здоровался съ войсками, а войска еще болѣе бодро отвѣчали: "здра-ав-ав-шество." И, вдругъ, сбоку отъ меня послышалось чье-то тяжелое дыханіе. Оборачиваюсь — и вижу: рядомъ со мной стоитъ Александръ Федоровичъ Треповъ и, опершись на бортъ, грустно смотритъ на площадь.

— Вы видите? — съ ироническо-обиженной улыбкой говоритъ онъ мнѣ. — Самъ принимаетъ парадъ, а меня даже не выпускаетъ на берегъ!

Положеніе мое оказалось тяжелымъ. За время поѣздки на Мурманъ Александръ Федоровичъ не разъ дружески бесѣдовалъ со мной по разнымъ вопросамъ, вспоминалъ съ одобреніемъ мои фельетоны и, очевидно, считалъ меня своимъ сторонникомъ въ возникшей изъ за анекдота борьбѣ двухъ вѣдомствъ: сухопутно - путейскаго и военно-морского. Но дѣло осложнялось тѣмъ, что адмиралъ Григоровичъ тоже казался мнѣ симпатичнымъ. При первомъ знакомствѣ со мной въ поѣздѣ, онъ сказалъ мнѣ, что читалъ недавно мой романъ "Тихая Заводь", который ему очень понравился. Нѣкото-

рыя мѣста оттуда онъ, къ моему удовольствію, даже цѣликомъ процитировалъ. А извѣстно, что для каждаго автора всѣ люди дѣлятся на двѣ совершенно различныя части: на тѣхъ преступныхъ, негодныхъ и отвратительныхъ, которые его произведеній не читаютъ; и на тѣхъ благородныхъ, чуткихъ и симпатичныхъ, которые этими произведеніями восторгаются.

Поэтому, чтобы быть честнымъ и по отношенію къ Трепову и по отношенію къ Григоровичу, я любезно улыбнулся и загадочно - неопредѣленно отвѣтилъ:

— Н-да.

Впрочемъ, въ скоромъ времени, еще до отъѣзда изъ Архангельска, Треповъ получилъ полное нравственное удовлетвореніе въ своемъ столкновеніи съ морскимъ министерствомъ. Во-первыхъ, послѣ богослуженія въ архангельскомъ Соборѣ, Архіерей поднесъ ему въ даръ очень цѣнную большую старинную икону; Григоровичъ же получилъ иконку маленькую и совсѣмъ незначительной цѣнности. А во-вторыхъ, что самое главное, въ тотъ же день неожиданно раскрылась одна потрясающая вещь, которая сильно развеселила министра путей сообщенія.

Вотъ что разсказалъ мнѣ на обратномъ пути, по дорогѣ на Вологду — Петербургъ, самъ Александръ Федоровичъ:

— Представьте себѣ, какая исторія... Послѣ

службы въ Соборѣ пригласилъ меня къ себѣ на завтракъ губернаторъ. Завтракъ прошелъ оживленно; губернаторъ разсказывалъ много интереснаго о своемъ Краѣ. А губернаторша слушала разсказы мужа, вздыхала, и наконецъ, обратилась ко мнѣ съ отчаяніемъ въ голосѣ:

— Ради Бога, Александръ Федоровичъ! Исполните мою просьбу! Посодѣйствуйте, чтобы мужу дали другую губернію! Вѣдь это невозможно, въ концѣ концовъ. Наша губернія больше Франціи, но если бы она была какъ Франція! А то — вся во льдахъ, въ болотахъ и тундрахъ. Молодому губернатору, любящему спортъ, это еще ничего — управлять такой географіей. Но мой мужъ — пожилой человѣкъ! Ему спортъ не къ лицу. И, все-таки, даже онъ во время своихъ объѣздовъ губерніи умудрился два раза тонуть въ морѣ и горѣть въ пожарѣ. Если не его, то пожалѣйте хотя бы меня! Никогда я не имѣю покоя. Да, вотъ, хотя бы вчера, наканунѣ вашего прибытія сюда. Мы здѣсь думали, что корабль вашъ придетъ вчера утромъ, а оказалось — его нѣтъ. Подождала я до вечера и стала бѣгать на станцію искрового телеграфа и требовать отъ телеграфиста, чтобы онъ запросилъ: гдѣ "Канада?" Гдѣ "Канада?"

Александръ Федоровичъ по природѣ былъ человѣкъ довольно суровый и рѣдко смѣялся. Но при послѣднихъ словахъ губы его слегка пріоткрылись, рыжіе усы зашевелились, будто по нимъ прошелъ

вѣтеръ, а глаза сузились, образовавъ по бокамъ много расходящихся во всѣ стороны морщинокъ, наподобіе сѣвернаго сіянія.

Какъ я потомъ выяснилъ, онъ въ это время искренно, отъ всей души, хохоталъ.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ПЕТЕРБУРГА.

Какъ-то странно было послѣ величавой тишины Дальняго Сѣвера вернуться въ столицу, окунуться въ ея бурливую тревожную жизнь.

Петербургъ доживалъ послѣдніе дни. Гибла великая, романтическая, благородно-нелѣпая Россійская Имперія. И недаромъ Петебургъ назывался тогда Петроградомъ. Отъ державной столицы остались только видѣнія дворцовъ, гранитъ Невы, гордый конь, несущій на себѣ неповторимую русскую мощь. Въ развалѣ и колебаніяхъ власти Петроградъ не воспріялъ величія Петербурга, сталъ какимъ-то большимъ Елизаветградомъ или Павлоградомъ, по которому вмѣсто блистательной гвардіи бродили мужики маршевыхъ ротъ, а вмѣсто петербуржцевъ сновали лодзинскіе, ломжинскіе и ковельскіе жители.

И надъ всѣмъ Петроградомъ, смѣнившимъ чопорно-высокомѣрный Петербургъ, вмѣсто штандар-

та рѣяла поддевка Распутина — предтечи надвигающагося Совѣта рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ, символа будущей власти соціальныхъ подонковъ.

Сумасшедшаго дома еще не было. Но онъ находился уже недалеко: на одиннадцатой верстѣ.

Вмѣсто прежнихъ серебряныхъ монетъ — люди расплачивались почтовыми марками. При малѣйшемъ вѣтрѣ марки разлетались по воздуху, какъ золотой запасъ Государственнаго Банка. Вмѣсто хлѣба питались полужидкой замазкой съ занозами. Запрещеніе спиртныхъ напитковъ усилило пьяныя оргіи въ тылу и соблюдалось только въ окопахъ, гдѣ на обледенѣлой или мокрой землѣ воины мерзли, не имѣя возможности отогрѣться.

Въ правительственныхъ сферахъ началась знаменитая чехарда, вызывавшая спортивное чувство среди бюрократовъ. Единственный министръ изъ общественныхъ дѣятелей оказался психически ненормальнымъ, какъ бы предвѣщая собой дѣятельность временнаго правительства. Высшее военное командованіе командовало больше гражданскимъ населеніемъ, нежели своими войсками. Загадочныя распоряженія властей были сбивчивы и непонятны, какъ стихи Маяковскаго. Въ Совѣтѣ Министровъ предсѣдатель не успѣвалъ узнавать, кто изъ членовъ его коллегіи уже въ отставкѣ, а кто еще имѣетъ право засѣдать.

И обманутая увѣреніями и обѣщаніями Ар-

мія отступала, не имѣя снарядовъ, патроновъ, теряя вѣру въ свои силы и довѣріе къ высшимъ начальникамъ. Истративъ весь порывъ и всѣ снаряды на спасеніе славянъ и союзниковъ, она исполнила историческое предназначеніе Россійской Имперіи — спасать другихъ въ ущербъ себѣ, и теперь была близка къ разложенію.

Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ не только центральныя партіи, но даже правыя перешли въ оппозицію. Къ честному голосу государственно-мыслящаго общества на верхахъ никто не прислушивался. Оппозиціонеромъ сталъ даже Владиміръ Пуришкевичъ, правѣе котораго въ Государственной Думѣ была только стѣна.

Разумѣется, не избѣгло этого сдвига и наше "Новое Время". Примыкая къ націоналистамъ, оно стало теперь поддерживать "Прогрессивный Блокъ", образовавшійся изъ всѣхъ умѣренныхъ партій. Другого выхода не было: одобрять власть, которая своими дѣйствіями толкала страну къ революціи, "Новое Время" считало нелѣпостью. Это не значило, что при подобной позиціи оно измѣнило своему монархическому принципу. Но, зная, что насъ читаетъ и съ нашимъ мнѣніемъ считается самъ Императоръ, мы пытались черезъ головы придворныхъ льстецовъ и бюрократическихъ тиходумовъ сказать горькую правду Царю.

Увы, Царь нашъ не былъ ни Петромъ Великимъ, ни даже государемъ Николаемъ Павлови-

чемъ. Какъ человѣкъ онъ былъ слишкомъ хорошъ, чтобы быть хорошимъ правителемъ. Самодержавіе, остатки котораго хотѣлъ онъ спасти, не подходило ему: въ его женственно-мягкомъ характерѣ не чувствовалось никакихъ задатковъ державности. Обаятельный, чуткій, деликатный, образованный, прекрасный семьянинъ, онъ могъ бы при другихъ обстоятельствахъ стать чудеснымъ "тишайшимъ" Царемъ. Но послѣ непосильной ненужной войны, передъ угрозой государственной смуты, при натискѣ революціонныхъ силъ, враждебныхъ Имперіи, при кликушествѣ и вырожденіи придворныхъ круговъ, — тишайшій Царь не могъ справиться со своимъ неправдоподобнымъ народомъ. Верховную власть разбивали на осколки собравшіяся вокругъ темныя силы.

Мы въ газетѣ осторожно, но непрестанно указывали, какую опасность для государства представляетъ Распутинъ. Свѣдѣнія о вмѣшательствѣ этого хама въ назначенія высшихъ чиновниковъ, слухи объ оргіяхъ развратнаго знахаря, гнусныя сплетни и клевета, злостно раздувавшіяся революціонными кругами, — все это распространялось по всему государству, проникало на фронтъ, окончательно подрывало духъ войскъ, приводило къ полной деморализаціи тылъ.

Но ни мы, ни общественное мнѣніе столицы не могли ничего сдѣлать.

Вспоминается мнѣ примѣръ того, какъ боялись

всесильнаго Распутина нѣкоторые наши чиновники.

Какъ-то разъ пришелъ ко мнѣ по дѣлу артистъ суворинскаго "Малаго Театра" Глаголинъ, сообщилъ, что въ ближайшемъ времени состоится его бенефисъ, для котораго онъ самъ имѣетъ право выбирать пьесу, и предложилъ: не напишу-ли я ему трехактную комедію въ веселомъ или въ сатирическомъ духѣ.

До того времени я никогда еще пьесъ не писалъ, а потому сталъ сначала отказываться. Но затѣмъ мы разговорились. И, вдругъ, мнѣ пришла въ голову дерзкая мысль:

Не написать-ли сатиру на Распутина?

Была-ли это глупая мысль или умная, трудно сказать. Вѣрнѣе, что глупая. Пользы отъ такой пьесы не было бы, а скандалъ получился бы. Но мы съ Глаголинымъ были молоды и потому больше чувствовали, чѣмъ думали. Моя идея привела его въ восторгъ. И я началъ придумывать фабулу.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ пьесы — для роли Глаголина — я сдѣлал дворника, въ которомъ мистически настроенныя великосвѣтскія дамы случайно обнаружили магическія способности, появившіяся благодаря алкоголю. Хитрый дворникъ проситъ живущаго въ его домѣ поэта футуриста написать ему рядъ изреченій, предсказаній и всякихъ мыслей, которыми можно удивлять публику. И въ скоромъ времени попадаетъ въ салоны высшаго свѣта, гдѣ изумляетъ присутствую-

щихъ глубиной и неясностью своихъ откровеній. Вслѣдъ за нимъ туда же проникаютъ и футуристы, любители реалистически поѣсть и выпить. Постепенно собранія этого изысканнаго общества принимаютъ легкій характеръ радѣній...

Глаголину пьеса понравилась. Нечего говорить, что мнѣ — тоже. Онъ понесъ ее къ директору Малаго Театра — нашему редактору М. А. Суворину, который противъ постановки ничего не возразилъ, но все-таки крякнулъ и задумчиво почесалъ лобъ.

Получивъ отъ Глаголина и дирекціи Театра завѣреніе, что пьеса будетъ поставлена, если драматическая цензура ее пропуститъ, я сначала намѣревался отправиться къ цензору лично. Но затѣмъ передумалъ и предательски уговорилъ свою жену пойти вмѣсто меня. По моему мнѣнію — когда нужно получать разрѣшенія, дамы гораздо лучше мужчинъ умѣютъ уговаривать чиновниковъ и горячо доказывать то, въ чемъ онѣ сами далеко не увѣрены.

Цензоръ фонъ Дризенъ принялъ мою жену очень любезно. Обѣщалъ прочесть пьесу внѣ очереди и дать отвѣтъ черезъ три дня. А когда, черезъ три дня, она снова явилась, между ними произошелъ такой діалогъ:

— Не обижайтесь на меня, ради Бога... Я самъ огорченъ. Передайте мое искреннее сожалѣніе вашему супругу... Но пьесу я пропустить не могу.

— То-есть какъ не можете?

— Не въ состояніи.

— Но почему?

— Потому что въ видѣ центральной фигуры въ ней подъ именемъ Ферапонта явно изображенъ Распутинъ.

— Ну что вы, баронъ! Причемъ тутъ Распутинъ? Вѣдь Ферапонтъ простой мужикъ, дворникъ!

— Совершенно вѣрно.

— Онъ пьяница, мошенникъ, наглецъ. . .

— Правильно. Я бы добавилъ — подлецъ.

— Да, подлецъ. А потому меня и удивляетъ: по какой причинѣ вамъ кажется, что здѣсь есть намекъ? Мало-ли въ Петербургѣ всякихъ предсказателей, магнетизеровъ, въ пріемныхъ которыхъ собирается лучшее общество. . .

— Разумѣется, есть. Но это все — люди скромные, тихіе. А вашъ Ферапонтъ, какъ вы сами указываете, мерзавецъ, пьяница, наглецъ. . . Значитъ — безъ сомнѣнія Распутинъ. И разрѣшенія на постановку такой пьесы я дать не могу.

Такъ и окончилась моя попытка неудачей. Хотя горевалъ я недолго: черезъ нѣсколько недѣль Распутинъ былъ убитъ.

Незадолго до своей смерти этотъ гробокопатель Россійской Имперіи въ кругу своихъ истерическихъ поклонницъ говорилъ:

— Ежели я погибну, то погибнетъ Россія.

И слова его оправдались. Но оправдались пото-

му, что погибъ онъ черезчуръ поздно.

ВЕЛИКАЯ БЕЗКРОВНАЯ.

22-го февраля Государь спросилъ министра внутреннихъ дѣлъ: все-ли спокойно въ столицѣ, и можетъ-ли онъ отправиться въ Ставку?

Министръ бодро отвѣтилъ:

— О, да. Ваше Величество имѣетъ полную возможность спокойно заниматься военными дѣлами.

А 27-го февраля въ Петербургѣ началась революція.

Произошла она замѣчательно легко и мило. Мы, интеллигенты, были до чрезвычайности растроганы этой картиной: солдаты спокойно вышли изъ казармъ; рабочіе спокойно покинули фабрики; всѣ возставшіе безъ особаго нарушенія порядка задвигались взадъ и впередъ по улицамъ, демонстрируя свои революціонныя чувства. Никто ни на кого явно не нападалъ, никто явно не сопротивлялся, никакихъ междоусобныхъ сраженій не возникало. Казалось, что это вовсе не революція, а народное гуляніе.

Въ общемъ, выходило такъ, что старый режимъ погибъ не отъ потери крови и не отъ ранъ, а отъ легкой контузіи. Даже проще. Будто прошелъ мимо Собакевичъ, зацѣпилъ ногой Имперію, и Имперія

рухнула.

Недаромъ мы, вмѣстѣ съ нашими поэтами, хорошо знали, что у Россіи особенная стать. Русская революція не должна походить на кровожадную французскую, а обязана быть христіанской, миролюбивой, вѣжливой и деликатной. Вѣдь, нашъ народъ — богоносецъ! Этого не слѣдовало забывать послѣ ознакомленія съ мыслями славянофиловъ, Достоевскаго и Владиміра Соловьева.

Правда, въ Петербургѣ въ первые же дни были убиты — начальникъ Жандармскаго управленія, около шестидесяти офицеровъ; въ Кронштадтѣ — погибло сорокъ офицеровъ, два адмирала. Но это были только "эксцессы".

И петербургскій Окружный Судъ тоже почему-то сожгли. Подожгли департаментъ полиціи, полицейскіе участки. Изъ тюремъ освободили уголовныхъ. Но это, очевидно, для того, чтобы тѣ при новыхъ условіяхъ могли начать новую жизнь.

На улицахъ, въ учрежденіяхъ и въ частныхъ домахъ многіе обнимались, цѣловались, — будто христосуясь. Тамъ и сямъ, яркими махровыми цвѣтами сіяли красные банты на груди освобожденныхъ гражданъ всѣхъ сословій и ранговъ: солдатъ, рабочихъ, студентовъ, адвокатовъ и даже нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, спѣшившихъ получить новый титулъ — "Эгалитэ".

Оппозиціонныя газеты ликовали. И, къ сожалѣнію, мы, нововременцы, тоже. Наши передовики

привѣтствовали революцію. Меньшиковъ сталъ говорить объ освѣжающемъ шквалѣ. Я написалъ глупѣйшій фельетонъ о паденіи нашей Бастиліи — Петропавловской Крѣпости. Вообще, легкое помѣшательство охватило почти всѣхъ интеллигентовъ — и лѣвыхъ, и правыхъ. Намъ, правымъ, будущее рисовалось въ самыхъ радужныхъ краскахъ: подъ вліяніемъ событій Государь согласится на настоящую конституцію, передастъ власть народному представительству; удовлетворенные солдаты вернутся въ казармы, рабочіе — на фабрики; въ деревняхъ мужички осѣнятъ себя крестнымъ знаменемъ, бабы начнутъ вести хороводы; на фронтѣ обрадованная армія перейдетъ въ наступленіе, нѣмцы начнутъ отступать... Какія чарующія перспективы!

И одни только петербургскіе городовые портили впечатлѣніе отъ всеобщаго праздника. Будучи малосознательными, они упорно сохраняли вѣрность присягѣ и, взобравшись на чердаки высокихъ домовъ, обстрѣливали оттуда бродившія по улицамъ толпы революціонеровъ съ красными флагами. Несчастные городовые не понимали, что если даже придворные чины — камергеры, камеръ-юнкеры, шталмейстеры и егермейстеры — не проявляютъ никакой вѣрности, то имъ, нижнимъ чинамъ, тѣмъ болѣе не къ лицу проявлять высокія чувства.

Однако, послѣ отреченія Императора за себя и за Наслѣдника, а затѣмъ послѣ отказа великаго

князя Михаила Александровича, мы, монархисты, слегка растерялись. Мы никакъ не ожидали, что дѣло окончится подобнымъ печальнымъ образомъ. Оставалось надѣяться, что послѣ побѣдоносной войны порядокъ возстановится, учредительное собраніе провозгласитъ конституціонную монархію, и всѣ въ Россіи заживутъ такъ же счастливо, какъ живутъ люди въ Англіи.

Въ этомъ насъ убѣждало то обстоятельство, что кадетская партія была самой популярной и самой вліятельной, а сами кадеты, въ общемъ, — хорошій и честный народъ. Одни изъ нихъ, самые мощные по уму и по силѣ волѣ, составятъ правительство; другіе, болѣе заурядные, станутъ ихъ контролировать въ Государственной Думѣ, выражая довѣріе, или отказывая въ немъ; и, совмѣстно съ другими умѣренными партіями, кадеты въ концѣ концовъ спасутъ положеніе.

Поэтому образовавшееся тогда на коалиціонныхъ началахъ Временное Правительство насъ не особенно испугало. Съ такимъ вліятельнымъ человѣкомъ, какъ Милюковъ, Россія не могла погибнуть. Въ случаѣ опасности онъ, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, можетъ заставить союзниковъ помочь намъ: его на Западѣ всѣ хорошо знаютъ по выступленіямъ заграницей, когда онъ пріѣзжалъ туда жаловаться на царскій режимъ. Кромѣ того, Милюковъ мыслилъ тогда великодержавно и мужественно; ему былъ нуженъ Константи-

нополь съ проливами. А на Айю Софію онъ даже хотѣлъ водрузить крестъ, хотя самъ въ Петербургѣ никогда не ходилъ въ церковь.

А, помимо Милюкова, и многіе другіе члены Временнаго Правительства казались намъ въ первое время вполнѣ пріемлемыми. Правда, предсѣдатель — князь Львовъ — являлся довольно неопредѣленной фигурой и притомъ недостаточно яркой; но, быть можетъ, это было до нѣкоторой степени удобно для прочности кабинета, такъ какъ никто изъ министровъ не завидовалъ его талантамъ и не думалъ интриговать противъ него. Зато министръ юстиціи Керенскій подавалъ большія надежды. Всегда говорилъ твердо, увѣренно по всякимъ вопросамъ и, судя по тому, что стригся ежикомъ, представлялся человѣкомъ съ сильной волей.

Не малой популярностью пользовался вначалѣ, до созданія Правительства, и самъ предсѣдатель Государственной Думы — М. В. Родзянко. Будучи на голову выше большинства депутатовъ, широкій въ плечахъ, грузный, онъ считался весьма крупной фигурой, вполнѣ пригодной для того, чтобы символизировать необъятные просторы Россіи. Было трогательно видѣть, какъ къ нему, точно къ фокусу общественнаго довѣрія, стекались съ разныхъ сторонъ новые вѣрноподданные многіе общественные дѣятели, представители земствъ и городовъ, цѣлые батальоны солдатъ, и даже краса и гордость революціи — матросы балтійскаго флота, еще не

успѣвшіе найти свой идеалъ.

Родзянко всѣхъ принималъ, всѣхъ благословлялъ и произносилъ рѣчи, — иногда въ торжественномъ тонѣ носителя императорской власти, иногда въ отеческомъ духѣ, въ интонаціяхъ царя Берендея.

Въ общемъ, интеллигенція была счастлива и довольна собой. Это она своимъ вліяніемъ, своимъ авторитетомъ и своимъ пафосомъ создала небывалую гуманную революцію. Временное Правительство тоже ея дѣтище, экстрактъ всего талантливаго, мудраго и волевого, что могло выйти изъ ея рядовъ. Теперь слѣдуетъ быть спокойнымъ за судьбы Россіи, находящейся въ такихъ надежныхъ рукахъ.

И, вотъ, странное дѣло. Почему-то не все стало протекать гладко. Хотя, казалось бы, власть установлена, основные вопросы преобразованія поставлены на очередь, всѣ могутъ спокойно вернуться къ своимъ мирнымъ занятіямъ, а между тѣмъ на улицахъ продолжаются манифестаціи, и отдѣльныя лица, главнымъ образомъ изъ молодежи, особенно изъ молодежи не русской, произносятъ съ грузовиковъ зажигательныя рѣчи, не вполнѣ благопріятныя для законнаго Временнаго Правительства.

Помню, напримѣръ, картину. Идемъ мы, группа журналистовъ, по тротуару Невскаго просп. и встрѣчаемъ Винавера. Тотъ, видимо, чѣмъ-то разстроенъ.

— Посмотрите на нихъ, что дѣлаютъ! — съ горечью говоритъ онъ, обращаясь къ одному изъ моихъ спутниковъ. — Вѣдь это глупо и вредно для насъ!

— Кто они?

— Да наши, евреи! Вотъ, этотъ стоитъ на грузовикѣ и что-то кричитъ. А тотъ, у стѣны, снимаетъ орла! Чего они лѣзутъ впередъ?

Я посмотрѣлъ туда, куда указывалъ пальцемъ Винаверъ, и увидѣлъ студента Психоневрологическаго Института, курчаваго брюнета, который стоялъ на переносной лѣстницѣ и, орудуя клещами и молоткомъ, старался снять со входа въ магазинъ вывѣску. На вывѣскѣ красовался золоченный двуглавый орелъ съ надписью: "Поставщикъ Императорскаго Двора".

—Обязательно нужно нашимъ проявлять свой темпераментъ! - негодующе продолжалъ Виневеръ. — Конечно, евреи особенно радостно встрѣтили революцію, потому что она освобождаетъ ихъ отъ прежняго безправія... Но къ чему выпячиваться? Пусть русскую революцію прежде всего дѣлаютъ сами русскіе люди!

Эти слова Винавера мнѣ очень понравились. Вотъ, дѣйствительно, мудрый политическій дѣятель, который чутко оцѣниваетъ создавшуюся обстановку и разумно заботится о репутаціи своихъ единоплеменниковъ. Побольше бы такихъ!

Съ тѣхъ поръ я уже не видѣлъ Винавера. Но

въ скоромъ времени узналъ, что на югѣ, въ правительствѣ Крымской Республики, онъ занялъ постъ министра, или даже премьера.

Итакъ, уличные безпорядки продолжались. Самочинныя выступленія тоже. Но и это все было бы не такъ тревожно и не такъ грустно, если бы не одно непредвидѣнное обстоятельство:

Образованіе "Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ."

Откуда этотъ "Совѣтъ"? А главное — безъ санкціи либеральной интеллигенціи?

Съ какой стати?

УГЛУБЛЕНІЕ РЕВОЛЮЦІИ.

"Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ" былъ созданъ въ самомъ началѣ революціи пріѣхавшимъ изъ Берлина соціалъ-демократомъ Стекловымъ-Нахамкесомъ, присяжнымъ повѣреннымъ Н. Соколовымъ и нѣсколькими прочими милостивыми государями, никогда не бывшими ни рабочими, ни солдатами. Образовавъ "Совѣтъ", эти народные самоизбранники объявили себя "Исполнительнымъ Комитетомъ" и обратились къ рабочей и солдатской массѣ съ предложеніемъ присылать въ "Совѣтъ" своихъ депутатовъ.

При видѣ этого неожиданнаго новаго органа за-

конодательной власти, М. В. Родзянко удивился. Неужели "Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ" хочетъ замѣнить собою бывшій Государственный Совѣтъ, упраздненный живительной революціей? Но, увидѣвъ фигуру Нахамкеса, совсѣмъ неподходящую къ роли предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Родзянко быстро прозрѣлъ.

Начала прозрѣвать и остальная интеллигенція.

Напримѣръ, мы, нововременцы, въ первые же дни на своемъ горькомъ опытѣ убѣдились, что это за типъ новаго "Государственнаго Совѣта". Однажды ночью къ намъ въ типографію явились какіе-то господа въ сопровожденіи солдатъ и отъ имени Нахамкеса потребовали напечатанія ихъ обращенія къ народу о необходимости углубить революцію передачей всей власти Исполнительному Комитету, конфискаціей частновладѣльческихъ земель и прочее.

Завѣдующій типографіи растерялся. Но на помощь ему пришли сами наборщики. Благодаря разумнымъ и гуманнымъ мѣрамъ, давно осуществленнымъ основателемъ "Новаго Времени" А. С. Суворинымъ, наши наборщики получали высокую плату, имѣли страховую кассу, пользовались отпускомъ и медицинской помощью за счетъ издательства, а потому среди нихъ почти не было крайне-лѣвыхъ. Увидѣвъ въ требованіи захватчиковъ типографіи актъ насилія, они горячо запротестовали, вступили съ ними въ споръ и, въ концѣ кон-

цовъ, добились того, что текстъ прокламаціи былъ значительно измѣненъ, а самые крайніе пункты ея вычеркнуты.

И этотъ фактъ, и дальнѣйшія выступленія "Совѣта", и начавшіеся призывы большевицкихъ агитаторовъ на улицахъ, и ночная стрѣльба пьяныхъ солдатъ, и работа освобожденныхъ уголовныхъ въ темныхъ переулкахъ столицы — все это быстро отрезвило нашу редакцію. Меньшиковъ загрустилъ, сообразивъ, что шквалы очень часто не столько освѣжаютъ воздухъ, сколько поднимаютъ съ поверхности земли пыль, соръ и всякую дрянь; передовики стали писать менѣе восторженно; мнѣ было уже стыдно за мою радость по поводу паденія Петропавловской Крѣпости: я понялъ, что Крѣпость и теперь пригодилась бы. А Василій Васильевичъ Розановъ, одобрявшій въ первые дни революцію, растерянно ходилъ по редакціи и обращался то къ одному, то къ другому сотруднику съ вопросами: "А кто такой Нахамкесъ? А почему образовался Совѣтъ? А какъ могутъ существовать солдатскіе депутаты, когда армія не имѣетъ право голосовать?"

Не прошло и мѣсяца, какъ наша газета стала нещадно критиковать не только "Совѣтъ", но и Временное Правительство за его мягкотѣлость. Опять пришлось уйти въ оппозицію. Но эта оппозиціонность была болѣе безнадежной, чѣмъ до революціи. Сейчасъ при Временномъ Правительствѣ

находился уже не одинъ Распутинъ, а сто одинъ, изъ числа рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Стоило намъ примыкать передъ революціей къ "Прогрессивному Блоку"!

Началось съ того, что по предложенію Совѣта князь Львовъ немедленно развалилъ столичную и провинціальную администрацію, уволивъ безъ разбора всѣхъ губернаторовъ и высшихъ полицейскихъ, замѣнивъ ихъ адвокатами, земскими статистиками и учителями чистописанія. На улицахъ Петербурга появились мальчики-гимназисты и студенты въ роли милиціонеровъ, со страхомъ поглядывавшіе на имѣвшееся при нихъ оружіе и пугливо сворачивавшіе въ боковую улицу при видѣ ненормальнаго скопленія народа.

Мы, конечно, стали указывать на опасность радикальной ломки административнаго аппарата. Но голосъ нашъ былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. "Новаго Времени" никто изъ новыхъ временныхъ бюрократовъ не читалъ.

Привели насъ въ ужасъ и приказъ номеръ первый и приказъ номеръ второй, а также приказъ Гучкова о "демократизаціи арміи". Тутъ уже мы не щадили и Гучкова и анонимныхъ составителей приказа номера перваго, каковыми считали Соколова, Нахамкеса и отчасти Керенскаго, хотя тотъ и отрекался отъ этого.

Но какое значеніе имѣли тогда статьи "буржуазной" печати?

Появленіе Ленина и безнаказанныя выступленія его съ призывами къ немедленной соціальной революціи окончательно привели въ отчаяніе умѣренную петербургскую прессу. Пріѣхавъ изъ Стокгольма послѣ совѣщанія съ нѣмцами, Ленинъ былъ торжественно встрѣченъ своими единомышленниками на финляндскомъ вокзалѣ. Играла музыка. Публика кричала ура. Устроившись въ захваченномъ особнякѣ Кшесинской и организовавъ здѣсь штабъ соціалъ-демократической партіи, этотъ нѣмецкій агентъ немедленно тутъ же, съ балкона, сталъ произносить рѣчи противъ Временнаго Правительства, собирая вокругъ особняка толпы народа.

А правительство, находившееся въ плѣну у Совѣта рабочихъ депутатовъ, терпѣло все это. И князь Львовъ, въ отвѣтъ на вопросы политическихъ друзей, уныло отвѣчалъ:

— Ничего не подѣлаешь. У насъ свобода собраній и слова!

Точно такъ же, когда сотрудники "буржуазныхъ" газетъ обращались къ министру Чернову съ вопросами, что намѣрено предпринять правительство для успокоенія крестьянъ, начавшихъ грабить и поджигать помѣщичьи усадьбы, этотъ почтенный эсеръ разъяснялъ:

— Мы не можемъ препятствовать справедливому народному гнѣву, но намѣрены ввести его въ надлежащія рамки.

Однако, какъ показали дальнѣйшія событія, надлежащія рамки для народнаго гнѣва, для пожаровъ, грабежей и убійствъ, выработаны не были. Большевицкая пропаганда росла, раздувая священный огонь въ деревнѣ и въ городахъ. Въ огромномъ количествѣ стали появляться повсюду всевозможныя "Правды": "Солдатская Правда", которую редактировалъ самъ Ленинъ; центральный органъ большевиковъ "Правда"; кронштадскій "Голосъ Правды"; "Сибирская Правда", "Уральская Правда", "Приволжская Правда", "Кіевская Правда", "Харьковская Правда"... Для насъ, журналистовъ, знавшихъ газетное дѣло, было понятно, какія огромныя деньги нужны, чтобы покрыть Россію подобными изданіями; едва-ли эти деньги давали большевикамъ россійскій пролетаріатъ и крестьянство, которые сами стремились получить чужое имущество, а не жертвовать собственное. И что все это дѣлалось на средства, полученныя отъ германскаго генеральнаго штаба, ни у кого изъ насъ не было никакого сомнѣнія. Не было сомнѣнія и у большинства интеллигентныхъ людей. А если кто сомнѣвался, то развѣ только нѣкоторые члены Временнаго Правительства, въ томъ числѣ министръ внутреннихъ дѣлъ.

Легко представить, какое тягостное настроеніе царило въ редакціяхъ буржуазныхъ газетъ. У насъ, въ "Новомъ Времени", прежнія ночныя собранія смѣнились дневными, такъ какъ ночью воз-

вращаться домой было не совсѣмъ безопасно. Изчезло благодушіе прежнихъ бесѣдъ. Стараго редактора М. А. Суворина и его помощника М. Н. Мазаева, какъ слишкомъ правыхъ, въ самомъ началѣ революціи молодые сотрудники принудили уйти въ отставку, о чемъ потомъ пожалѣли; на мѣсто ушедшихъ избрали сразу трехъ новыхъ редакторовъ; но ни одинъ изъ нихъ не пользовался особеннымъ авторитетомъ, на подобіе Временнаго Правительства.

Многіе изъ насъ послѣ редакціонной работы проводили вечера въ "Литературно-Художественномъ Обществѣ", гдѣ изъ-за продовольственныхъ затрудненій лучше можно было пообѣдать, чѣмъ дома; кромѣ того, здѣсь было всегда оживленно— каждый членъ клуба приносилъ съ собой всякія новости политическаго и бытоваго характера.

Завсегдатай этихъ вечернихъ собраній извѣстный организаторъ балалаечнаго оркестра В. В. Андреееевъ, несмотря на серьезность происходившихъ событій, всегда былъ веселъ, не терялъ обычнаго хорошаго настроенія и разсказывалъ про уличныя сценки, которыя ему приходилось наблюдать. Иногда разсказы его пахли анекдотомъ, но революція сама походила на скверный трагическій анекдотъ.

— Иду по Каменноостровскому, — говоритъ Андреевъ, — а навстрѣчу мнѣ по тротуару — какой-то типъ, видимо сильно надравшійся. Останав-

ливаетъ меня и, заикаясь, спрашиваетъ: "Скажите, пожалуйста... Гдѣ здѣсь противоположная сторона?"

— А вотъ тамъ, — отвѣчаю, — на томъ троттуарѣ.

— Чортъ возьми... — недовольно ворчитъ онъ. — Ничего не поймешь. Шелъ тамъ, — говорятъ — здѣсь. Иду здѣсь, говорятъ — тамъ. Какъ же мнѣ найти пріятеля, который живетъ на противоположной сторонѣ? Что надѣлала революція!

Наряду съ этимъ — велись оживленныя политическія бесѣды. Актеры разсказывали про образованіе театральныхъ "комитетовъ", про плохую посѣщаемость театровъ изъ-за уличныхъ безпорядковъ и ночныхъ грабежей. И тутъ мы узнавали новости о томъ, кто изъ писателей, артистовъ или художниковъ перебросился изъ соображеній личной выгоды къ революціонерамъ.

Особенно удивилъ насъ цинизмъ Мамонта Дальскаго, который, какъ оказалось, объявилъ себя анархистомъ индивидуалистомъ, собралъ банду солдатъ и матросовъ и при ихъ помощи захватилъ особнякъ какого-то графа или барона, бѣжавшаго заграницу. Въ особнякѣ Дальскій обнаружилъ большой запасъ винъ, сталъ устраивать въ столовой пьяныя оргіи и, въ видѣ политической программы, произносилъ передъ присутствовавшими монологи изъ "Разбойниковъ" Шиллера.

Монологи анархистамъ-матросамъ и солдатамъ нравились чрезвычайно. Они съ упоеніемъ слушали слова своего предводителя, бѣшенно апплодировали и восторженно кричали:

— Правильно, товарищъ Дальскій! Ура!

ПОРТРЕТЫ КЕРЕНСКАГО.

Революція все углублялась и углублялась. Углублялъ ее прежде всего Ленинъ. Углублялъ затѣмъ Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Углубляло, наконецъ, и само Временное Правительство, въ которомъ постепенно сталъ играть все большую и большую роль А. Ф. Керенскій.

Въ первое время Керенскій не былъ еще такъ популяренъ. Въ началѣ публика сильно разсчитывала на Гучкова, который въ качествѣ военнаго министра могъ полностью проявить всѣ предполагавшіеся въ немъ таланты. Вѣдь, онъ, какъ-никакъ, участвовалъ добровольцемъ въ бурской войнѣ и, хотя не побѣдилъ англичанъ, все-же проявилъ не мало храбрости. Такой же самоотверженности, какую онъ выказалъ въ пользу буровъ, ожидали отъ него и въ пользу русскихъ людей.

Однако, послѣ первыхъ этаповъ демократизаціи арміи Гучковъ быстро вызвалъ во всѣхъ отвращеніе, а послѣ "Деклараціи Правъ Солдата",

подписанной Керенскимъ, ушелъ въ отставку.

Не мало разсчитывало наше интеллигентное общество и на министра иностранныхъ дѣлъ П. Н. Милюкова, но подобныя надежды тоже не оправдались.

Будучи по природѣ своей настоящимъ профессоромъ, Милюковъ такъ много ума тратилъ на разсужденія, что этого ума у него не оставалось на дѣйствія. А, помимо того, уже черезъ полтора мѣсяца послѣ вступленія въ правительство онъ впалъ въ полную депрессію отъ жестокой неблагодарности русскаго народа. Дѣйствительно, произошла ужасная вещь. 20-го апрѣля запасный батальонъ Финляндскаго полка подошелъ къ Маріинскому Дворцу и почему-то сталъ дружно кричать вмѣсто прежняго солдатскаго "здравія желаю":

— Долой Милюкова! Милюкова — въ отставку!

Естественно, что послѣ подобнаго проявленія народной воли Милюковъ потерялъ всякій вкусъ къ спасенію отечества, постепенно сталъ отходить отъ государственныхъ дѣлъ, рѣдко появлялся и сидѣлъ дома, задавая себѣ мучительный вопросъ о дѣйствіяхъ Финляндскаго полка:

— Что это: глупость или измѣна?

Такимъ образомъ, помимо князя Львова, который отъ начала до конца оставался таинственной неизвѣстной фигурой, во Временномъ Правительствѣ кромѣ Керенскаго не было никого, кто бы

могъ быть виднымъ политическимъ дѣятелемъ. Да Керенскій и въ самомъ дѣлѣ бывалъ виденъ повсюду: и на засѣданіяхъ Правительства, и въ Совѣтѣ рабочихъ, и на фарфоровомъ заводѣ, и на цирковыхъ митингахъ, и въ столичныхъ казармахъ. Быстро истосковавшаяся по сильной власти русская общественность съ радостью стала взирать на этого адвоката, какъ на избавителя, быть можетъ даже какъ на диктатора. Населеніе жаждало вполнѣ яснаго и опредѣленнаго правителя, который могъ бы прекратить безпорядки, стрѣльбу, манифестаціи, демонстраціи и экспропріаціи шубъ на малоосвѣщенныхъ улицахъ. А Керенскій казался именно такимъ. Энергія его была неистощима. Онъ могъ говорить часъ, два, десять, пятнадцать — и уставалъ гораздо меньше, чѣмъ его слушатели. Онъ умѣлъ въ своихъ рѣчахъ грозить, увѣщевать, обѣщать, призывать. Личность его была многогранна: онъ могъ быть и такимъ и инымъ, а когда былъ инымъ, оставался такимъ. Слушатели изъ праваго лагеря, при видѣ его руки, заложенной за бортъ пиджака, чуяли въ немъ грядущаго Наполеона, а въ складахъ рѣшительнаго лица 18-ое брюмера. Люди же изъ крайне-лѣвой общественности видѣли въ немъ, наоборотъ, Робеспьера, особенно въ тѣ минуты, когда онъ, блѣдный, изнеможенный отъ рѣчей, съ мертвеннымъ лицомъ говорилъ о необходимости довести революцію до предѣльной исторической точки. А его безпредѣльная способ-

ность — быть какъ дома на всякомъ посту: и министра юстиціи, и министра военнаго и даже верховнаго главнокомандующаго, изумляла всѣхъ, поневолѣ привлекала сердца. Вотъ, онъ, желанный. Вотъ онъ, долгожданный...

И нужно сказать правду — за всѣ указанныя качества одно время Керенскій пользовался не малымъ успѣхомъ среди той части интеллигенціи, которой не удалось быстро разобраться ни въ революціи, ни въ самомъ Александрѣ Федоровичѣ. Въ нѣкоторыхъ буржуазныхъ домахъ появились на стѣнахъ портреты Керенскаго, какъ символа грядущей Россіи. Курсистски-медички и педагогички влюблялись въ него, особенно тѣ, которыхъ судьба не одарила привлекательной внѣшностью. Въ писчебумажныхъ магазинахъ наряду съ оперными примадоннами и опереточными кумирами можно было за десять копѣекъ купить Керенскаго во весь ростъ съ наполеоновской рукой, съ робеспьеровской головой и съ государственнымъ выраженіемъ на актерскомъ лицѣ. Даже въ великосвѣтскихъ кругахъ изъ особаго рода снобизма стали благосклонно смотрѣть на Александра Федоровича, а въ салонахъ слышались утвержденія: "Керенскій понимаетъ", "Керенскій не допуститъ", "Керенскій спасетъ положеніе".

Однако, умѣренная печать, и въ томъ числѣ "Новое Время", быстро разгадала историческое значеніе этой исключительной личности. Наши на-

падки на него за извилистую политику и за блужданія между Наполеономъ и Робеспьеромъ становились все болѣе частыми. Особенное возмущеніе вызвало его поведеніе послѣ іюльскаго возстанья большевиковъ, когда онъ оказался недовольнымъ пораженіемъ ленинцевъ, сталъ упрекать за излишнюю энергію ген. Половцева, а министра юстиціи Переверзева заставилъ уйти въ отставку. Точно такое же негодованіе вызвалъ въ насъ онъ, освободивъ Троцкаго отъ ареста. Явнымъ измѣнникомъ показалъ онъ себя и тогда, когда по свѣдѣніямъ контръ-развѣдки была точно установлена связь главарей большевизма съ германскимъ генеральнымъ штабомъ и когда прокуроръ Петербургской Судебной Палаты потребовалъ привлеченія Ленина и его окруженія къ отвѣтственности за сношенія съ врагомъ и за содѣйствіе успѣху непріятельскихъ армій. Поддержанный тупымъ Некрасовымъ и капиталистомъ-революціонеромъ Терещенкой, Керенскій заставилъ прокурора прекратить это дѣло.

Наконецъ, суровую отповѣдь нашей печати получилъ онъ, подписавъ составленный поливановской комиссіей законъ о демократизаціи арміи, ставшій извѣстнымъ подъ названіемъ "Деклараціи правъ солдата".

Затаивъ злобу на "Новое Время", но не имѣя возможности запретить выходъ нашей газеты при свободѣ печати, Керенскій ждалъ случая, чтобы свести съ нами счеты. И этимъ случаемъ оказалось

выступленіе Корнилова.

Послѣ переговоровъ Ставки съ Керенскимъ, когда, по словамъ Корнилова произошла "великая провокація", появился приказъ великаго русскаго патріота:

"... Родина наша умираетъ. Близокъ часъ ея кончины. Вынужденный выступить открыто — я, генералъ Корниловъ, заявляю, что Временное Правительство подъ давленіемъ большевистскаго большинства Совѣтовъ дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ планами германскаго генеральнаго штаба... Тяжелое сознаніе неминуемой гибели страны повелѣваетъ мнѣ въ эти грозныя минуты призвать всѣхъ русскихъ людей къ спасенію умирающей родины..."

"Новое Время" немедленно этотъ приказъ привело полностью. Въ передовой статьѣ всецѣло примкнуло къ позиціи Корнилова, привѣтствуя его мужественное выступленіе.

А на слѣдующій день, по распоряженію Керенскаго, наша газета была закрыта.

Закрыта, несмотря на свободу совѣсти, печати, слова, собраній и прочихъ правъ россійскаго гражданина, освобожденнаго отъ гнета царизма. И несмотря на то, что большевицкіе листки, требовавшіе сверженія Временнаго Правительства, свободно продолжали выходить.

Волненіе царило въ тотъ день у насъ въ редакціи небычайное. Послѣ долгаго совѣщанія со-

трудниковъ рѣшено было отправить къ Керенскому въ Зимній Дворецъ одного изъ нашихъ "революціонныхъ" редакторовъ А. И. Ксюнина. Ксюнинъ раньше писалъ у насъ отчеты о засѣданіяхъ Государственной Думы, во время сессій ежедневно посѣщалъ Таврическій Дворецъ, былъ хорошо знакомъ съ Керенскимъ и не разъ объединялся съ нимъ въ думскомъ буфетѣ. Согласно нашимъ предположеніямъ, личная встрѣча Ксюнина съ "министромъ предсѣдателемъ" могла дать многое и привести къ отмѣнѣ запрещенія. Вѣдь Керенскому будетъ неловко передъ старымъ знакомымъ за противорѣчіе между своими демократическими словами о гражданскихъ свободахъ въ Думѣ и своими диктаторскими дѣйствіями въ Зимнемъ Дворцѣ!

Явившись во Дворецъ, Ксюнинъ передалъ визитную карточку швейцару для врученія лично премьеръ-министру, и сталъ ждать въ пріемной. Опредѣленныхъ просителей здѣсь не было видно. Кто-то приходилъ, кто-то уходилъ, появляясь въ однихъ дверяхъ, исчезая въ другихъ.

Прошелъ часъ.

— Вы передали мою карточку министру? — спросилъ Ксюнинъ швейцара.

— Передалъ.

— И что онъ сказалъ?

— Просилъ подождать.

Только черезъ два часа изъ кабинета премьера вышелъ какой-то субъектъ во френчѣ и пригласилъ

представителя "Новаго Времени" слѣдовать за нимъ. Керенскій сидѣлъ за императорскимъ письменнымъ столомъ, и съ глубокомысленнымъ видомъ читалъ какую-то бумагу, долго отъ нея не отрываясь.

— Александръ Федоровичъ... — произнесъ, наконецъ, Ксюнинъ.

Тотъ поднялъ голову и недовольно взглянулъ на просителя.

— Вамъ кого угодно? Министра-предсѣдателя? — строго спросилъ онъ.

— Да...

— Это я. Въ чемъ дѣло?

Ксюнинъ сталъ излагать причину своего визита и попутно, разумѣется, привелъ различныя идеологическія соображенія о демократическихъ принципахъ. Керенскій, сдѣлавъ каменное лицо, слушалъ; и когда его собесѣдникъ закончилъ свою горячую рѣчь, всталъ, подошелъ къ нему, принялъ величавую позу и безстрастнымъ голосомъ отчеканилъ:

— Я разрѣшу изданіе вашей газеты только въ томъ случаѣ, если вы завтра же напечатаете сожалѣніе о принятой вами позиціи и выразите порицаніе Корнилову за его бунтовщическое выступленіе.

— Позвольте... Но вѣдь это же наше свободное мнѣніе...

— Въ такомъ случаѣ я сдѣлать ничего не

могу. До-свиданья.

По возвращеніи Ксюнина въ редакцію мы долго совѣщались, какъ быть. И наконецъ рѣшили со слѣдующаго дня выпускать свою газету подъ новымъ названіемъ: "Утро".

Такимъ образомъ, "Новое Время" по волѣ всероссійскаго оппортуниста перестало существовать.

БОЛЬШЕВИЦКІЙ ПЕРЕВОРОТЪ.

Чтобы быть хорошимъ провокаторомъ, нужно имѣть особый талантъ. И этимъ талантомъ безусловно обладалъ А. Ф. Керенскій. Даже злѣйшіе враги не могутъ не воздать должное подобной его способности.

Ведя переговоры съ ген. Корниловымъ, Керенскій предалъ его, вооруживъ противъ наступавшихъ на Петербургъ войскъ революціонныя банды солдатъ и рабочихъ. Пославъ въ Ставку Львова для выясненія положенія, Керенскій выслушалъ заключенія князя и арестовалъ его. Узнавъ о намѣреніяхъ Крымова навести въ столицѣ порядокъ, Керенскій вызвалъ генерала въ Петербургъ подъ честное слово и довелъ его тутъ же до самоубійства.

Потерявъ всякое самообладаніе отъ желанія сохранить власть, оставшись безъ приличныхъ со-

трудниковъ, окруженный германскими агентами и фанатиками большевизма, Керенскій безпомощно барахтался среди моря бушущей черни, вопилъ на митингахъ, размахивалъ руками на засѣданіяхъ Совѣта и въ предсмертныхъ конвульсіяхъ своей популярности быстро и вѣрно опускался на дно.

А страна тѣмъ временемъ впадала въ анархію. Всюду вспыхивали продовольственные безпорядки. Помѣщичьи усадьбы пылали. Въ арміи начался полный развалъ. Не желая получать никакихъ контрибуцій и аннексій отъ нѣмцевъ, солдаты стремительно наступали на собственный тылъ, надѣясь на родинѣ аннексировать чужія земли и наложить контрибуцію на капиталистовъ.

И прекраснодушная благородная чуткая интеллигенція, такъ искренно гордившаяся своей февральской безкровной революціей, куда то исчезла, скрылась за тюлевыя занавѣски квартиръ, чтобы не расшатывать нервы при видѣ насилій и крови. Даже глава либеральныхъ интеллигентовъ Милюковъ, говорившій что-то неясное о необходимости примириться съ Корниловымъ, въ концѣ концовъ смолкъ, удалившись въ свой кабинетъ и начавъ собирать добавочные матеріалы для исторіи русской культуры и для повѣсти временныхъ лѣтъ о томъ, какъ русская земля развалилась.

Наступилъ октябрь. Большевики съ каждымъ днемъ укрѣпляли свои позиціи. Организовался "Военно-революціонный комитетъ" во главѣ съ Троц-

кимъ. Создалась "Красная Гвардія". Вернувшійся изъ Финляндіи Ленинъ появлялся сначала на собранія загримированнымъ подъ милаго старичка съ темными очками на носу; но затѣмъ сбросилъ и парикъ и очки, видя, что на дѣйствительность можно безбоязненно смотрѣть безъ всякихъ очковъ.

Цитаделью большевиковъ сталъ Смольный Институтъ. Зданіе превратили въ крѣпость, повсюду разставили пулеметы, у входа установили орудія. А вражескимъ опорнымъ пунктомъ, гдѣ размѣстилось Временное Правительство, сдѣлался Зимній Дворецъ. Его тоже нужно было охранять кѣмъ-то. Но такъ какъ въ свое время помощь генераловъ Корнилова и Крымова Временному Правительству показалась опасной, то теперь для охраны были приглашены всѣ оставшіяся вѣрными петербургскія воинскія части: юнкера и ударный женскій батальонъ.

Подъ прикрытіемъ этихъ-то силъ, особенно разсчитывая на женщинъ, шестнадцать министровъ во главѣ съ Керенскимъ и выжидали развитія событій.

Между тѣмъ обывательская жизнь въ Петербургѣ шла своимъ очередомъ, несмотря на лишенія, затрудненія и всеобщую безтолковщину. Хотя всѣ видѣли, какъ крѣпнетъ положеніе большевиковъ, однако мало кто чувствовалъ, что трагическая развязка близка. Къ лидерамъ большевизма относились съ такой же ироніей и съ такимъ же

презрѣніемъ, какъ и къ министрамъ Временнаго Правительства. Помню, какъ-то в нашемъ "Утрѣ", замѣнившемъ "Новое Время", я помѣстилъ шутливый фельетонъ о будущей большевицкой власти въ Россіи, съ премьеръ-министромъ Ленинымъ и съ военнымъ министромъ Троцкимъ - Бронштейномъ. Фельетонъ читателямъ какъ будто понравился. Однако, одинъ изъ нихъ при встрѣчѣ со мною замѣтилъ:

— Написано забавно. Но, все-таки, это слишкомъ большой шаржъ.

Нелѣпостей въ нашемъ быту тогда проявлялось не мало. Въ подкрѣпленіе малолѣтнимъ милиціонерамъ, всѣ мужчины, квартиранты большихъ домовъ, обязаны были поочередно дежурить по ночамъ возлѣ воротъ.

Для этихъ дежурствъ выдавали ружья, внутрь которыхъ никто не заглядывалъ — заряжены, или нѣтъ. Между прочимъ, на одномъ изъ подобныхъ дежурствъ я познакомился со своимъ сосѣдомъ-инженеромъ, жившемъ на одной площадкѣ съ нашей квартирой. Три года мы прожили рядомъ и никогда не видѣли другъ друга.

— Простите за вопросъ. . . — какъ-то спросилъ онъ меня, боязливо опираясь на свое ружье. — Какая у васъ спеціальность?

— Я сотрудничаю въ "Новомъ Времени".

— Ахъ, вотъ что. Понимаю. А то, знаете, однажды ваша кухарка пришла по какому то дѣ-

лу къ нашей, а на кухнѣ въ это время находилась моя жена. Жена, между прочимъ, спросила ее: "скажите, чѣмъ занимается вашъ баринъ?" А та отвѣчаетъ: "Ничѣмъ. Сидитъ только и пишетъ".

Помимо дежурствъ, разстройства транспорта и продовольственныхъ затрудненій, порядочно хлопотъ доставляли нашей интеллигенціи забастовки распропагандированной домашней прислуги. Очень часто прислуга скандалила, вела себя вызывающе, требуя восьмичасоваго рабочаго дня, что для стараго русскаго быта казалось потрясающимъ требованіемъ. На долю нашей семьи выпалъ особый почетъ: наша кухарка Даша, та самая, которая считала, что я ничего не дѣлаю, а только пишу, была избрана предсѣдательницей объединенія прислуги Петербургской Стороны. Подобнымъ избраніемъ мы съ женой были очень напуганы, но страхъ, къ счастью, оказался напраснымъ. Даша явилась къ намъ торжествующая, гордая, и благосклонно заявила, обращаясь уже не со словами "баринъ" и "барыня", а по имени-отечеству:

— Имѣйте въ виду, что я женщина справедливая и помню добро. Такъ какъ вы оба обращались со мной и съ горничной нѣжливо и благородно, то мы будемъ служить вамъ какъ прежде. Но зато нашъ союзъ покажетъ другимъ эксплоататорамъ кузькину мать!

По вечерамъ, несмотря на стрѣльбу и грабежи, многіе продолжали ходить или ѣздить другъ къ

другу въ гости обмѣняться мнѣніями и узнать новости. Но чтобы не поддаваться паникѣ и выказать презрѣніе къ Правительству и къ большевикамъ, большей частью говорили не о серьезныхъ вещахъ, а сообщали новые анекдоты и сценки изъ жизни въ столицѣ.

Разсказывали, напримѣръ, какъ въ Зимній Дворецъ, гдѣ обосновалось Правительство, прибыли представители украинской Рады. Одинъ изъ курьеровъ, увидѣвъ толпу незнакомцевъ, спросилъ своего коллегу швейцара:

— А это еще кто такіе?

— Да кто! Хохлы. Говорятъ — делегаты Рады.

— Чему-жъ делегаты рады? Вотъ дураки!

Или говорили о томъ, какъ на улицѣ одинъ пьяный солдатъ, снимая съ бутылки водки сургучную массу, злобно ворчалъ:

— Проклятые буржуи! Говорятъ — свобода печати, а водку до сихъ поръ запечатываютъ!

Въ общемъ, всѣ бодрились, старались не падать духомъ. Не вѣрили, что большевики, даже захвативъ власть, могутъ продержаться хотя бы нѣсколько дней. Ждали кого-то, не зная кого; надѣялись на что-то, неизвѣстно на что. Очевидно, должно было произойти чудо. Но чудо, увы, не произошло. 2-го октября, чувствуя, что часы его Правительства уже сочтены, Керенскій кинулся сначала въ Предпарламентъ, прося помощи противъ

большевиковъ. Но Предпарламентъ его не поддержалъ. Тогда Керенскій рѣшилъ вызвать себѣ на подмогу казачьи полки. Но казаки, за исключеніемъ незначительной части, остались къ призыву равнодушными. Вернувшись въ Зимній Дворецъ къ своимъ министрамъ, верховный провокаторъ успокоилъ ихъ, что все идетъ хорошо, что онъ лично отправится на фронтъ, приведетъ оттуда вѣрныя ему дивизіи, сѣлъ въ автомобилъ и уѣхалъ.

Съ тѣхъ поръ Петербургъ этого спасителя Россіи никогда больше не видѣлъ. Куда онъ пропалъ, не сразу узнали.

А осиротѣвшіе шестнадцать министровъ, опираясь на юнкеровъ и на женщинъ, горделиво ждали исхода событій. Когда съ Петропавловской Крѣпости и съ "Авроры" раздались первые выстрѣлы, они благоразумно перешли изъ передней комнаты Дворца во вторую; когда оцѣпившія Дворецъ большевицкія банды ворвались внутрь и начали бой съ несчастными юнкерами и женщинами, министры перебрались въ третью комнату; а когда послѣ короткаго сопротивленія защитники и защитницы Дворца были разоружены, стоявшій во главѣ банды Антоновъ Овсѣенко нашелъ шестнадцать соратниковъ Керенскаго уже въ послѣдней комнатѣ, гдѣ и объявилъ ихъ арестованными.

Такъ закончилась краткая эпопея интеллигентской власти, смѣнившей въ Россіи царскую власть. Странно все это вышло и неправдоподобно.

Весь экстрактъ русскаго таланта и генія былъ выдвинутъ февральской революціей. Все самое лучшее, все самое мощное, все самое выдающееся могла дать изъ своей среды великая русская интеллигенція, оказавшаяся полновластнымъ хозяиномъ страны послѣ отреченія Императора.

И что же? Гдѣ геніи? Гдѣ таланты? Гдѣ мудрые земскіе дѣятели? Кромѣ гоголевскихъ и чеховскихъ персонажей — никого...

И такъ обидно все рухнуло, напоминая до нѣкоторой степени паденіе царизма. Бюрократическая власть закончила свое существованіе сумасшедшимъ Протопоповымъ. Интеллигентская власть завершилась маніакомъ Керенскимъ. Однако, значительное различіе, все-таки, было: какъ никакъ, царскій періодъ отъ смутнаго времени, несмотря на свои несовершенства, тянулся болѣе трехсотъ лѣтъ. А періодъ интеллигентскаго правленія, отъ смутнаго времени февральской революціи, несмотря на всѣ свои совершенства, занялъ промежутокъ времени гораздо меньше трехсотъ дней.

БѢГСТВО ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.

Тотчасъ же послѣ переворота типографія наша была захвачена большевиками, и "Новое Время"

вмѣстѣ съ "Вечернимъ Временемъ" не могли уже выходить даже подъ новымъ названіемъ.

Сотрудники попрежнему собирались въ редакціи и обсуждали создавшееся положеніе. Нѣкоторые изъ молодыхъ дѣлали наивныя попытки добиться освобожденія типографіи и получить разрѣшеніе на возобновленіе изданія, — но, разумѣется, безуспѣшно. Пришлось, такимъ образомъ, приступить къ ликвидаціи дѣла. Всѣ имѣвшіяся въ распоряженіи издательства наличныя суммы были распредѣлены между постоянными сотрудниками и служащими. И только теперь, когда всѣ конторскія книги оказались провѣренными, выяснилось, какъ широко и въ то же время безхозяйственно велось "Новое Время". Задолженность сотрудниковъ въ смыслѣ непокрытыхъ авансовъ исчислялась въ сотняхъ тысячъ рублей; кромѣ того, нѣкоторымъ старымъ корреспондентамъ въ провинціи и заграницей жалованіе автоматически высылалось въ продолженіе многихъ лѣтъ послѣ ихъ смерти, и неизвѣстно кѣмъ получалось.

Во время собраній въ редакціи нѣкоторые сотрудники, въ томъ числѣ и я, высказывали мнѣніе о томъ, что намъ всей коллегіей слѣдовало бы переѣхать на югъ, въ казачьи земли, и тамъ издавать свою газету, пока большевицкая власть въ Петербургѣ не рухнетъ. Вообще, мысль о бѣгствѣ на Донъ или на Кубань приходила тогда въ голову многимъ. Да это и имѣло достаточное логи-

ческое основаніе. Казачество, въ силу своей зажиточности и хуторскому хозяйству, считалось консервативнымъ элементомъ въ странѣ; кромѣ того, на его земляхъ находилось сравнительно мало фабричнаго и заводского пролетаріата. Недаромъ Добровольческая Армія организовалась именно въ казачьихъ областяхъ, хотя и не безъ осложненій и тяжкихъ усилій.

Какъ-то разъ, встрѣтивъ въ редакціи Меньшикова, я спросилъ его, не хочетъ-ли онъ примкнуть къ нашей группѣ и перебраться въ Ростовъ или въ Екатеринодаръ.

— О, нѣтъ, — задумчиво отвѣтилъ онъ. — Зачѣмъ такъ далеко? Мы поселимся у себя въ Валдаѣ. Там у насъ домъ, полная обстановка, всѣ удобства... Кстати, я какъ разъ хотѣлъ предложить вамъ и вашей женѣ жить у насъ. Комнатъ достаточно, стѣснять не будете, а мы были бы рады.

Сердечно поблагодаривъ Михаила Осиповича, я отказался отъ его предложенія. Въ это время жена моя лѣчилась на Кавказѣ, и мнѣ до того, какъ обосноваться въ Ростовѣ или Екатеринодарѣ, нужно было заѣхать за нею. Отказъ отъ гостепріимства Меньшикова спасъ меня. Переселившись въ свой Валдай, М. О. поступилъ тамъ письмоводителемъ въ какое-то учрежденіе, жилъ тихо, незамѣтно, никто его не безпокоилъ; но произошло убійство Урицкаго, по Россіи начали рыскать ка-

рательныя "тройки" для ликвидаціи контръ-революціи, одна изъ троекъ попала въ Валдай — и бѣдный Меньшиковъ былъ разстрѣлянъ.

Увы! Много интеллигентныхъ людей погибло тогда изъ-за этихъ предателей: собственныхъ домовъ, обстановки, старинныхъ шкаповъ, коммодовъ, удобныхъ креселъ и занавѣсокъ, съ которыми жаль было разстаться.

Послѣ переворота прошло уже около мѣсяца. За это время бѣжавшій изъ Зимняго Дворца Керенскій на нѣсколько дней опять появился, но уже не въ Петербургѣ, а во Псковѣ; съ кѣмъ-то совѣщался, кого-то уговаривалъ и затѣмъ исчезъ окончательно, чтобы впослѣдствіи вынырнуть заграницей въ качествѣ врага Добровольческой Арміи.

Потерпѣла неудачу и попытка ген. Краснова пробиться къ столицѣ. Въ общемъ, никакого улучшенія положенія въ ближайшемъ будущемъ ожидать было нельзя. Но я со своимъ отъѣздомъ не торопился, откладывая его со дня на день.

И, вдругъ, — читаю въ одной изъ газетъ списокъ лицъ, объявленныхъ врагами народа и разыскиваемыхъ совѣтскими властями. Въ числѣ этихъ враговъ оказались нововременцы: нашъ бывшій главный редакторъ М. А. Суворинъ, его помощникъ — М. Н. Мазаевъ, М. О. Меньшиковъ и А. Ренниковъ.

Нечего говорить, какое впечатлѣніе произве-

ло на меня чтеніе списка. Но, помимо тревоги, замѣтка вызвала во мнѣ и немалое удивленіе. Почему разыскиваемыхъ? Суворинъ, Мазаевъ и Меньшиковъ, дѣйствительно, уже уѣхали. Но я, вѣдь, до сихъ поръ не покидалъ столицы.

Повидимому, выручилъ мой псевдонимъ. Меня искали какъ Ренникова, а я былъ прописанъ и снималъ квартиру подъ настоящей фамиліей. Этимъ обстоятельствомъ, пока большевики еще не наладили свою Чеку, нужно было воспользоваться. И я сразу же началъ дѣйствовать.

Изъ Петербурга выѣхать тогда было трудно. Для покупки желѣзнодорожнаго билета требовалось разрѣшеніе властей. Зная это, отправился я въ Главное Управленіе Краснаго Креста, гдѣ по мобилизаціи состоялъ на службѣ въ качествѣ военнаго чиновника, попросилъ управляющаго контрольнымъ отдѣломъ выдать фиктивное удостовѣреніе о томъ, что я командируюсь въ Ростовъ на Дону для ревизіи краснокрестныхъ учрежденій; и, получивъ эту бумагу за всѣми подписями и печатями, отправился въ Смольный.

Не скажу, чтобы было пріятно подходить къ тому самому зданію, гдѣ состоялось постановленіе о моемъ арестѣ. У входа до сихъ поръ, какъ и передъ переворотомъ, стояли орудія. Вокругъ — пулеметы. Возлѣ воротъ — часовые, матросы, солдаты и не мало штатской публики, явившейся сюда приблизительно по тѣмъ же дѣламъ, какъ мое.

Бумажка Краснаго Креста оказала нужное дѣйствіе. Часовые безпрепятственно пропустили меня; какой-то дегенеративнаго вида типъ въ передней — тоже. Послѣ долгихъ блужданій среди просителей и представителей совѣтскаго административнаго сброда, я предсталъ, наконецъ, передъ застекленныя очками очи лохматой рыжей дѣвицы, которая вѣдала пропусками.

Передо мной въ очереди стоялъ какой-то старичекъ въ штатскомъ. Костюмъ на немъ сидѣлъ странно — какъ будто съ чужого плеча; галстухъ повязанъ неумѣло — простымъ узломъ, какъ для упаковки. Старичекъ усиленно горбился и глуповато-наивнымъ выраженіемъ лица старался дать понять, что выживаетъ изъ ума. На разспросы рыжей дѣвицы отвѣчалъ невпопадъ, приближалъ къ ней свое ухо, жевалъ губами и иногда, сообразивъ, что она говоритъ, радостно кивалъ головой и заискивающе восклицалъ:

— Да, да! Я — проѣздомъ. Изъ Финляндіи въ Харьковъ. Проѣздомъ!

И, чтобы объяснить рыжей особѣ, что такое проѣздъ, старичекъ широко водилъ передъ собой рукой слѣва направо: слѣва, очевидно, была Финляндія, справа — Харьковъ.

Съ его пропускомъ и съ моимъ все вышло благополучно. Дѣвица просмотрѣла бумажку Краснаго Креста, заглянула въ лежавшій на столѣ проскрипціонный списокъ враговъ народа, среди коихъ на-

вѣрно находился мой псевдонимъ, и подписала разрѣшеніе на выѣздъ.

Выйдя изъ воротъ Смольнаго и направившись къ Суворовскому Проспекту, я нагналъ старичка.

— Ну, что? Получили? — остановивъ меня, спросилъ онъ.

— Да, слава Богу.

— Поздравляю. Но какіе мерзавцы, а? Какъ унижаться приходится!

Видъ у него былъ сейчасъ совершенно другой. Никакой сгорбленности, никакого придурковатаго выраженія лица. Наоборотъ — грудь колесомъ, голова гордо приподнята, движенія упругія, рѣшительныя, выдающія военную выправку.

— Значитъ — вы на Донъ? — пристально взглянувъ мнѣ въ глаза, спросилъ онъ.

— Да, — съ многозначительной улыбкой отвѣтилъ я.

— Прекрасно. Я — тоже. Тамъ можно будетъ сорганизоваться. Но какія времена? Какое хулиганье! Сволочь! Ну, въ добрый часъ. До-свиданья.

Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и свернулъ въ боковую улицу.

Вернувшись домой, я засталъ тамъ своего племянника Бобу, кадета Александровскаго корпуса. Онъ теперь часто приходилъ ко мнѣ, такъ какъ въ корпусѣ начались "реформы" и нерѣдко происходили перебои въ занятіяхъ.

Не посвящая его въ извѣстіе о предполагае-

момъ моемъ арестѣ, я сообщилъ, что спѣшно уѣзжаю сегодня на югъ и сейчасъ начну укладываться.

— Какъ? Сегодня? — огорчился Боба .— А куда? На Кавказъ? Къ тетѣ?

— Да.

— И когда вы оба вернетесь?

— Мѣсяца черезъ четыре. Когда большевики кончатся.

— А ты думаешь, они скоро кончатся?

Племянникъ съ почтительнымъ вниманіемъ взглянулъ на меня. Я авторитетно кивнулъ головой.

— Разумѣется. Какъ же имъ удержаться у власти, если они ничего не понимаютъ въ управленіи государствомъ?

— Да, это вѣрно, дядя. Я не сообразилъ.

Боба и горничная стали мнѣ помогать. Чемодановъ я рѣшилъ взять съ собой три. Больше не надо. Во-первыхъ кромѣ зимнихъ вещей ничего не понадобится; во-вторыхъ, могутъ въ дорогѣ ограбить, если много везти. А дома все сохранится.

— Баринъ, а можетъ, все-таки, возьмете это? — нерѣшительно предложила горничная, протягивая лѣтнее пальто.

— Нѣтъ, нѣтъ. Только лишняя тяжесть. Отнесите назадъ.

— А поѣдете въ шубѣ?

— Тоже нѣтъ. На Кавказѣ будетъ тепло. Дай-

те просто зимнее пальто. И не новое, а то — другое, похуже.

— Слушаю.

Уложивъ два старыхъ костюма, которые не жалко было трепать въ путешествіи, затѣмъ — взявъ немного бѣлья, кое-что изъ вещей жены, я сталъ обходить комнаты и бѣгло осматривать, не забылъ-ли что-нибудь нужное.

Въ кабинетѣ подошелъ къ стѣнѣ, заставленной полками съ книгами, кое-гдѣ пробѣжалъ глазами надписи на корешкахъ, вытащилъ почему-то "Критику Чистаго Разума" Канта, "Мірозданіе" Мейера, самоучитель "Русскій въ Испаніи", еще кое-что. Послѣ этого началъ шарить въ ящикахъ письменнаго стола, вынулъ пачку документовъ, снялъ со стола двѣ-три ручки, столько же карандашей, сургучъ, резинку, разрѣзной ножъ. Передалъ все племяннику, чтобы положилъ въ чемоданы; затѣмъ бѣгло прошелся по гостиной, захватилъ пепельницу, фотографію какой-то дальней родственницы; въ столовой забралъ изъ буфетнаго шкапа нѣсколько серебрянныхъ вилокъ и ложекъ. А въ передней довольно долго выбиралъ, какую палку взять въ дорогу.

Палки и галстухи были моей страстью. Я много покупалъ ихъ, хотя носилъ обыкновенно одни и тѣ же, любимые. Чтобы не рисковать, выбралъ палку попроще; то же самое продѣлалъ въ спальнѣ съ галстухами.

Въ общемъ, несмотря на нервную поспѣшность, все мною было сдѣлано основательно, вдумчиво. Когда укладка закончилась, я позавтракалъ съ племянникомъ, подѣлился съ нимъ ликвидаціонными деньгами, далъ прислугѣ жалованье впередъ не за четыре мѣсяца, а за цѣлыхъ пять, чтобы она была совершенно спокойна, и къ вечеру спозаранку отправился на Николаевскій вокзалъ.

Что дѣлалось тамъ, не поддается описанію. Давка, грязь, вонь, шелуха сѣмечекъ, груды тѣлъ, лежащихъ и сидящихъ на полу. Въ буфетѣ — солдаты, матросы. Какой-то пьяный рабочій произносилъ рѣчь о томъ, что всѣхъ уѣзжающихъ буржуевъ необходимо разстрѣливать, такъ какъ они убѣгутъ къ западнымъ капиталистамъ и устроятъ контръ-революцію.

Уѣхалъ я, слава Богу, благополучно. Смотрѣлъ въ окно на мелькавшіе огни пригорода, на мутное зарево надъ покинутой столицей; радовался, что избѣгъ опасности, грустилъ о тѣхъ прекрасныхъ годахъ, когда не было еще жалкаго Петрограда, а былъ блистательный Санктъ-Петербургъ.

И не догадывался я, что сегодня въ послѣдній разъ вижу все это. Въ послѣдній разъ проѣзжалъ по любимому Троицкому мосту, по ставшему такимъ роднымъ Невскому проспекту.

Сижу сейчасъ на югѣ Франціи, вспоминаю — и изумляюсь. Конечно, людямъ свойственно ошибаться. Русскимъ интеллигентамъ — въ особенно-

сти. Но, все-таки, это ужъ слишкомъ: уѣхать на четыре мѣсяца и не вернуться даже черезъ тридцать шесть лѣтъ!

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМІЯ.

Позорно окончило свое существованіе Временное Правительство, принявшее на себя бремя власти послѣ обанкротившихся бюрократовъ. Жалкую дряблость проявила либеральная интеллигенція, сулившая Имперіи радость бытія при осуществленіи желанныхъ демократическихъ свободъ. Оскалъ звѣриныхъ зубовъ показалъ при этихъ свободахъ народъ - богоносецъ. Въ жалкое стадо превращалось населеніе великой страны, готовое покорно идти куда - угодно подъ окрики погонщиковъ изъ преступнаго міра.

И было бы стыдно русскому человѣку считать себя русскимъ, если бы не героическій порывъ бѣлыхъ армій, поднявшихся съ разныхъ концовъ родной земли противъ красныхъ насильниковъ. Отъ призыва бѣлыхъ вождей радостно забились сердца лучшихъ русскихъ людей. Вспыхнула надежда вернуть Россіи свободу, честь и величіе.

Не судилъ Богъ нашимъ героямъ дать народу свободу, а государству — былое величіе. Но русскую честь они возстановили вполнѣ. Кровь испы-

танныхъ воиновъ и святой молодежи, отдавшей родинѣ свою едва расцвѣтшую жизнь, смыла пятна позора съ русскаго имени.

Создавались бѣлые кадры не по почину бывшаго высшаго класса, облагодѣтельствованнаго милостями и поддержкой монарховъ; не банкирами, скопившими русское золото; не купцами, разбогатѣвшими на русскихъ товарахъ; не радикальной интеллигенціей, претендовавшей на водительство народомъ въ дѣлѣ добыванія свободы. Отовсюду, изъ разныхъ сословій, приходили честные русскіе люди подъ крылья израненнаго россійскаго орла, подъ родное трехцвѣтное знамя. И, вопреки утвержденіямъ клеветниковъ, было это бѣлое воинство безклассовымъ, съ вождями не блиставшими своими родословными, съ рядовымъ офицерствомъ, съ безвѣстными вдохновенными юношами, не помышлявшими о реставраціи отжившаго прошлаго.

И не вина этого воинства, что не удалось дѣло освобожденія. На фронтѣ нашлись и величіе духа, и самоотверженность, и священный огонь. Но въ тылахъ — не находилось выдающихся нужныхъ людей.

Какъ не было ихъ при паденіи монархіи. Какъ не было и при паденіи власти интеллигенціи.

Только воинскую доблесть былой Имперіи обнаруживала Россія до самаго конца. Всѣ же высокія гражданскія качества выродились.

Русскіе люди еще сохранили въ себѣ священ-

ную способность умирать за отечество. Но способность жить за отечество — исчезла.

. . . .

Пріѣхалъ я въ Екатеринодаръ изъ Батума, гдѣ издавалъ и редактировалъ въ согласіи съ задачами Добровольческой Арміи газету "Нашъ Край". Уѣзжать изъ Батума мнѣ уже пришло время. Во-первыхъ, оккупанты англичане притѣсняли нашу газету за разоблаченія ихъ безсовѣстной спекуляціи въ Закавказьи; съ момента на моментъ можно было ждать закрытія "Нашего Края". А, во-вторыхъ, друзья изъ мѣстныхъ жителей предупреждали, что грузинскіе соціалисты готовятъ на меня покушеніе за мои статьи противъ тифлисскаго правительства, враждебнаго бѣлому движенію. Послѣ покушенія на генерала Баратова и убійства генерала Натіева я хорошо ознакомился съ подобными пріемами кавказской принципіальной полемики. А тутъ еще одинъ мой близкій родственникъ, внѣшностью похожій на меня, непрестанно настаивалъ, чтобы я поскорѣе уѣзжалъ изъ Батума.

— Это безобразіе, что ты до сихъ поръ сидишь здѣсь, — съ негодованіемъ говорилъ онъ. — Пока грузины не будутъ знать, что ты бѣжалъ, они по ошибкѣ легко могутъ подстрѣлить меня вмѣсто тебя!

Въ Екатеринодаръ меня вызвалъ мой коллега по "Новому Времени" Е. А. Егоровъ, который завѣдывалъ въ "Осважѣ" иностраннымъ отдѣломъ.

Этотъ Освагъ, то-есть — Освѣдомительное Агентство, только что образовавшійся для цѣлей пропаганды и информаціи, былъ созданъ "Особымъ Совѣщаніемъ", игравшимъ роль правительства при Главнокомандующемъ. За неимѣніемъ опытныхъ журналистовъ, кромѣ рѣдкихъ исключеній, Освагъ заполнили свѣтскими дамами, кандидатами на судебныя должности, столоначальниками, а во главѣ поставили какую-то загадочную личность — нѣкоего Чехотина, протеже одного изъ членовъ "Особаго Совѣщанія".

Такъ какъ районъ Добровольческой Арміи въ первое время былъ отрѣзанъ отъ внѣшняго міра, то информація добывалась съ огромнымъ трудомъ; почти никакія газеты, русскія и иностранныя, не получались; часто приходилось довольствоваться одними слухами. Поэтому у Освага работы было мало, и начальникъ его Чехотинъ на досугѣ занимался благоустройствомъ своего учрежденія по послѣднему слову науки. Будучи глубокимъ политико - экономомъ и изучивъ различныя системы экономизаціи человѣческаго труда, онъ рѣшилъ примѣнить одну изъ этихъ системъ къ ввѣреннымъ ему служащимъ. Чтобы сотрудники Освага во время работы не теряли драгоцѣнное время, не ходили взадъ и впередъ по учрежденію за справками и не суетились въ корридорахъ и на лѣстницахъ, во всѣхъ комнатахъ Чехотинъ организовалъ электрическую сигнализацію изъ отдѣленія въ отдѣленіе и

изъ всѣхъ отдѣленій къ самому управляющему. Когда кто-то вызывалъ кого-то, раздавался звонокъ, надъ дверьми зажигалась лампочка, и всѣ служащіе выбѣгали изъ комнатъ смотрѣть, у кого горитъ и подъ какимъ номеромъ.

Подъ конецъ свѣдѣнія о нашей сигнализаціи дошли до "Особаго Совѣщанія". Обычно правые и лѣвые члены "Совѣщанія" по каждому вопросу спорили между собой и учреждали согласительную комиссію для выработки компромисса; однако, въ данномъ случаѣ искать компромисса не пришлось. Чехотина уволили сразу и вмѣсто него управляющимъ Освага назначили новую замѣчательную личность: ростовскаго мукомола Н. Е. Парамонова.

Знало-ли наше "Правительство", кого сажало въ Освагъ, затрудняюсь сказать. Но за предѣлами "Совѣщанія" многимъ было извѣстно прошлое новаго возглавителя пропаганды Добровольческой Арміи. Помимо обладанія паровыми мельницами, Парамоновъ обладалъ и большимъ книгоиздательствомъ, которое въ 1905 году выпускало въ огромномъ количествѣ подпольную и явную революціонную литературу. Съ произведеніями Каутскаго, Розы Люксембургъ, Троцкаго, Чернова и прочихъ эсдековъ и эсеровъ русская молодежь того времени знакомилась, главнымъ образомъ, по брошюрамъ парамоновскаго издательства. На Дону дѣятельность Парамонова была схожа съ дѣятельностью знаменитаго Морозова въ Москвѣ. Морозовъ давалъ

черезъ Горькаго деньги соціалистамъ, чтобы тѣ впослѣдствіи отобрали у него или у наслѣдниковъ всю его мануфактуру; Парамоновъ же давалъ деньги на революціонную печать, чтобы соціалисты отобрали у него всѣ его мельницы.

Началъ этотъ почтенный дѣятель свою работу въ Добровольческой Арміи очень оригинально: перенеся Освагъ въ Ростовъ, гдѣ для печатной пропаганды было больше технических средствъ и возможностей, сталъ расширять учрежденіе тѣмъ, что принялся набирать въ него крайне-лѣвыхъ сотрудниковъ, которымъ не по душѣ были и идеи Добровольческой Арміи и сама борьба съ большевизмомъ.

— Чтобы имѣть успѣхъ среди населенія, — объяснялъ онъ встревоженному "Особому Совѣщанію" свой планъ пропаганды, — нужно привлечь къ дѣлу соціалистовъ. Ихъ популярныя имена принесутъ намъ огромную пользу. Приглашать же сотрудниковъ изъ среды кадетовъ и правыхъ будетъ ошибкой. За правыми никто не пойдетъ."

Какъ не трудно было догадаться заранѣе, въ своемъ геніальномъ разсчетѣ на соціалистовъ Парамоновъ ошибся. Ни эсеры, ни меньшевики на его призывъ не откликнулись, такъ какъ большевики по духу имъ были ближе, чѣмъ національно - настроенная Бѣлая Армія. Точно также не откликнулись и журналисты - сотрудники бывшихъ лѣвыхъ газетъ, отъ которыхъ въ послѣднія десятилѣтія за-

висѣло общественное мнѣніе въ Россіи. Имъ, всю свою многолѣтнюю дѣятельность посвятившимъ разложенію національнаго духа въ русскихъ культурныхъ слояхъ и внѣдрявшимъ презрѣніе къ патріотизму, освободительное движеніе при помощи военныхъ казалось предпріятіемъ "черносотеннымъ"; и, не желая пятнать свои бѣлоснѣжныя ризы, они брезгливо отшатывались отъ Добровольческой Арміи, предпочитая спокойно сидѣть въ предѣлахъ освобожденной ею территоріи и безнаказанно поносить ея идеологію.

Изъ всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ лѣвыхъ дѣятелей Парамонову удалось привлечь к дѣлу своей пропаганды только адвоката Заруднаго, бывшаго во Временномъ Правительствѣ министромъ юстиціи. Зарудный согласился стать пропагандистомъ Добровольческой Арміи и началъ разъѣзжать по югу Россіи, читая доклады съ дифирамбами Керенскому. "Особое Совѣщаніе" съ удивленіемъ слѣдило за подобной оригинальной политикой Парамонова и въ скоромъ времени его тоже уволило, замѣнивъ К. Н. Соколовымъ. При Соколовѣ Освагъ сталъ приличнѣе, улучшилъ информаціонный отдѣлъ, открылъ въ освобожденныхъ городахъ рядъ газетъ. Но какъ и въ другихъ тыловыхъ гражданскихъ учрежденіяхъ Добровольческой Арміи, работа въ немъ велась безпорядочно.

Стучали машинки, звонили телефоны, раздавалось милое щебетаніе дамъ, шныряли взадъ и

впередъ гости...

Къ Освагу никто не относился серьезно.

ПЕРЕДЪ КРУШЕНІЕМЪ.

Въ районѣ Добровольческой Арміи на югѣ Россіи оказалось не мало сотрудниковъ "Новаго Времени" и "Вечерняго Времени", принявшихъ участіе въ Бѣломъ Движеніи. Борисъ Суворинъ началъ издавать въ Ростовѣ "Вечернее Время", затѣмъ сталъ переводить свою газету въ другіе города къ сѣверу, по мѣрѣ продвиженія Арміи къ Москвѣ. Сотрудникъ Юрьевскій и бѣжавшій изъ Быхова Никаноровъ работали въ юго-западной печати; передовикъ Егоровъ и секретарь главнаго редактора Жухинъ открыли въ Ростовѣ информаціонное агентство "Руссагенъ"; Ксюнинъ организовывалъ передвижные "агитаціонные" поѣзда; мнѣ отдѣлъ военной пропаганды, неподчиненный Освагу, поручилъ издавать и редактировать газету "Заря Россіи". Къ тому времени изъ Закавказья пріѣхалъ въ Ростовъ нашъ главный редакторъ М. А. Суворинъ, которому я предложилъ писать у меня; и чтобы ему не было обидно находиться въ подчиненіи у своего бывшаго сотрудника, предоставилъ ему въ отдѣлѣ передовыхъ статей полную автономію.

При редактированіи "Зари Россіи" пришлось

мнѣ на собственномъ опытѣ убѣдиться, какъ трудно вести дѣло безъ опытныхъ нужныхъ людей. Я даже пересталъ порицать не только Освагъ, но и "Особое Совѣщаніе", которымъ не удавалось справляться со своими задачами. Въ то время какъ враждебныя намъ лѣвыя газеты обладали кадрами профессіональныхъ журналистовъ, у насъ не было почти никого; приходилось въ большинствѣ случаевъ довольствоваться добровольцами - любителями и учить ихъ. А особенную панику испыталъ я, когда однажды мое начальство по военной пропагандѣ — милѣйшій генералъ П. вызвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и сказалъ, что хочетъ предложить интересный планъ расширенія нашего дѣла.

— Какой же планъ, ваше превосходительство? — не выказывая наружно испуга, спросилъ я.

— Намъ слѣдовало бы, помимо ростовской "Зари Россіи", открыть еще восемь прифронтовыхъ газетъ, которыя передвигались бы вслѣдъ за нашими войсками и обслуживали бы ихъ. Ростовская "Заря" будетъ центральной, а эти, прифронтовыя, какъ бы ея филіалами. Вы посылайте имъ всѣмъ циркулярно информацію и главный матеріалъ, а мѣстный онѣ будутъ добавлять сами.

— Что же... Сама по себѣ идея прекрасна, — задумчиво сказалъ я. — Теоретически ее можно только привѣтствовать. Но какъ осуществить практически? Намъ очень трудно будетъ найти и достаточное количество сотрудниковъ и восемь редакто-

ровъ!

— А вы поищите. У васъ въ журнальномъ мірѣ, навѣрно, много знакомствъ. Во всякомъ случаѣ обдумайте, постарайтесь, приложите энергію. Я на васъ очень разсчитываю. А на верхахъ командованія этотъ планъ уже извѣстенъ и очень понравился.

Что было дѣлать? Подобное довѣріе льстило. Изъ самолюбія — невозможно отказываться. Какъ никакъ, я становлюсь главнымъ редакторомъ цѣлой сѣти газетъ, — это въ тѣ глупые молодые годы казалось мнѣ положеніемъ заманчивымъ.

И я принялся за организаціонныя хлопоты. Отправился въ "Вечернее Время" отыскивать сотрудниковъ, а тамъ — почти никого. Борисъ Алексѣевичъ самъ пишетъ, самъ ведетъ техническую работу. Двинулся въ "Руссагенъ", — Егоровъ и Жухинъ не знаютъ никого, кого можно рекомендовать. Бился я, бился и съ отчаянія сталъ подыскивать редакторовъ среди знакомыхъ офицеровъ, прибывшихъ въ Ростовъ въ отпускъ, находившихся тамъ на излѣченіи отъ легкихъ раненій, или просто состоявшихъ на тыловыхъ должностяхъ.

Лучше всего, по моему мнѣнію, было искать редакторовъ среди артиллеристовъ. Артиллеристы народъ болѣе образованный, на нихъ легче всего положиться. Конечно, и кавалеристы хороши, но ихъ лучше брать въ качествѣ авторовъ легкихъ статей или стихотвореній. А пѣхотинцы подошли бы къ систематической технической работѣ.

Сталъ я приглашать къ себѣ въ редакцію заинтересовавшихся моимъ предложеніемъ офицеровъ и въ общихъ чертахъ знакомить съ газетнымъ дѣломъ. Приблизительно черезъ мѣсяцъ всѣ восемь редакторовъ — полковниковъ и капитановъ — были найдены и отправлены въ прифронтовые города съ полномочіями на подысканіе типографій и закупку бумаги.

Что успѣли сдѣлать на мѣстахъ эти редакторы, я какъ слѣдуетъ такъ и не узналъ. Очередной циркулярный матеріалъ посылался имъ ежедневно, но связь установилась только съ двумя-тремя открывшимися газетами; отъ остальныхъ не было никакихъ извѣстій. Думаю, что онѣ такъ и не появились на свѣтъ. Да и трудно было все это организовать, когда фронтъ все время передвигался. А кромѣ того, кому и для чего нужна газета въ условіяхъ боевой обстановки? Развѣ только на "цыгарки", за неимѣніемъ папиросной бумаги.

Тѣмъ временемъ наша ростовская "Заря Россіи" продолжала выходить регулярно; я бился надъ тѣмъ, чтобы привлечь подходящихъ сотрудниковъ, сдѣлать ее интереснѣе, но найти никого не удалось. Писали главнымъ образомъ военные безъ всякаго литературнаго опыта. Слабый тиражъ газеты не возросталъ, интереснаго матеріала печаталось мало.

Однажды мой начальникъ генералъ П. вызвалъ меня къ себѣ и сообщилъ, что у насъ въ отдѣ-

леніи военной пропаганды состоится совѣщаніе, на которомъ, между прочимъ, будетъ обсуждаться вопросъ о дальнѣйшемъ печатаніи "Зари Россіи".

— А въ чемъ дѣло, ваше превосходительство? — тревожно спросилъ я. — Можетъ быть предполагается нашу газету закрыть?

— О, нѣтъ, будьте покойны. Но, скажу откровенно, нѣкоторымъ лицамъ изъ высшаго командованія "Заря Россіи" не особенно нравится. Они хотятъ, чтобы вы произвели въ ней кое-какія реформы.

Огорченный этимъ непріятнымъ извѣстіемъ, я съ нетерпѣніемъ ждалъ дня засѣданія. И засѣданіе, наконецъ, состоялось. Присутствовали два-три генерала, нѣсколько полковниковъ, капитанъ, завѣдывавшій хозяйственной частью газеты, и я.

Началось съ того, что одинъ изъ генераловъ сталъ въ сдержанной формѣ порицать газету за то, что она ведется слишкомъ интеллигентно, сухо, и на языкѣ, который совсѣмъ не понятенъ простому солдату. А солдатъ, по словамъ генерала, долженъ быть главнымъ читателемъ "Зари Россіи", матеріалъ нужно подбирать преимущественно для его пониманія. Затѣмъ выступилъ одинъ изъ полковниковъ генеральнаго штаба, заявившій, наоборотъ, что нѣкоторые отдѣлы заполнены слишкомъ легкомысленными статьями, напримѣръ — отдѣлъ "Раешника", — а это совсѣмъ не соотвѣтствуетъ серьезности переживаемыхъ событій и основнымъ

идеямъ спасенія родины.

Завязался общій обмѣнъ мнѣніями, возникли даже легкіе споры, причемъ одни стояли на точкѣ зрѣнія полковника, другіе защищали мнѣніе критика - генерала. Со своей стороны я защищался, какъ могъ, ссылаясь на трудность задачи — одновременно угодить и вкусу интеллигентнаго офицера и пониманію неинтеллигентнаго нижняго чина.

Мой начальникъ — генералъ П., чтобы не углублять спора, сначала дипломатично молчалъ. А затѣмъ, вдругъ, обратился къ генералу - критику съ загадочно-хитрой улыбкой:

— Вы знаете, ваше превосходительство, мнѣ сейчасъ пришла въ голову интересная мысль... Чтобы узнать, кто изъ насъ правъ, хотите сдѣлаемъ опытъ? Позовемъ сюда кого-нибудь изъ нижнихъ чиновъ, прочтемъ ему нѣкоторыя статьи изъ газеты и посмотримъ, какое онѣ произведутъ на него впечатлѣніе.

— Позвать сюда? На засѣданіе? — Генералъ-критикъ нахмурился. — Какъ же такъ — нижняго чина? Развѣ возможно? Впрочемъ... Хм... Если хотите. Въ видѣ исключенія... Для такого дѣла, пожалуй... А что-жъ, ваше превосходительство, это, дѣйствительно, идея! Зовите!

При общемъ одобреніи присутствовавшихъ генералъ П. попросилъ капитана привести какого-нибудь солдата. Я съ замираніемъ сердца ожидалъ, кого онъ приведетъ. Шутка-ли: отъ неизвѣстнаго

малограмотнаго типа зависѣла репутація редактора!

Какова же была моя радость, когда капитанъ вернулся съ нашимъ курьеромъ — унтеръ-офицеромъ Еремѣевымъ. Еремѣевъ ежедневно приносилъ мнѣ въ редакціонный кабинетъ почту, былъ человѣкомъ довольно развитымъ, смышленнымъ, любилъ со мною бесѣдовать на разныя темы, всегда съ удовольствіемъ читалъ "Зарю Россіи".

— Послушай, Еремѣевъ, — дружески заговорилъ генералъ П., когда тотъ остановился въ дверяхъ, вытянулся въ струнку во весь свой гигантскій ростъ и замеръ на мѣстѣ, испуганно выпучивъ глаза. — Мы тебя вызвали вотъ для чего. Я буду читать кое-какія статьи изъ нашей газеты, а ты будешь внимательно слушать и отвѣчать, понялъ-ли что-нибудь или нѣтъ. Слышишь?

— Точно такъ, ваше превосходительство! — тревожно рявкнулъ Еремѣевъ.

— Такъ вотъ... Я начну съ первой статьи, которая называется передовой. Ваше превосходительство, разрѣшите приступить?

— Да, да. Пожалуйста.

— "Правительство Англіи остается вѣрнымъ той традиціонной предательской политикѣ, за которую Великобританія получила прозвище коварнаго Альбіона. При началѣ формированія своей Арміи мы получили отъ англійскихъ военныхъ представителей завѣренія въ томъ, что въ наши черноморскіе

порты будетъ доставлено необходимое военное снаряженіе для борьбы противъ большевиковъ. Мы тщетно ждали обѣщаннаго, и теперь, вдругъ, въ Палатѣ Общинъ Ллойдъ Джорджъ заявилъ, что, идя навстрѣчу пожеланіямъ рабочей партіи, правительство его величества отказывается отъ всякой помощи реакціоннымъ военнымъ силамъ, орудующимъ на югѣ Россіи..."

Генералъ съ удовольствіемъ прочелъ передовую, оглянулся по сторонамъ, увидѣлъ, какъ большинство одобрительно покачиваетъ головами, и обратился къ Еремѣеву, который какъ вкопанный стоялъ у дверей, придавъ своему лицу въ достаточной степени идіотское выраженіе.

— Ну, что, братецъ? Все понялъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство! — взревѣлъ Еремѣевъ.

— Что же не понялъ?

— Все не понялъ, ваше превосходительство!

— Такъ - таки все?

— Такъ-таки все, ваше превосходительство!

— Странно... — Генералъ почесалъ у себя за ухомъ, крякнулъ, бросилъ сочувственный взглядъ въ мою сторону и продолжалъ:

— Хорошо... Теперь прочту тебѣ слѣдующую статью, уже болѣе легкую для усвоенія. Вотъ... "Кремлевскіе купола"... Слушаешь?

— Точно такъ, слушаю, ваше превосходительство.

— Ну, слушай. Значитъ — "Кремлевскіе Купола"... "Наши войска неудержимо стремятся впередъ въ священномъ порывѣ. Уже пройденъ Курскъ. Вотъ Орелъ. Скоро — Тула... Еще одинъ взлетъ нашихъ орловъ, еще послѣднее усиліе, послѣднія жертвы — и впереди засіяютъ маковки московскихъ церквей, послышится звонъ сорока сороковъ, протянутся изсохшія руки страдающихъ братьевъ, томящихся подъ неслыханнымъ разбойнымъ игомъ..."

Когда чтеніе статьи окончилось, послышался общій гулъ одобренія. Генералъ торжествующе взглянулъ на Еремѣева и тономъ, не допускающимъ сомнѣнія, произнесъ:

— Ну, теперь ты все понялъ, дружокъ. Неправда-ли?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство!

— То-есть, какъ — никакъ нѣтъ? Не понялъ?

— Точно такъ. Не понялъ.

— Ничего не понялъ?

— Ничего не понялъ, ваше превосходительство.

— Изумительно! Въ такомъ случаѣ, попробуемъ еще что-нибудь... — генералъ сталъ пробѣгать глазами послѣднюю страницу. — Вотъ, какъ разъ, отдѣлъ солдатскаго юмора... "Раешникъ". Надѣюсь это уже поймешь... Слушай:

"Ахъ ты, Маланья,

Голова баранья!
И что ты съ большевиками знаешься?
Добровольцевъ чуждаешься?
Али мало они надъ мужичками поизмывались?
Надъ храмами Божьими надругались?..."

— Ну? Понялъ, наконецъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство! Не понялъ!

— Въ такомъ случаѣ довольно! Ступай!

Оставшись на засѣданіи еще на нѣкоторое время, выслушавъ всевозможные совѣты и пожеланія, и обѣщавъ собрать редакціонное собраніе, чтобы воплотить эти совѣты и пожеланія въ жизнь, я вернулся къ себѣ въ кабинетъ разстроенный, въ отвратительномъ состояніи духа. И вдругъ ко мнѣ съ очередной вечерней почтой въ рукахъ какъ ни въ чемъ ни бывало весело входитъ Еремѣевъ.

— Послушайте... — глядя на него съ непріязнью, сухо спрашиваю я. — Неужели вы дѣйствительно ничего не поняли изъ того, что вамъ читалъ генералъ?

— Какъ не понять! Все отлично понялъ.

— Такъ почему же вы такъ отвѣчали и подводили меня?

— Да вы ужъ простите меня, Андрей Митрофановичъ. Не сердитесь. Вамъ отъ этого ничего не будетъ, а мнѣ опасно. Чего добраго, увидятъ, что человѣкъ толковый, понимающій, снимутъ съ мѣста и пошлютъ на фронтъ!

КОНЕЦЪ.

Настали печальные дни.

Побѣдоносно продвигавшаяся къ сѣверу Армія дрогнула, исчерпавъ всѣ свои силы. Стала разрываться длинная нить добровольческихъ войскъ, растянувшаяся отъ западной Украйны до береговъ Волги.

Въ Ростовѣ, у витрины Освага, собирались тревожныя толпы, разглядывая карту Россіи со шнуромъ, обозначавшимъ положеніе фронта. Все ниже и ниже опускался зловѣщій шнуръ.

Въ городѣ, не такъ давно наружно наладившемъ мирную жизнь, опять почувствовалось дыханіе войны. Проходили воинскія части, громыхали грузовики, проносились автомобильныя кареты Краснаго Креста, сновали машины правительственныхъ учрежденій. На станціонныхъ запасныхъ путяхъ спѣшно готовились составы поѣздовъ, шипѣли старые локомотивы, звякали буфера сцѣплявшихся вагоновъ. Жители, стремившіеся покинуть городъ, скоплялись на вокзалѣ, на перронѣ, бродили между вагонами, пытаясь заранѣе занять мѣста въ поѣздахъ.

За два дня до взятія большевиками Ростова нашъ вагонъ Военной пропаганды удалось прицѣпить къ одному изъ отходившихъ составовъ. Точно дурной сонъ проходили передъ глазами конвульсіи эвакуаціи...

Въ Батайскѣ, у моста, огромный заторъ. Среди бѣгущихъ — волненіе, страхъ. Виденъ чей-то револьверъ, направленный въ лицо начальника станціи. Брань и требованіе пропустить поѣздъ внѣ очереди. Угрозы по адресу машиниста, паровозъ котораго не въ состояніи сдвинуть все количество прицѣпленныхъ вагоновъ. А противъ нашего поѣзда — жуткое зрѣлище: вагонъ второго класса, и въ окнѣ — высунувшаяся голова коровы. Тяжелый безсмысленный взглядъ обходитъ пространство между путями, гдѣ въ тревожной суетѣ движутся люди.

Чья это корова? Какому тыловому герою принадлежитъ? Не одному-ли изъ новочеркасскихъ купцовъ, отказавшихся помочь генералу Алексѣеву при созданіи Добровольческой Арміи? Или, быть можетъ, какому-нибудь вліятельному въ Ростовѣ народнику - эсеру, противнику бѣлаго движенія, желающему при помощи родной коровы сохранить идейную связь съ русскимъ крестьянствомъ?

Наконецъ, миновали Батайскъ. По обѣ стороны — степь. По проселочной дорогѣ, возлѣ желѣзнодорожнаго пути, уныло тянутся со своими обозами кубанскіе казаки, оставившіе фронтъ и ожидающіе въ возвращеніи домой спасенія отъ красныхъ полчищъ.

Въ Екатеринодарѣ — нѣсколько дней стоянія на запасныхъ путяхъ, вдали отъ станціи, у семафора. Все забито поѣздами, направляющимися въ

Новороссійскъ. Здѣсь мы узнаемъ о паденіи Ростова. Но общее настроеніе не такое паническое, какъ раньше. Фронтъ сравнительно далеко... И многіе пассажиры проводятъ время въ городѣ, нѣкоторые стараются въ ресторанахъ залить горе виномъ.

И какъ-то разъ опять — тяжкое зрѣлище возлѣ нашего поѣзда. Поздній вечеръ... Какая-то группа возвращающихся изъ города, сильно подвыпившихъ. И одинъ, увидѣвъ передъ собой семафоръ съ краснымъ огнемъ, становится на четвереньки и начинаетъ отрывисто свистѣть. Ему нужно, чтобы семафоръ повернули, замѣнили красный огонь зеленымъ и дали возможность всей компаніи двинуться дальше.

Разнообразны въ минуты несчастья русскія души. Однѣ обращаются къ Богу. Другія — къ алкоголю.

И въ Новороссійскѣ, куда послѣ долгихъ остановокъ въ пути мы прибываемъ въ канунъ Новаго Года, — что-то странное, непонятное. Частая ружейная стрѣльба, какъ будто бы перестрѣлка...

Неужели красные успѣли обойти наши отступавшія части и проникли сюда? Или зеленые спустились съ горъ и пытаются захватить портъ?

Нѣтъ. Оказывается — населеніе празднуетъ встрѣчу Новаго Года. Сіяютъ рестораны огнями. Бродятъ по улицамъ оживленные жители.

Что-же. Съ новымъ годомъ! Съ новымъ сча-

стьемъ!

. . . .

Два мѣсяца прожили мы въ Новороссійскѣ въ вагонѣ третьяго класса, загнанномъ куда-то далеко отъ вокзала. Изъ поѣздовъ, пришедшихъ сюда съ сѣвера, среди сѣти рельсъ образовался цѣлый городокъ. Зима стояла жестокая, свирѣпствовалъ ледяной нордъ-остъ. Подъ яростными наскоками вѣтра вагонъ нашъ приподнимался на одну сторону и падалъ колесами на рельсы, точно стуча желѣзными зубами отъ холода. Выходная дверь примерзала, хотя на площадкѣ непрерывно пылала печь.

Изъ ростовской "Зари Россіи" насъ прибыло сюда нѣсколько человѣкъ: М. А. Суворинъ, я съ женой, секретарь редакціи, капитанъ, завѣдывавшій хозяйствомъ газеты, и три наборщика. Грустными вечерами, въ ожиданіи парохода, который долженъ былъ отвезти насъ куда-то на западъ, мы при свѣтѣ свѣчи обсуждали вопросъ, въ какомъ городѣ окончательно поселиться заграницей. По общему мнѣнію, года черезъ 2 большевики безусловно падутъ; но и на этотъ срокъ гдѣ-то надо устраиваться. Я лично, помня свою ошибку при бѣгствѣ изъ Петербурга и не вернувшись туда черезъ четыре мѣсяца, какъ предполагалъ, на этотъ разъ не желалъ оказаться наивнымъ и высказывалъ мрачную мысль, что паденія большевиковъ нужно ждать не черезъ два года, а черезъ три, чѣмъ вызывалъ общее возмущеніе своихъ собесѣдниковъ.

Однажды Михаилъ Алексѣевичъ Суворинъ отправился въ городъ къ своему героически-неутомимому брату Борису, эвакуировавшему "Вечернее Время" въ Новороссійскъ и здѣсь возобновившему изданіе газеты, устроившись за неимѣніемъ мѣста въ какомъ-то подвалѣ. Вернувшись въ поѣздъ, Михаилъ Алексѣевичъ съ волненіемъ сообщилъ намъ радостную вѣсть: в редакціи "Вечерняго Времени" онъ встрѣтился съ сербскимъ дипломатическимъ представителемъ при Добровольческой Арміи, разговорился съ нимъ, и тотъ предложилъ ему открыть "Новое Время" въ Бѣлградѣ. Мало того: сербъ-дипломатъ, воодушевившись своимъ планомъ, обѣщалъ немедленно снестись со Спалайковичемъ и попросить его объ оказаніи матеріальной помощи будущей нашей газетѣ.

Прошло двѣ недѣли томительнаго ожиданія. Мы всѣ волновались. И, наконецъ, получился отвѣтъ. Спалайковичъ сообщалъ своему представителю, что Сербія будетъ счастлива принять у себя "Новое Время" въ Бѣлградѣ. Мало того, сербъ-освобожденія славянъ; что изданію будетъ оказана широкая помощь; что Суворинъ ради проформы долженъ только привезти съ собой малоцѣнныя донскія деньги, и деньги эти сейчасъ же будутъ обмѣнены на динары изъ разсчета по 800 динаръ за каждый добровольческій тысячерублевый билетъ.

Радости нашей, послѣ полученія отвѣта Спа-

лайковича, не было границъ. Каждый изъ насъ наскребъ всѣ оставшіяся у него послѣ ликвидаціи "Зари Россіи" тысячерублевки и внесъ Суворину въ качествѣ паевъ будущаго издательства. А что касается меня, то при такой перспективѣ я въ первый разъ въ жизни рѣшилъ показать себя финансистомъ. Вѣдь, все-таки, изъ всей нашей группы я былъ единственнымъ человѣкомъ со спеціальнымъ математическимъ образованіемъ!

Комбинація моя заключалась въ слѣдующемъ. Незадолго до эвакуаціи намъ съ женой удалось совершенно случайно продать одному бельгійцу дачный участокъ возлѣ Батума за сто англійскихъ фунтовъ. Бельгіецъ купилъ его потому, что въ то время въѣздъ въ Батумскую область, куда ему обязательно нужно было отправиться, разрѣшался только тѣмъ, кто имѣлъ тамъ земельную собственность.

Вотъ эти-то фунты, послѣ совѣщанія съ женой, я и предполагалъ пустить въ оборотъ, купить на нихъ донскія деньги и сдѣлаться будущимъ крупнымъ пайщикомъ "Новаго Времени". — Пора, — думалъ я, — самому позаботиться о своей судьбѣ, если судьба обо мнѣ не заботится.

Отыскавъ въ городѣ одну изъ самыхъ солидныхъ по внѣшнему виду банкирскихъ конторъ, я бодро вошелъ внутрь, осмотрѣлся и прильнулъ къ окошечку, надъ которымъ находилась нужная надпись.

— Скажите, пожалуйста, — сказалъ я, — сколько донскихъ тысячныхъ даете вы за одинъ англійскій фунтъ?

— Какъ? — очевидно не вѣря своимъ ушамъ и поэтому слегка вздрогнувъ, переспросилъ сидѣвшій за рѣшеткой служащій. — Вы, навѣрно, хотите знать, за сколько тысячъ мы продаемъ англійскій фунтъ?

— Нѣтъ, я хочу знать, сколько нашихъ тысячъ могу получить за одинъ англійскій фунтъ.

— Такъ, такъ, — проговорилъ служащій, сочувственно взглянувъ мнѣ въ глаза и затѣмъ внимательно осмотрѣвъ мою фигуру, точно отыскивая какой-нибудь безпорядокъ въ костюмѣ. — Понимаю. А сколько фунтовъ вы продаете?

Когда я шелъ сюда, у меня было полное намѣреніе размахнуться на всѣ сто. Теперь же что-то удержало. Поколебалъ-ли меня удивленный взглядъ служащаго, или повліяла обычная моя нерѣшительность во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, но я отвѣтилъ:

— Двадцать.

— За двадцать могу дать сто тысячъ. По пяти за фунтъ.

— Сто тысячъ? Это, значитъ, восемьдесятъ тысячъ динаръ?... Хорошо. Давайте.

Вернувшись къ себѣ въ вагонъ, я показалъ Суворину полученныя деньги и попросилъ принять ихъ сейчасъ же въ качествѣ пая. Но осторожный

Михаилъ Алексѣевичъ побоялся хранить у себя такую сумму и предложилъ передать ее ему по пріѣздѣ въ Бѣлградъ.

Пришлось согласиться и запрятать завѣтныя сто тысячъ на дно чемодана, чтобы никто не укралъ. И впослѣдствіи, когда мы пріѣхали въ Бѣлградъ и когда сербы не дали ни одного динара на изданіе "Новаго Времени", эти донскія бумажки такъ и остались на днѣ. Я ихъ долго возилъ съ собой, какъ память о Россіи, а также о Сербіи. Побывали онѣ на разныхъ бѣлградскихъ квартирахъ, въ различныхъ французскихъ городахъ и, наконецъ, погибли во время послѣдней войны, когда бомба попала въ тотъ домъ подъ Парижемъ, куда мы сдали на храненіе всѣ свои самыя цѣнныя вещи.

. . . .

1-го марта наша группа на пароходѣ "Афонъ" покинула Новороссійскъ. Помѣстили насъ въ трюмъ, гдѣ мы устроились съ нѣкоторымъ эвакуаціоннымъ комфортомъ, достаточнымъ для того, чтобы сидѣть, а не стоять, и чтобы не задохнуться отъ отсутствія воздуха.

Погода стояла благопріятная. Море — тихое. Выйдя изъ порта, "Афонъ" взялъ курсъ къ болгарскимъ берегамъ, на Варну. Шелъ онъ торжественно — медленно, будто двигался въ процессіи за какимъ-то невидимымъ катафалкомъ. Скрылся прижатый къ горизонту городъ, задернулись дымкой

далекія горы. Настала первая ночь безъ родной почвы, вмѣсто нея подъ ногами гдѣ-то вблизи струилась вода. На темной палубѣ неясными тѣнями тѣснились русскіе люди, влекомые въ даль между небомъ и колыханіемъ зыби. Сіялъ наверху равнодушными огнями небосводъ, заканчиваясь со всѣхъ сторонъ внизу мутнымъ заколдованнымъ кругомъ.

А утромъ — послѣднее радостное видѣніе. Призракъ Крыма, вдали неясныя очертанія Яйлы, чуть уловимыя черты скалистыхъ морщинъ. Но не видно отсюда ни привѣтливой Ялты, ни строгаго Гурзуфа, ни дворцовъ, ни садовъ, ни прорыва Байдарскихъ Воротъ, гдѣ камень, сбѣгающій уступами къ берегу, смѣняется безбрежностью морскихъ синихъ степей.

Въ благоговѣніи толпятся у борта безпріютные русскіе люди, молча слѣдятъ, какъ уходитъ отъ нихъ всторону родная земля. У каждаго въ глазахъ свои слезы. У каждаго въ душѣ свои думы.

И у всѣхъ мучительный вопросъ: за что? Почему?

Только потомъ, черезъ многіе годы, дошелъ до сознанія отвѣтъ. Понялъ тогда каждый, разбудивъ въ себѣ совѣсть, что постигшая его жизнь не безсмысленный языческій пиръ съ небожителями, а божеское наказаніе за грѣхи и ошибки. Познали безпечные и бездѣльные тяжесть чужого труда;

научились смиренію чванные; презиравшіе все родное — загорѣлись любовью; превозносившіе чужое — прозрѣли. Равнодушные къ Богу почувствовали Его перстъ, обратились съ молитвой.

И поняли впослѣдствіи всѣ, что увелъ насъ Господь въ чужія земли для того, чтобы наказаніемъ не погубить, а спасти. Ибо по сравненію съ оставшимися на родинѣ братьями сдѣлалъ насъ счастливцами, оставивъ наказаннымъ свой высшій даръ человѣческому духу — свободу.

ОГЛАВЛЕНІЕ.



